

ФФ **6 96**
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

**Выписывайте
Литературно-художественную
газету**

"Голос Вселенной"

Мифология. Культы и ритуалы древности. Сокровенные знания жрецов и магов. Феномены. Зомби. Инопланетяне и НЛЮ. Контакты с иными цивилизациями космоса и параллельными мирами. Прорицания. Гиперсенсорика. Духи, привидения, монстры, призраки, зверолоды, вампиры, оборотни и людоеды в прошлом, настоящем и будущем. Воскрешение из мертвых и описания загробных миров. Чародейство и колдовство. Разоблачение правящих режимов, сект и тайных обществ. Древнейшая история России и преследования современности.

***"Голос Вселенной"* —**

самая интересная из толстых ежемесячных газет аномальных явлений!

Подписка на любой почте
в Каталоге "Газеты, журналы" Роспечати!

Индекс 50022

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

фп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Литературно-художественный журнал

6 96

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

20 Sep 11

Содержание

В. Потапов. О тех, кого уже не ждут. Фантастический роман	4
А. Писанко. Кювет на повороте.....	155
А. Емельяненко, Н.Юрков, С.Маслов Рассказы.....	233

Обложка П. Кузьмина
Иллюстрации А. Филиппова

© "Приключения, фантастика"
© "Метагалактика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Розничная цена свободная.

Учредитель, издатель, гл. редактор –
Петухов Юрий Дмитриевич

Рег. номер – 309.

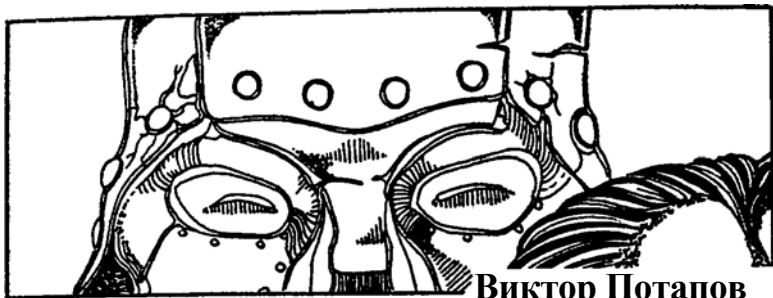
Подписано в печать 10.07.96 г. Формат 84х108/32.
Объем 9 п.л. Бумага тип. 2. Заказ – 2548
Тираж – 15700 экз.

Издательство "Метагалактика" ЛР 060423.
111123, Москва, а/я 40.

ГМП "Первая Образцовая типография"
Государственного Комитета по печати РФ.
113054, Москва, ул. Валуевая, 28.

Индекс 70956

Виктор Потапов

О тех, кого уже не ждут

Фантастический роман

Часть I. Беспроигрышный игрок

Под утро того знаменательного дня, когда Георгий принял роковое для себя решение подобраться вплотную к Беспроигрышному Игроку, ему приснился сон. Станный, многозначительный и с оттенком угрозы.

Он прятался в глубоком окопе. Перед ним расстилалась бурая равнина, исковерканная воронками и остекленелыми черными бороздами. Там и сям торчали покосившиеся столбы с обрывками колючей проволоки. С угрюмого неба сеял мелкий тоскливый дождик.

Слева-направо за остатками заграждения шли странные существа. Они были ярко-зелеными и тела их окружал бледно-салатовый светящийся ореол. Выглядели существа донельзя уродливо: маленькие головы, точнее сказать, обтянутые кожей черепа, посаженные на короткую шею, круглые туловища и несоизмерно длинные руки и ноги.

«Если их поставить на четвереньки, ни дать, ни взять, люди-пауки», – подумал Георгий.

Существа резкой прыгающей походкой прошли мимо него и исчезли, потому что Георгия разбудил мусоровоз, начавший громыхать под окном помойными баками.

Георгий умел отличать обычные сны от вещей. Этот, с людьми-пауками, явно относился ко второму разряду.

Однако, как он ни пытался разгадать его, ничего не вышло. Вещий сон – не задача по математике, его логикой не возьмешь. Ответ должен придти сам. Он может быть не один,

но чувствительная натура всегда узнает, какой из ответов верный, а какой ложный. Нет ответа, значит не пришло время, решил Георгий. Значит, сейчас он должен был только увидеть, придет время и истина откроется. Одно он ощущал совершенно ясно: сон предупреждал о какой-то опасности, грозящей ему в ближайшем или отдаленном будущем.

О какой! Их на него могло свалиться сколько угодно, один Беспроигрышный Игрок чего стоил.

История с БИ началась, когда Георгий работал начальником депозитарного отдела коммерческого банка «Единство». Проще говоря, заведовал хранением ценных бумаг. Истории взлетов и падений разворачивались у него на глазах. По счетам клиентов он видел, как люди горели на акциях «Ринако», «Нипека», «Автомобильного альянса», как некоторые сделали состояния, играя на ваучерном рынке, скупая и продавая акции АО МММ.

Каждый математик скажет вам, если сто раз подбросить монету и повторить этот эксперимент много-много раз, то в среднем она упадет поровну каждой стороной – «орлом» или «решкой». Этот закон неумолимо действовал и на рынке ценных бумаг. Но только не в отношении Беспроигрышного Игрока. БИ никогда не проигрывал. Продавал по самой высокой цене, покупал по самой низкой. Иногда совершенно необъяснимо скидывал бумаги, курс которых «железно» рос. Несколько дней спустя находилось объяснение – курс резко падал и все владельцы этих акций, кроме БИ, оказывались в убытке. Время от времени он выкидывал прямо противоположное – скупал по любой цене бросовые бумаги. И опять, конечно, с выгодой для себя. Вскоре после проведенных им операций они начинали быстро расти в цене.

У Георгия хватило ума «вычислить» БИ, и он стал пристально следить за ним. Можно сказать, БИ стал его хобби, причем очень денежным хобби. Заключалось оно в игре «делай, как я» – повторении всех операций БИ, которые удавалось отследить.

Хобби помогло Георгию сколотить за несколько месяцев капиталец, и он решил расширить поле своей деятельности. Сидя тихо, как зайчик, в своем банчоксе, Георгий начал прощупывать биржи и другие банки. Деятельность такого супер-профессионала не могла ограничиваться только его банком.

Подкупая, оказывая услуги, используя деловые и дружеские связи, он обнаружил следы деятельности БИ на бирже

недвижимости, на рынке государственных ценных бумаг и еще кое-где.

Минул год и Георгий крепко встал на ноги, однако выходить из тени не собирался. Служащий среднего звена в средней руки коммерческом банке – это именно то место, с которого удобнее всего было руководить операциями. С некоторых пор помимо главной заботы – как нажать денег – у Георгия появилась еще одна, как бы Беспроигрышный Игрок не выследил его самого.

«Если я додумался до такого, – справедливо рассудил Георгий, – то и он, наверняка, допрет, что кто-то мог вычислить его».

Поэтому Георгий старался максимально запутать следы. Все, что он приобретал и продавал по невольной подсказке БИ, маскировалось массой других сделок.

На второй год Георгию удалось получить доступ к государственному регистру акционерных обществ и провести инвентаризацию учредителей и крупнейших акционеров. После этого он всерьез и надолго задумался. Ему открылись истинные масштабы деятельности БИ. А они были таковы, что можно было только теряться в догадках, какие силы стоят за фирмой Беспроигрышного Игрока. Перед Георгием открывались два пути: воровски подбирать крохи за Игроком, как он делал до сих пор, трястись, потеть и богатеть помаленьку. Второй – выяснить связи БИ. Все выглядело так, будто экономика, финансы, торговля для БИ – тарелка с манной кашей, рядом с которой сидит заботливая мама и черпает с этой тарелки ложку за ложкой. БИ остается только вовремя рот разевать. Георгий тоже хотел иметь такую маму, хотел добраться до источника информации БИ.

Присущая ему склонность к авантюризму подтолкнула Георгия к решению: он выбрал второй путь. Хотя и отдавал себе отчет, что, попадись он, его уничтожат и в экономическом, и, возможно, в физическом смысле слова. Однако идея «пан или пропал» была милее его сердцу, чем роль рыбы-прилипалы.

Вот уже три месяца нанятые в частном агентстве профессионалы следили за БИ и служащими его фирмы, прорабатывали цепочки связей, доставали копии документов и так далее, но ничего не могли разнюхать. Приходилось сделать неутешительный вывод – БИ – гибрид Эйнштейна и Шерлока Холмса – скромный гений рыночной экономики.

Георгий уже начал беситься, когда получил известие, что БИ собирается на две недели в Крым. Поразмыслив, Георгий решил, что такой бизнесмен не сможет четырнадцать дней бездарно валяться на пляже, да и размах дела, захоти он этого, не позволит ему бездельничать так долго. А в маленьком городке нащупать ниточки его связей будет несравненно легче, чем в Москве. Может быть легче, поправил себя Георгий. Но попытаться стоило. И он лихорадочно взялся за дело. Вскоре на курорт выехали почти одновременно группа детективов и сам Георгий с компанией друзей.

Прибыв на место, Георгий и компания поселились в том самом отеле, где расположился БИ, и стали шумно и бесшабашно веселиться.

Между фигурными колонками перил был хорошо виден нижний зал бара. Там вокруг кирпичного электрокамина, накрытого огромной четырехугольной крышей-трубой, плясала молодежь. Слева от входа располагалась стойка в виде сильно вытянутой латинской буквы «с», справа – полутемные зальчики с арками и ступенями, где спускающимися вниз, где поднимающимися вверх, что придавало им вид запутанного средневекового арабского лабиринта.

На балкончике, где расположился Георгий и его друзья было немного потише и посвободнее, чем внизу. Фальшивые электрические свечи освещали лоснящиеся от выпивки и танцев лица.

Фалеев как всегда надрался и теперь храпел, свесив голову на грудь. В руках у него была чашка кофе, который лился через край на блюдце, а с блюдца на светлые брюки. Георгий молча смотрел вниз на скачущую публику, смотрел и не видел ее, его волновало, почему сегодня не было никаких известий от Матвеева, его главного детектива.

– А куда подевался Женя-глобус со своей Светланой? – спросил Согомоян, наливая себе виски. – Если они будут так часто пропускать наши попойки, имеют все шансы испортить желудок от нерегулярного приема алкоголя.

– Мистер Букреев грызет миссис Букрееву в своем номере. Сегодня у них траур. И Светлана надела черную комбинацию, – пьяно роняя слова, сказала жена Согомояна Марина.

– А в чем, собственно, дело? – равнодушно поинтересовался Георгий, следя взглядом за женщиной, подошедшей к

стойке внизу. Ему были видны только ее волосы и спина, тем не менее она привлекла его внимание.

– Женька опять затеял фокус с блюдцем. Хотел, чтобы она выхлебала стакан водки с блюдца, словно чай, да ничего не вышло. Светку стошнило и вместо прибыли ему пришлось платить самому.

– У Ремарка одна проститутка по кличке «железная кобыла» выдергивала на спор задом гвозди, – сказала Дина Фалеева, брезгливо глядела на мужа. Кофе уже окрасило в темный цвет его брюки до самых колен.

– Петя, своди меня потанцевать, – попросила она Согомояна, – не хочу сидеть с этим пьяным типом. – Она сердито отвернулась от мужа.

– Пойдем, – кивнул Согомоян, вскакивая с легкостью, будто и не пил весь вечер. Он был самым выносливым из компании, ничего не напишешь, бывший спортсмен.

– Если бы Светка стала выдергивать гвозди, они бы быстро разорились. Ей нечем это делать! – крикнула вслед ушедшей паре жена Согомояна и, повернувшись к Георгию, улыбнулась ему. Он вежливо растянул губы – при свечах этого было достаточно.

Марина долго смотрела на него, затем сбросила туфлю и согнутой ступней стала водить по его голени. Георгий продолжал невозмутимо наблюдать за женщиной внизу. Она выпила что-то у стойки и скрылась под балкончиком.

«Куда она пошла? – подумал он, – в зальчики, или наверх?»

– Георгий, ты совершенно не обращаешь на меня внимание, – грустно и трезво проговорила Марина.

Он обернулся к ней и положил руку на шею, она опустила голову, ожидая ласки. Георгий провел несколько раз ладонью по ее голой спине и похлопал по плечу.

– Просто у меня неприятности, – соврал он.

– Какие? – спросила Марина. Она не верила ему.

– Дела идут не больно-то хорошо, и это меня здорово беспокоит. – Георгий наклонился к Марине и поцеловал ее. Она запрокинула голову и прижалась к нему большой мягкой грудью.

– Эй вы, сволочи! – произнес пьяный голос и Георгий отпрянул от женщины.

– А-а! Это господин Фалеев осчастливил нас своим пробуждением.

Фалеев смотрел на него исподлобья совершенно идиотским взглядом. Заметив насмешку в глазах приятеля, он попытался вскинуть голову, чтобы показать, не так-то, мол, я и пьян, но попытка окончилась неудачей. Голова его мотнулась влево, вправо, никак не желая держаться прямо, и вновь опустилась, оперевшись подбородком в грудь, найдя в ней надежную точку опоры.

– Отведите меня домой, – потребовал Фалеев.

– Сам дойдешь! – мстительно сказала Марина.

– Марина, отведи меня к Дине.

– Еще чего!

– Марина, ты и... – Фалеев указал пальцем на Георгия и не в силах выговорить то, что хотел, цокнул языком и мотнул головой.

– Ну хорошо, хорошо, – примирительно сказала женщина и поднялась. Ей не хотелось, чтобы этот пьяный дурак начал болтать при муже. – Сейчас я отведу тебя к твоей верной супруге и ты получишь сполна.

Фалеев поднялся рывком с кресла и чашка скатилась с его колен на пол. Сам он качнулся вперед, назад и рухнул назад в кресло, после чего долго и тупо соображал, что же произошло.

Георгий встал и подошел к приятелю. Взяв его под мышки, поднял на ноги.

– Нет! – заорал Фалеев и стал отталкивать его. – Ты – нет. Марина! Марина!

– Я-я-я, – успокаивающе сказала женщина и подставила Фалееву плечо. Обернувшись к Георгию, тихо добавила:

– Исполню свой христианский долг и вернусь, надеюсь, дожدهшься?

Георгий заученно улыбнулся ей и кивнул.

Когда Марина и Фалеев ушли, покачиваясь и спотыкаясь, он быстро спустился вниз в общий зал бара. И сразу же нашел то, что искал.

Она сидела у окна неподалеку от стойки; сквозь темно-синее стекло падал неяркий рассеянный свет, обрисовывая красивый профиль. Сидела, опустив голову, и задумчиво рассматривала пузатый бокал, который медленно поворачивала изящными тонкими пальцами. Одинокaя и неустроенная.

Георгий подошел к стойке и, заказав виски, сел так, чтобы видеть ее. Чем дольше он смотрел на эту женщину, тем глубже проникала она в его сердце, с легкостью преодолевая все

преграды, против которых в последние годы были бессильны любые женские чары.

Георгий разглядывал ее с восхищением. Эта женщина была нестерпимо привлекательна. Неожиданно возникшее чувство несколько испугало его, он привык, что все у него распланировано по часам – дела, секс, отдых, что все контакты, имеющие целью выгоду или удовольствия, планируются им заранее, что он заставляет окружающий мир подстраиваться под его планы, а не наоборот.

«Она – всего лишь одна из миллионов симпатичных женщин, – сказал он себе, – лишь тайнопись пола, открывшаяся мне одному, делает ее такой нестерпимо привлекательной, прекрасной в моих глазах».

Сказать-то сказал, но это ничуть не помогло. Георгия восхищало все: и ее стройные, какие-то наивные ноги, и то, как она время от времени терлась щекой о плечо, которое подетски поднимала вверх, и тонкие линии лица. Он забыл о своем намерении снять ее на ночь, с которым направился сюда. Восхищение лишило его уверенности и сделало робким, он стал лихорадочно придумывать что-нибудь элегантное и неординарное, но на ум ничего не шло. Опыт его знакомств был полон пошлостей и наглых фраз.

Поэтому он просто сидел у стойки и смотрел на нее – тепло и грустно.

Все решилось само собой. Она подняла глаза и их взгляды встретились. Георгия словно ударили в грудь – в ее глазах стояли слезы. Он порывисто встал и подошел к ее столику.

– Извините, мне показалось, вам плохо. Не могу я чем-нибудь помочь?

Она удивленно взглянула на него – над каймой нижних ресниц блестела влажная полоска – и, отрицательно покачав головой, вновь опустила ее.

Георгий молча стоял, не зная, как быть дальше, просто уйти он уже не мог.

– Я от всей души, – нелепо пробормотал он и сел напротив.

Она ничего не ответила, затем вдруг глянула на него в упор, желая понять, с кем имеет дело, и скупой улыбнулась.

– Вы, наверное, миссионер и предлагаете помощь всем несчастным женщинам. Всем подряд.

Георгий энергично затряс головой.

– Ах, даже не всем. Только избранным.

– Только вам, – сказал он и почувствовал, что совсем теряется и краснеет.

– Не надо вкладывать столько души. В баре это выглядит ненатурально.

– К сожалению, но я в этом не виноват.

– В чем?

– Что встретил вас именно здесь.

– И я вам сразу понравилась... Георгий кивнул.

– И вы хотите пригласить меня к себе? Или мы сначала прогуляемся вдоль пенной линии прибоя?

Георгий поджал губы и ничего не ответил.

– Вот видите, – сказала незнакомка и грустно улыбнулась.

– Вижу, – ответил он резко и поднялся. – Но это относится не ко мне, и поэтому несправедливо. Хотя вначале, когда я заметил вас внизу, все было именно так, как вы сказали. Да и как могло быть иначе в этом городе и этом месте?

Она с удивлением глянула на него, не ожидая такой прямоты, потом как-то неопределенно улыбнулась.

– Принесите мне кофе и мороженое. Я люблю шоколадное с орехами.

Спустя полчаса Георгий и Фаина уже шли неторопливо вдоль той самой пенной линии прибоя, о которой она упомянула с издевкой. Здесь у моря было сравнительно тихо – настолько, насколько вообще может быть летним вечером в модном курортном месте. Сверху с набережной неслась музыка, слышались пьяные крики и смех. Отель, в котором они жили, как оказалось, оба, стоял словно рождественская елка, расцвеченный множеством разноцветных вспыхивающих и гаснущих рекламных огней. Огромная коробка, вознесшаяся к небу и сливающаяся сверху с тьмой так, что освещенные окна последних этажей, казалось, просто висели в пустоте.

На берегу в отдалении виднелись силуэты обнявшихся парочек, но их было немного. Море надоедало большинству за день и по вечерам публика тянулась в привычные городские места – бары, рестораны, дискотеки, дансинги, видеосалоны.

– У меня не было к жизни каких-то огромных претензий. Я всегда желала одного – создать семью, иметь любимого мужчину, детей от него, и просто жить... Я же не виновата, что жизнь столкнула меня с женатым. Да вообще, какое это имеет значение... Пойдемте туда, – Фаина кивнула вправо.

– Мне кажется, что все мужчины склонны иметь много женщин. Ведь им не надо думать о детях. А женщина всегда мечтает о семье, какой бы она не была эта женщина. Это необходимо.

Георгий состроил гримасу. Углы его губ дрогнули, но он смолчал.

«В конце концов она права, – подумал он, – все наши моральные нормы вырастают из необходимости. А чувство лишь набрасывает на нее цветастое покрывало, скрывая или приукрашивая действительность».

– А дальше все было так обыкновенно, что уже неинтересно рассказывать, – Фаина изящно и безнадежно развела руками. – Теперь я обыкновенная одинокая женщина, с обыкновенной судьбой, и ничто не ожидает меня в будущем, разве богатый любовник. – Она повернула лицо к Георгию и глянула на него из-под бровей хитро, по-заговорщицки, мгновенья спустя скромно потупилась. – Хотя в этом нет ничего необычного.

– Давайте посидим, – предложил Георгий, указывая на блестящий в лунном свете валун. – Вы не замерзли? – Он приобнял Фаину за плечи, боясь, что она оттолкнет его. Но она не оттолкнула, и сердце Георгия забилося чаще.

Фаина подошла к камню, потрогала его ладонью и качнула головой.

– Нет, я хочу на траве.

И опустилась рядом с валуном, поджав под себя ноги. Георгий накинул ей на плечи свою куртку, вынул из кармана сигареты, но женщина покачала головой, и он спрятал пачку назад.

Сухая трава, легкое шуршание ветерка в листве. Открытое ситцевое платье, изгиб плеч, мягкой линией переходящий в тяжелые холмики груди, загорелая нежная кожа. Он прижался щекой к ее волосам, так много чувствующий, понимающий, желающий сказать в этот миг, но не произнес ни слова. Видимо, природа нарочно придумала так, чтобы люди молчали в мгновенья великих откровений и не мельчили их словами.

Она была рядом. Молодая привлекательная женщина, избегающая его взгляда, скользкая глазами по траве, ЖЕНЩИНА НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Георгий уже понял это и не двигался, боясь спугнуть мгновенье, боясь, что для нее он всего лишь случайный знакомый, исповедник на один вечер и утешитель на одну ночь.

Фаина запрокинула голову и стала глядеть на звезды.

– Как мало отпущено времени женщине, – сказала она, – и как много из этой малости приходится отдавать на поиски.

Она выпростала из-под себя ноги и села к Георгию боком, обхватив колени.

– Странно... теперь мне кажется странным... Я так долго и прочно была уверена, что любовь не может миновать меня. А потом поняла вдруг, ничто не обязательно в этом мире. Ничего может не быть. Вообще НИЧЕГО. – Последние слова Фаина произнесла медленно, словно диктуя. Затем сорвала подсохшую травинку и вспорола стебелек ногтем.

– Вы любили его? – спросил Георгий, закуривая.

– Да. Но это продолжалось недолго. Пока не поняла, что он, что ему не хватает сил взбунтоваться против собственной судьбы. Он так бы и жил: урывками со мной и прочно в семье, из-за нерешительности, боязни перемен, чувства долга по отношению к сыну.

Фаина усмехнулась одной щекой и снова занялась стебельком, расслаивая его на тонкие нити. Георгий молча курил. Затем, хотя и понимал, что поступает бестактно, спросил:

– Уверены, что на самом деле любили его?

Фаина искоса взглянула на спутника и, прислонилась спиной к камню. Некоторое время она сидела чуть покачиваясь, с улыбкой на губах, глядя на свои сцепленные на коленях руки и не торопясь отвечать.

– Теперь уже нет, – сказала она наконец, поворачиваясь лицом к Георгию, губы ее раздвинулись так, словно приглашали поцеловать их. И Георгий принял это приглашение.

Некоторое время спустя они вернулись в отель, поднялись в номер Георгия. Там после долгих поцелуев Фаина легко согласилась расстаться с платьем – единственной защитой от посягательств, принятых более чем охотно.

Георгий давно не просыпался в таком прекрасном настроении. Чувство радости жизни – таким ярким оно не приходило с детства, со школьных каникул, когда тепло, солнечно, тебя вдет купанье с друзьями, много веселых игр, и нет у тебя никаких обязанностей, когда ты волен, как птица.

Георгий вышел на лоджию и долго стоял, глядя на море. Ветер с берега шевелил плети выюна, закрывавшего края ниши, ласково поглаживал тело. Бледное золото песка и блестящее мириадами бликов море тоже были полны радости.

Георгий закрыл глаза и глубоко вздохнул.

«Никогда бы не поверил, что женщина может дать такое счастье, что в обыкновенной симпатичной девушке скрыто такое колдовство. Ведь я же не жил раньше! Я ничего не чувствовал! Ничего! 33 года такой страшной пустоты. Наверное так себя чувствовал бы автомобиль, который целый год стоял бы и работал на холостых оборотах. А потом в него сел бы лихой парень и нажал до отказа газ. И автомобиль понял бы внезапно, что создан не для стояния, а для скорости, крутых виражей, бесконечных дорог.

Фаина!.. В этом имени было ВСЕ. Пять букв и все радости и смыслы жизни. Ничего более важного не существовало, все прочее могло быть только дополнением к женщине с этим именем.

Ощущение полноты жизни, так это называют в книгах. А до вчерашнего дня было ощущение пустоты жизни. Факт, не нуждающийся в доказательстве».

Георгий вспомнил Татьяну – свою последнюю любовницу. Они жили вместе так долго, что давно перешли грань пылкой страсти, и он уже не однажды изменял ей, но она делала вид, что не знает этого. А он терзался, не имея духу порвать с ней.

Возвращаясь домой, Георгий обычно находил Татьяну в спальне. Она перелистывала, подставив колени, какой-нибудь альбом интерьеров дворцов, картин или скульптур, либо сидела перед зеркалом, продельвая те сложные манипуляции, которые помогали ей сохранить красоту и свежесть. Георгий целовал ее в щеку, плечо или затылок (только не в губы). Он целовал ее и, раздеваясь, осведомлялся, как провела она день. Татьяна начинала рассказ и Георгий внимал с отсутствующим видом, продолжая думать о своем, следя за неторопливым ритмом фраз и кивая в нужных местах. Затем шел в ванную комнату.

Татьяна всегда встречала его взглядом, когда он возвращался и либо вновь погружалась в пышные залы и темные полотна, либо откладывала книгу и гасила свет. Они были удачной парой, досконально изучили друг друга, и прежнее буйство страсти превратилось в культурное и полезное занятие. Их ощущения были приглушенными и благостными. Потом Татьяна снова включала свет, чтобы еще часок, другой почитать, а Георгий, отвернувшись к стене, засыпал, чтобы утром вернуться к своему Великому Шансу – БИ.

У него все было продумано – комар носу не подточит. Двое из парней Матвеева (нанятого им детектива) работали в газетных киосках. Один в отеле, другой – неподалеку в городе. Покупая газеты, он ничем не выдавая себя, получал все последние сведения, которые удалось собрать Матвееву и его людям. Информация записывалась дедовским способом – молоком на полях газеты. При нагревании ее над электрической лампой проступали бледно-коричневые буквы. Не самый лучший метод, но зато он не требовал специального оборудования и материалов, которые могли бы быть обнаружены, если за ними начнется слежка.

Сам Матвеев поселился на окраине, довольно далеко от моря, в двухэтажном домике, сзади которого буйно разросся бурьян, а на улице, где он стоял, время не заглядывало, пожалуй, с начала века. Булыжная мостовая, старинный четырехгранный фонарь на углу, палисаднички с цветами за низкими заборчиками. Для конспиративной квартиры место представлялось очень удачным. Тишина и пустота улицы затрудняли слежку, а заросший бурьяном пустырь, переходивший в рощу, тянущуюся до самого шоссе, открывал прекрасный путь на случай вынужденного бегства.

На настоящий момент, как это следовало из «Московского комсомольца», за БИ не было замечено ничего подозрительного. Дни его были построены одинаково: до обеда он работал с помощником и секретаршей, рассылал факсы и делал телефонные звонки. Посетителей было мало: либо старые, проверенные уже партнеры, либо местные предприниматели, надеющиеся получить финансовую поддержку. Из последних к БИ были допущены единицы, так что их «проработка» заняла не слишком много времени. Отсутствие результатов не огорчило Георгия, он и не рассчитывал особенно-то на них, конспирация у БИ была поставлена идеально.

Тем не менее, вскоре он убедился, что был прав, сделав ставку на эту курортную историю. Однажды на исходе первой недели агенту наружного наблюдения посчастливилось увидеть какое-то темное тело, опустившееся на крышу отеля. Оно двигалось совершенно бесшумно и по форме напоминало вертолет. Объект пробыл на крыше около 15 минут и улетел в сторону моря. На следующий день БИ приобрел контрольный пакет акций компании, о которой никто слыхом не слыхивал, а еще через три дня с ней заключило контракт министерство

обороны. Проект был совместным, и США вложили в него 200 миллионов долларов.

Этот эпизод навел Георгия на мысль, что большая часть информации поступает к БИ заблаговременно по скрытым каналам и только в экстремальных ситуациях он идет на прямой контакт. Оставалось выяснить, что это за каналы и куда ведут.

Матвеев предложил проработать, поначалу казалось неплохую идею, поискать в явной жизни БИ что-нибудь, аналогичное их выдумке с газетными киосками. Был составлен детальный график дневных передвижений объекта, его аккуратно «водили» три дня, но безрезультатно. Газеты БИ приносили в номер, на пляже он проводил время уединенно, с женщинами не встречался, друзей не имел, нигде, кроме бара, не бывал. Поскольку газеты он получал из киоска, в котором сидел человек Матвеева, этот канал отпадал и оставалось всего пять точек соприкосновения с внешним миром: референт, секретарша, официант, подающий завтрак и обед (БИ никогда не ужинал), метрдотель, предлагающий обеденное меню и бармен, получающий деньги и отсчитывающий сдачи.

Хотя оба служащих БИ были давно проверены и перепроверены, их «просветили» снова, чтобы убедиться, что Беспроигрышный Игрок есть Беспроигрышный Игрок и достаточно умен, и референт, и секретарша были чисты. То же выяснилось вскоре и в отношении официанта, а вот с метром и барменом оказалось сложнее. Оба вели рассеянный образ жизни и виделись в течение дня с такой уймой людей, что утверждать что-либо наверняка было просто невозможно. Их приходилось держать под постоянным наблюдением.

Минула неделя с того вечера, как Георгий познакомился с Фаиной. В эту ночь он не остался у нее, Фаина перегрелась на солнце и чувствовала себя прескверно. Убедившись, что врач сделал все возможное, чтобы облегчить ее страдания, и она засыпает под действием укола снотворного, Георгий отправился в своей номер.

Раздевшись, он бросился на кровать. Лежал, подложив руки под затылок, и смотрел сквозь огромное окно в звездную бездну. В голове табуном неслись мысли, планы... Незаметно он уснул. Проснулся Георгий от пронзившего сердце внезапного испуга. Взглянул в окно, прислушался – стояла глубокая ночь и полная, **почти** полная тишина. Из коридора доносилось тихое царпанье. Георгий бесшумно поднялся, достал из

сумки, стоявшей подле кровати пистолет и подкрался к двери номера. Кто-то возился за ней, пытаясь открыть замок. И не слишком таился. Видимо знал, что хозяин должен ночевать в другом месте.

Дверь, наконец, поддалась усилиям взломщика и отворилась. Черная фигура скользнула мимо Георгия по короткому коридорчику и ступила в комнату.

– Стой! – шепнул Георгий ей в спину. Фигура на мгновение застыла, затем молниеносно обернулась, и его плечо пронзила острая боль. Лежавший на спусковом крючке палец произвольно дернулся. Шум от падения тела был громче, чем выстрел его маленького, снабженного глушителем пистолета.

Постанывая от боли, Георгий запер дверь, прошел в комнату и включил свет. Перед ним на спине лежал пожилой бармен, которого они с Матвеевым «разрабатывали» как возможного связника БИ. Слева на белой рубашке его расплывалось кровавое пятно.

Вызванные Георгием люди Матвеева тихо убрали тело и ликвидировали кровавые следы на ковре. Затем они вдвоем, потягивая «Абсолют», обсудили происшедшее и пришли к выводу: БИ не имеет к этому нападению никакого отношения. Оно спровоцировано неосторожностью самого Георгия. Днем он принес в номер большую сумму денег – хотел сделать подарок Фаине, купить приглянувшийся ему серебряный гарнитур с камнями – браслет, серьги, кольцо и колье. Помнится, они опаздывали на прогулочный пароход, он в спешке сунул деньги в сейф за картиной, кинул какую-то шутку убиравшей номер горничной и вылетел вон. Скорее всего это была заурядная попытка ограбления. Тем не менее, провериться было необходимо. Матвеев увеличил его невидимое сопровождение с двух до четырех человек. Если за Георгием следят, через пару дней это станет очевидно.

Два дня прошли и он смог вздохнуть облегченно – все было чисто. По этому поводу Георгий устроил пир, во время которого сделал два важных шага, рассказал обо всем Фаине и сделал ей предложение. Им было, что обсудить, и они легли спать только на рассвете.

Утром Георгий встал поздно, встал только для того, чтобы осушить бутылку холодной минеральной воды. Он снова лег и с нежностью поглядел на Фэй (так он ее называл). Она безмя-

тежно спала, скинув на пол простыню, щекой на собственных волосах, волной рассыпавшихся по подушке. Георгий провел рукой по ее бедру и легонько сжал пальцами грудь. Фэй мгновенно проснулась, погладила его пальцы и посмотрела на Георгия через плечо. Глаза ее были затуманены сном, пробормотав что-то, она вновь заснула.

Полчаса спустя, почувствовав себя сносно, Георгий оделся и спустился вниз за газетами. Прочитав очередное послание Матвеева, он увидел в конце его три треугольника и крест, сигнал срочного вызова в связи с важными новостями.

– Что там, милый? Георгий обернулся:

– Проснулась... Ничего не болит?

– Голова тяжелая. Дай мне воды.

Георгий достал из холодильника бутылку минеральной и, дождавшись, пока Фаина напьется, сказал:

– Тут новости от Матвеева. Что-то он разведал, нужно будет сегодня пойти к нему.

Он провел рукой по щеке женщины и расправил волосы на подушке – они были красивы – темные и блестящие. Фей притянула Георгия к себе, и он ощутил ее горячее со сна тело.

– От тебя пахнет табаком. Курить натошак вредно. Ты нервничаешь?

– Есть немножко.

Фей прижала его голову к груди и стала мерно гладить по волосам. Поначалу он лежал, наслаждаясь этими прикосновениями, тихо и безмятежно. Потом вдруг встревожился: в этой размеренности Георгию почудилось что-то чужое: Фей словно отделилась от него, рядом лежало только тело, слышался стук сердца в груди, грудь мягко сминалась под его щекой, за закрытыми веками струились неизвестные мысли.

– Ты меня любишь? – спросил он. Вопрос прозвучал резко в той атмосфере нежности и тишины, которая окружала их.

Фей открыла глаза и крепче прижала его к себе.

– А кого же еще я люблю?

Георгий взглянул в ее сияющие радостью глаза и вздохнул, на душе отлегло так же быстро, как стало тревожно.

– Никак не могу поверить. Боюсь. Вдруг завтра все кончится. А я уже не могу без тебя. Нет, я, конечно, не умру, теперь никто не умирает, но и жить не буду, так... как-то просуществуя оставшиеся годы. Или сделаюсь злодеем, – закончил он весело, чтобы замаскировать страх и тоску предыдущих слов.

– Я ведь тоже не могу без тебя. Ты – моя последняя любовь и последняя надежда. И я тоже... поэтому... боюсь... – Фаина говорила так тихо, что Георгий слышал, как разлепляются ее губы.

– Откуда у нас такой пронзительный страх? – Георгий приподнялся на локте, глаза их встретились. – Наверное, мы друг для друга больше, чем любовь. Мы – утраченные иллюзии и спасение от одиночества. Мы друг для друга – единственный мир, который может создать человек и наслаждаться им в течение всей жизни. Мир на двоих.

Шагах в ста от дома, в котором обосновался Матвеев со своими парнями, Георгия внезапно пронзило щемящее чувство опасности. Как будто чей-то враждебный взгляд или мысль коснулись его. Напряженно застыв, он быстро огляделся. Ничего подозрительного. Однако чувство тревоги не покидало его. Возможно, это просто нервы, подумал Георгий. Скорее всего, именно так, стал успокаивать он себя. Постоянное напряжение, нападение в номере – поневоле начнешь пугаться собственной тени. Теперь добавился еще страх за Фей. Если раньше у него было одно уязвимое место – он сам, то с недавних пор их стало два.

«Нервы! Нервы! Это нервы! Шагай дальше!» – сказал он шепотом себе, но с места не тронулся.

Суеверным Георгий никогда не был, но в интуицию последние годы верил почти свято. Уже не раз и не два наказывала его судьба, когда он пытался противопоставить ей логику, гордыню воли.

Шага его двух телохранителей стихли за спиной. За считанные секунды они отреагировали на его остановку. Мысленно он увидел руки, достающие из-под пиджаков пистолеты, пальцы, спускающие предохранители. Все! Полная готовность.

Георгий стоял, прижавшись спиной к стене дома, совершенно невидимый на освещенной редкими тусклыми фонарями улице. Стоял и старался уловить хоть какой-то намек – движение, звук, которые бы подсказали, что происходит или готовится произойти там впереди, когда он выйдет на свет старого четырехгранного фонаря. Но ночь и тьма, как им и полагалось, молчали. Георгий оглянулся: сзади улица насто-роженно замерла, но она не таила угрозы, впереди она была

совсем иной – ждала его, разинув пасть-ловушку, из которой смердело смертью.

Шуршащие шаги послышались сзади, Георгий достал оружие.

– Это я, Олег! – прозвучал тихий голос одного из его телохранителей.

– Иди сюда! – откликнулся Георгий, и парень подошел.

– Что случилось?!

– Померещилось что-то... Не знаю... – Георгий не мог подобрать слова, которые объяснили бы его беспричинный страх.

– Давай так. Я проберусь переулком в палисадник вон того обшарпанного особнячка, – Георгий указал на двухэтажный дом, стоявший напротив того, где поселился Матвеев, – спрячусь за заборчиком, а ты пошли Костю, пусть пройдет мимо. Понаблюдаем.

Олег молча кивнул и скрылся в темноте.

Нырнув в некошеную траву, Георгий затаился. Осторожно раздвинув пыльную зелень, стал глядеть в щель между планок забора. Ему показалось, что в крайнем справа окне первого этажа шевельнулась занавеска или мелькнула тень. Еще мгновение спустя он стал сомневаться в этом.

И все же... чувство, не имеющее названия и отношения к обычным пяти, уловило сигнал, Интуиция... да, раньше это слово подходило, сейчас – нет. Это была уже не интуиция, это было чувство смертельной опасности.

Послышались приближающиеся шаги Кости. Топ-топ, обычные шаги спешащего домой человека. Георгий глянул на часы – 23.58. Две минуты до назначенного срока.

«Если там кто-то есть, – подумал он, – они несомненно решат, что это я».

«Кто-то» значило – не Матвеев и не его люди. ЧУЖИЕ.

Георгий упер локти в мягкий дерн и, наставив пистолет на дверь, замер.

Костя вышел из-за угла. И сразу же из окна где Георгию померещилось движение, чмокнул выстрел. Георгий дернулся всем телом, будто земля подкинула его, как норовистый конь, повел дулом, но не выстрелил.

Костя ничком рухнул неподалеку от четырехгранного фонаря. Чуть погодя распахнулась дверь, и на пороге показалась фигура. И тогда Георгий дважды нажал на курок. Чмок, чмок!

С таким же чмоканьем пули вошли в тело убийцы Кости. Ноги его подломились углом и он рухнул лицом вниз на камни мостовой.

Тут же в ответ в двух окнах сверкнули вспышки ответных бесшумных выстрелов, и пули, пропев над головой Георгия, впились в стену дома.

В следующие мгновенья одно за другим треснули стекла в окнах, из которых вели огонь по Георгию. В перестрелку включился Олег. Георгий, лихорадочно работая локтями и коленями, отполз от штакетника и, обогнув дом справа, прыгнул в темный проулок и побежал, не таясь – здесь уже не было ни асфальта, ни булыжника, только обыкновенная пыльная земля.

Выглянув из-за угла, Георгий стремительным броском пересек улицу (ту самую, по которой еще десять минут назад беспечно шел навстречу затаившейся смерти). Теперь он мог зайти в тыл матвеевского дома, и засада будет взята в клещи – спереди Олег, сзади – он сам.

«Если то же самое не сделают ЭТИ», – поправил он себя, замедлил шаг, стал еще внимательнее всматриваться и вслушиваться в окружающую его тьму. Наконец Георгий достиг зарослей бурьяна и нырнул в них. Он лежал, замерев, уткнувшись локтем в мягкую землю, ощущая на лице влажное прикосновение бурьяна, от которого пахло одновременно гнилью и свежестью. Он выждал некоторое время, потом пополз к Дровяному сараю, но не по прямой, а сильно забирая влево, чтобы не оказаться на открытом месте. У двух берез, между которыми висели детские качели, он остановился, поднял голову и посмотрел через невысокий забор, разделявший на участки матвеевский дом. Выходившие на пустырь окна были темны, никаких признаков жизни. Георгий опустил голову на руку и некоторое время лежал, обдумывая, как быть дальше. Только он собрался было перебежать через поваленную секцию изгороди, как с улицы раздался громкий звон стекла и отчаянный жалобный крик.

Он не успел сообразить: Олег подстрелил кого-то, или кто-то подстрелил Олега, как дверь черного хода распахнулась и из нее показалась фигура.

– ...этого гада на улице! Осторожней, где-то тут должен ошиваться хозяин! – услышал он обрывок фразы, брошенной в спину фигуре, и сразу понял, это об Олеге и о нем самом.

– Прицелившись, Георгий выстрелил дважды – один раз по фигуре на пороге, второй – в черный проем двери. Два почти слившихся в один стона показали, что обе пули достигли цели. Георгий вскочил и под истошный лай всполошившихся в соседних дворах собак перемахнул забор, отделявший участок от пустыря. Что было сил он припустил по пустырю в сторону шоссе, где его ожидала машина.

Уже на подходе к роще он услышал сзади голоса и обернулся. У порога, очевидно, окружив убитых, замерло несколько огоньков карманных фонариков. Затем два светлячка отделились и двинулись вправо и влево.

«Пошли брать Олега», – подумал Георгий.

Два других, подсакивая, направились в его Сторону. Георгий поднял руку, чтобы защитить лицо от ветвей и бросился в рощу. Ему уже были слышны шумы проносящихся по шоссе автомобилей.

Вернувшись в отель, Георгий тут же поднялся к Фаине. Она нервно курила, ожидая его. Не отвечая на немой вопрос, застывший в ее глазах, он подошел к холодильнику и достал бутылку виски. Налив полстакана, выпил залпом и, рухнув в кресло, закрыл глаза. Наступила тишина. Алкоголь начал действовать и его немного отпустило. Георгий открыл глаза – Фэй, не шелохнувшись, стояла на том же месте, где он застал ее, дым сигареты змеей полз вверх.

– Сядь, – сказал он. – Не волнуйся, самое худшее не произошло. Просто они засели в доме Матвеева, убили Костю и хотели убить меня.

– Кто? – деревянным голосом спросила Фаина. Георгий посмотрел на нее долгим взглядом.

– Не знаю... Думаю, приятели бармена. Очевидно, мы слишком легкомысленно отнеслись к местной организации. А они решили отомстить нам. Убили Матвеева и ждали меня... Хотя странно, о моем приходе они не могли знать...

– Они могли заставить его сказать, – возразила Фэй и, подойдя к столу, тоже налила себе виски.

– Да, конечно, об этом я не подумал, – Георгий кивнул, его напряженный взгляд застыл на полированном подлокотнике кресла напротив, отражавшем яркий свет люстры.

– Все равно, какие-то идиоты. Тот тип сам напоролся на меня, по своей вине погиб. Матвеев все чисто убрал... Им не надо было привлекать к себе еще больше внимания. Или они

решили, что бармен успел что-то разболтать, и я представляю для них угрозу? Или могу донести в милицию?.. Черт их знает! Все равно это идиотизм! Если бы они убили меня, то милиция появилась бы еще скорее. Сегодня ТАМ минимум четыре трупа – Матвеев, Костя, и двое с их стороны, которых подстрелил я, еще раненый...

– Эта бойня вообще не имеет никакого смысла! Ее могли устроить только идиоты! Но если это идиоты, нам надо отсюда сматываться. И немедленно!

– Господи! – Фаина нервно заходила по комнате. – Все это время я боялась, что произойдет что-нибудь подобное. И вот!

Георгий встал, остановил ее, взяв за руку.

– Успокойся, – он привлек Фей к себе и потерся щекой о ее щеку. – Ну, успокойся, – добавил он и силой удержал ее, когда она попыталась вырваться. – Сейчас соберем вещи и уедем. Возьмем машину до Гагр, заплатим ему за всю ночь, чтобы не возвращался. На другой доберемся до Сочи. И первым самолетом в Москву. Здесь они нас не достанут. А о том, куда мы направились смогут проследить только завтра, когда вернется шофер. К черту этого БИ и его миллиарды. Буду как прежде потихоньку подбирать крохи, не высовываясь. Главное, чтобы мы с тобой жили спокойно.

Фаина, не оборачиваясь, откинула голову и со стоном прижалась к нему затылком.

Но они никуда не уехали. Когда Георгий с чемоданом и сумкой через плечо зашел за Фэй, она судорожно закинула в свои сумки последние вещи. Их было много, она нервничала, и конечно же, вещи не желали помещаться в раздувшихся сумках.

Оставив свой багаж у порога, Георгий подошел к Фэй, собираясь помочь, но не успел сделать этого. Окно медленно стало растворяться, что-то огромное, издающее низкое гудение, повисло за ним.

– А! – вскрикнул Георгий и вцепился в плечо Фаины. Она обернулась к окну и тоже закричала. Но крик ее быстро оборвался. Окно распахнулось во всю ширь, и из него плеснули десятки черных щупалец, мгновенно спеленавших Георгия и Фэй. Голова у обоих вдруг стремительно закружилась и сознание начало проваливаться по крутой спирали в бездонный колодезь. Затем наступил мрак.

Часть II. Лабиринт

Выбравшись из корабля, Георгий и Фаина осмотрелись. Низко над горизонтом висело тусклое маленькое солнце, под ногами шуршал песок пустыни, раскинувшейся во все стороны, сколько хватало глаз. Справа в отдалении, словно океанские рифы, торчали острые зубья темных скал.

– Где мы, Георгий? – испуганным, плачущим голосом спросила Фэй и, уткнувшись ему в грудь, зарыдала.

Георгий прижал ее к себе и стал успокаивающе поглаживать по спине. Ему нечего было ответить, он сам не знал ровным счетом ничего. Не прошло и часа с тех пор, как они очнулись в странной, напоминавшей апельсиновую дольку комнате. Пол ее был наклонен градусов под сорок, словно они находились на полузатонувшем судне. Металлические стены тускло отливали серовато-синим цветом.

Оба они лежали в прозрачных сферах, наполненных бесцветным упругим материалом. Георгий ударил пяткой в стену, и верхняя часть сферы откинулась, как крышка. Заполнявший шары материал при движении обтекал тело, как жидкое желе, но оставлял кожу совершенно сухой.

Дверь в помещение была открыта (Георгий отметил для себя, что она имела овальную форму, и вообще в комнате не было ни одного прямого, острого, или тупого угла, все плавно закруглялось, переходило, перетекало). Они осторожно выглянули. Перед ними открылся темный коридор. Справа в конце было различимо слабое голубое свечение. Прижимаясь к стене, Георгий и Фаина пошли на свет.

Через несколько десятков шагов за изгибом коридора они наткнулись на лежавшую поперек человеческую фигуру. Наклонившись над ней, Георгий вскрикнул и отпрянул. Это был робот! Какое-то жуткое подобие человека – клепаная множественным заклепок грудь, широкие, как лопаты, кисти и ступни, маленькая голова. Она походила на череп с подвешенной к нему квадратной челюстью. На месте ушей крепились два поршня, уходящих за край нагрудного панциря, шея была из черного гофрированного материала. В глубоких впадинах тускло поблескивали черные пятачки глаз.

– Не трогай его! – взвизгнула Фэй и, схватив Георгия за руку, дернула в сторону от робота. Но Георгий вырвался и наклонившись, быстро коснулся пальцем одного из глаз. Затем быстро отскочил.

Что-то скрипнуло в металлической груди, двинулись прикрепленные к голове поршни, и квадратный подбородок робота со скрежетом уткнулся в панцирь. В глазах промелькнула красная искра и погасла.

Георгий схвати Фаину за руку и потащил прочь. Они миновали дверь своей комнаты и двинулись дальше. Под ногами хрустели обломки и осколки. Затем путь им преградила баррикада, из которой в их сторону протянулась рука с тремя скрюченными пальцами. Подойдя ближе, они увидели двух роботов, лежавших один на другом поверх листа искореженного металла, еще недавно бывшего дверью.

При скудном освещении Георгию и Фаине удалось, не приближаясь слишком близко, все же разобрать, что эти двое тоже человекоподобны. Однако, они походили на первого робота только в общих чертах, сильно отличаясь как от него, так и друг от друга по конструкции. У одного вместо рук были гибкие длинные щупальца, состоящие из множества тонких кольцевых сегментов, находивших один на другой как пластины рыцарской брони. У другого голова была нахлобучена прямо на плечи и напоминала скорее бугор, чем голову.

Из рваной дыры дверного проема лился слабый, едва рассеивающий мрак, свет. Георгий понял, роботов вышвырнуло в коридор при каком-то страшном ударе. Его и Фаину спасли, по-видимому, те сферы с упругим желе, в которых они находились. Из помещения не доносилось ни звука.

Георгий выглянул из-за косяка: комната имела такую же «апельсиновую» форму, как и та, где они очнулись. Три голубых овальных пятна на потолке освещали ее. Стена напротив входа по всей вероятности представляла пульт управления. Это была огромная мозаика, составленная из различных геометрических фигур всевозможных цветов. Панно непрерывно мигало, переливалось. В самом центре его была большая дыра, в которой торчал еще один робот. Удар (или удары) был так страшен, что его как снаряд метнуло на пульт, и он пробил своим тяжелым металлическим телом стену. Выставленная вперед рука, голова и плечо скрывались в дыре.

Пульт продолжал мигать, но не беспорядочно, как показалось сначала Георгию. Розовый свет разгорался в группе кругов слева, накалялся до алого, перебежал к большому кругу в правом углу и взрывался в нем огненной вспышкой. Рядом с ним разноцветные молнии пронзали переплетающиеся сту-

пенчатые полосы. Они били то справа налево, то слева направо, превращаясь в конце цепочки в яркий зеленый крест.

Георгий наверное еще долго созерцал это невиданное зрелище, если бы не увидел на стене справа от пульта знакомые любому человеку предметы – четыре пистолета в зажимах.

Он осторожно приблизился и потянул один.

– Не трогай! Оставь сейчас же! – закричала Фаина, но было уже поздно – зажим разошелся и пистолет оказался в руке Георгия. Это было длинноствольное легкое оружие, по форме – почти копия старинного дуэльного пистолета. С той разницей, что у него не было ни курка, ни спускового крючка, а на месте последнего находилась круглая черная кнопка.

Георгий неожиданно для самого себя отставил далеко руку и нажал кнопку, целясь в стену. Из дула брызнуло пламя и на стене появилось небольшое раскаленное пятно. Фей испуганно ахнула и уткнулась ему в спину.

– Вот это нам пригодится, – удовлетворенно сказал Георгий.

– Что это такое?

– Не знаю, – Георгий пожал плечами. – Бластер, лайтинг, лучемет, называй, как хочешь.

Плутая по коридорам в поисках выхода, они подобрали среди встречавшегося на пути хлама, два фонаря-раковины. Волнистые с одной стороны, выпукло-гладкие с другой, они выбрасывали луч сильного белого света, если их сжимали в руке.

Прорыв огромную колею, корабль лежал уткнувшись боком в гору песка. Георгию и Фаине повезло, что выход обнаружился именно с этой стороны. С противоположной гигантское кольцо (такую форму имел звездолет их похитителей) поднялось высоко в воздух. Георгий прикинул, да, оттуда им вряд ли удалось спуститься. К тому же в задранном вверх боку корабля зияла рваная дыра, из которой струился слабый, но неприятного запаха дым. Можно было только гадать, какой хаос и разгром царил в той части этого летающего бублика.

Георгий обнял Фаину за плечи и привлек к себе.

– Знаешь, дорогая, – начал он осторожно, видя, что она все еще не осознает до конца происшедшего, – мне думается, мы с тобой уже не на Земле. Видишь, какое солнце, – он указал на багровый мячик, почти легший на горизонт.

Фаина молчала, но Георгий ощутил, как сжалось и задрожало ее тело.

– Совершенно невероятно, конечно, – Георгий рассмеялся, не слишком натурально, но зато излишне нервно, – из всего этого, – он обвел рукой корабль, пустыню, солнце, – я могу сделать один вывод... Честное слово, глупо, но нас похитили космические пришельцы.

– Зачем? – устало и отрешенно спросила Фаина.

– Могу только догадываться. Если это не случайное совпадение, то должно иметь какое-то отношение к бармену или БИ. Или обоим вместе.

К ночи они дошли до скал и укрылись в нише, навалив перед ней груды камней, чтобы защититься от хищников. Георгий нашел себе острый обломок камня, но это было скорее психологическое, чем реальное, оружие. Он сомневался, удалось ли бы ему убить этим импровизированным ножом хотя бы не слишком крупную дворнягу. Для настоящей стычки у них имелись бластеры.

Весь вечер они просидели, прижавшись друг к другу, томимые голодом и жаждой, пугливо вздрагивая от каждого шороха. К ночи сон поборол нервное напряжение, и Георгий с Фаиной уснули. Несколькими часами позднее их разбудило низкое мощное гудение – что-то большое проплыло над пустыней, заслоняя незнакомые рисунки созвездий. Затем в той стороне, где лежал потерпевший аварию корабль, замигали разноцветные огоньки, вспыхнуло бело-голубое пламя, раздался скрежещущий стон, что-то рухнуло с глухим тяжелым ударом.

Возня продолжалась еще около часа, затем нечто опять проплыло по воздуху и наступила тишина.

Некоторое время спустя беглецы заснули. Проснувшись утром, они увидели, что корабля уже нет на месте.

Солнце быстро нагрело воздух и выгнало из тел зябкую ночную дрожь. Что ж, подумал Георгий, они не погибли при аварии, ускользнули от этих жестинок, не изжарились заживо и не превратились в ледышки — это уже подарок, надежда. Он взглянул на Фей, она с мученическим выражением лица облизала пересохшие губы, и помрачнел. Прошло всего полсуток, а она уже на пределе. Не позднее сегодняшнего вечера она наверняка упрекнет его: зачем они покинули корабль. Там у них были хоть какие-то шансы выжить... Шансы... но на

что?! Пусть упрекает, теперь упреки запоздали, у них нет иного выбора кроме, как идти, идти и идти, пока не придут куда-нибудь или не умрут. Как пишут в книгах – семь дней без воды, четырнадцать – без пищи...

И они пошли, пошли в том направлении, откуда прилетал неизвестный аппарат. Песок здесь напоминал старую темную ржавчину и был заметно крупнее земного.

Вскоре беглецы подметили и другие особенности нового мира. Горизонт здесь был ближе земного. Кроме того, несмотря на усталость, жажду и голод, Георгий и Фаина чувствовали себя удивительно легкими на ногу – сила тяжести на этой планете была меньше земной. Чрезвычайные обстоятельства, в которых они оказались, необычная обстановка пустыни не позволили им заметить это еще вчера.

Тусклые, окрасившие пустыню в красный цвет закатные лучи, коснувшегося горизонта солнца очертили среди бесконечных песчаных волн горб большого холма. Из последних сил, чертя ногами длинные полосы на песке, Георгий и Фаина доплелись до него и упали на спины. Сердца тяжело бились в груди, болью отдаваясь в висках, липкий пот обсыхал на лице и теле. Прилипшие к коже песчинки осыпались, щекоча, и Георгий с Фаиной раздраженно обмахивали лица, словно от назойливых комаров.

«Сутки без воды», – Георгий посмотрел на Фаину. Она выглядела плохо. Губы потрескались, безнадежные складки залегли вокруг рта.

«Если в течение завтрашнего дня мы не обнаружим воду, нам конец», – подумал он, устраиваясь рядом с Фаиной. Георгий закрыл глаза, ноги гудели от усталости, сухой язык шуршал набившим рот песком.

«Почему, когда увозили корабль, не искали нас? Не знали, что мы находимся на борту? Или еще вернутся? Обязательно вернутся, как только починят кого-нибудь из корабельной команды и он сообщит им все о нас. Недаром же они тащили нас сюда. Но зачем?! И куда – СЮДА?»

Фаина застонала во сне, и Георгий очнулся от своих дум. Сев, он зажмурился и потряс головой. Затем сделал над собой усилие и встал.

«Надо осмотреться. Хорошо, конечно, что нам никакая зверюга еще не встретилась, а вдруг?.. Дело случая».

Он обошел холм и застыл на склоне, обращенном в сторону заката.

«Черт возьми!..» – Неожиданно Георгий понял, что холм – не каприз природы, а остатки сооружения. Сотни лет рушилось здание, уступая напору времени и песка. Песок сыпался в щели, погребал обломки, заполнял помещения. И так до тех пор, пока здание не превратилось в часть холма, не стало частью пустыни.

Удивление и интерес угасли так же быстро, как и вспыхнули. Что толку от этих развалин? Мертвые камни, обнаженные по прихоти ветра, пережившие давно умерших людей. Может быть даже и не людей, они не могут напоить их. Только лишний раз напоминают, здесь нет ни воды, ни жизни. Проклятые камни!

Георгий подошел к горизонтально лежащей плите и увидел, что это верхушка арки, опорные колонны которой настолько глубоко погрузились в песок, что оставили лишь узкую щель, в которую можно было забраться ползком. Встав на колени, Георгий заглянул в нее, но ничего не смог разглядеть в темноте. Он подсветил себе фонариком-раковинкой. Песчаный пол и каменные стены – да, здесь можно будет провести спокойную ночь.

Он вернулся к Фаине, она не спала, сидела, обхватив руками поджатые к подбородку ноги, уткнув лицо в колени. Его сердце сжалось, когда она подняла голову. Днем, пока они шли по пустыне, Фаина держала себя в руках и хотя была ужасно измучена, скрывала свое состояние. Теперь воля ее ослабла, и все, скрытое внутри – усталость, безнадежная покорность, отчаяние и отчаянная жажда жизни всплыли из глубины.

Заслышав его шаги, Фаина обратила затуманенные глаза к Георгию и попыталась улыбнуться. Но не смогла. Потрескавшиеся губы дрогнули, на нижней появилась трещинка и проступила кровь. Сев рядом, Георгий притянул Фаину к себе. Она послушно прижалась к нему, склонив голову на плечо, и сложила руки на груди. В ее движениях ощущалось послушное безволие. Он понял, сил у нее почти не осталось, но она еще готова была идти за ним, подчиняться ему. Пока еще была готова... А ведь с того момента, как они очнулись в потерпевшем аварии корабле, пошли только вторые сутки. Вот что значит человек города. Мы забываем, что тот минимум движения, к которому мы стремимся, всего лишь слабость, если ты один на один с природой, и наши чемпионы – середнячки в первобытном мире, где главное – выносливость. Семь дней

без воды и четырнадцать без пищи. Когда эти сроки пройдут, они будут уже давно мертвы. Им хватит двух-трех дней.

Георгий окинул взглядом ноги Фаины, затем перевел его выше – на нежную грудь, видневшуюся в вырезе тонкой рубашки, и на миг представил ее матерью, кормящей их ребенка. Иллюзия... Нож медленно вошел в его грудь, и Георгий, мучительно сморщившись, мысленно застонал. Через несколько дней ничего этого не будет, ни красивых ног, ни нежной груди, ни их любви. Только два высыхающих трупа где-то в пустыне, если их не растащат на части терпеливо скрывающиеся звери.

Господи! Как мало, как коротко счастлив человек! Тридцать два года и у черты по крупицам собираешь прошлое – дни, что он с Фаиной и немного детства, остальное все – пустота...

В груди что-то всплеснулось в последнем усилии и опало. Безнадежность и апатия сковали Георгия. Фаина шевельнулась на его плече и вздохнула. Георгий сжал зубы, напрягся, отрубил воспоминания и жалкие мысли. Нужно бороться до конца.

– Фэй, – сказал он нежно, – пойдём, я там нашел хорошее место, где можно спокойно поспать. А утром я попробую выкопать колодец, там под плитой песок не такой сухой, как везде, даже влажный наощупь.

– Это правда? – Фаина пристально взглянула ему в глаза. В ее собственных не было ни надежды, ни радости, только пугливое ожидание.

– Правда, – соврал Георгий. – Зачем мне тебе лгать, здесь ложь не спасет никого.

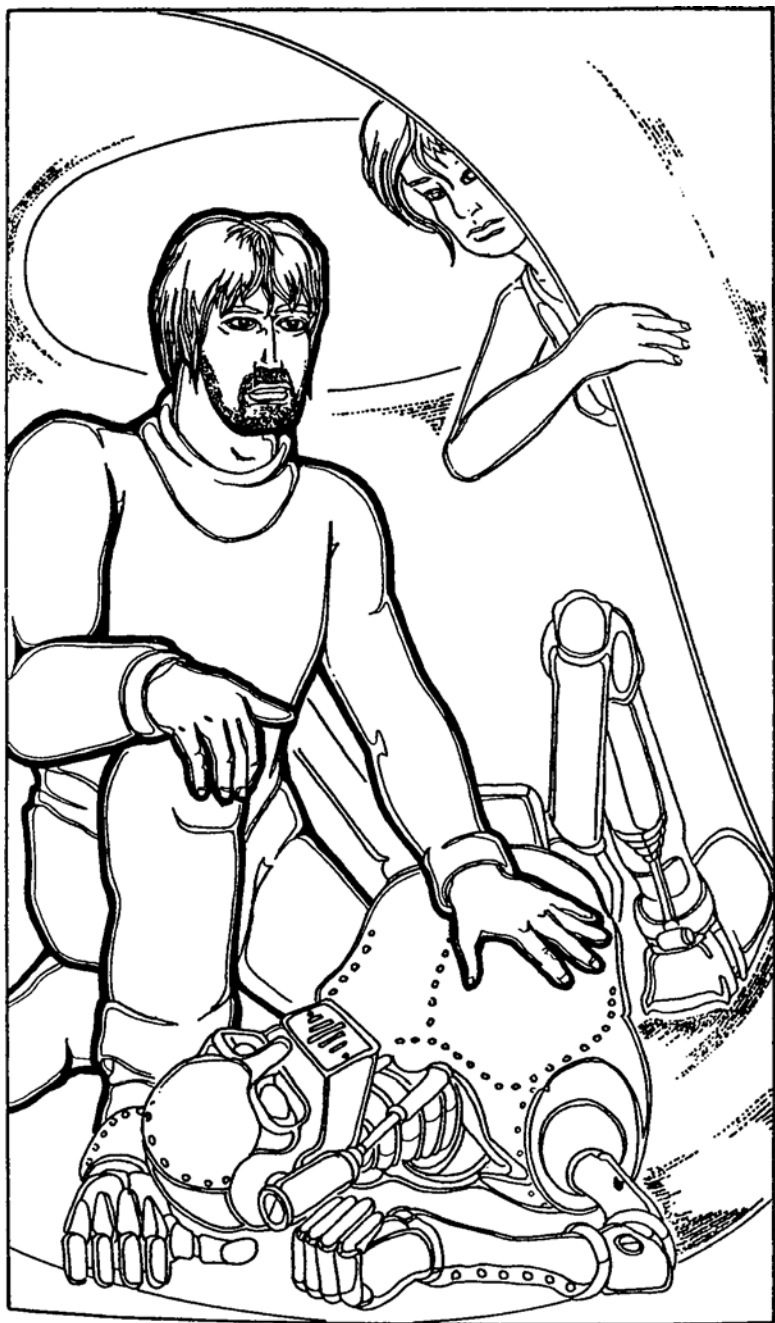
Он встал и помог подняться Фаине. Они обогнули развалины, опустились на колени у края выщербленной плиты и принялись выгребать из-под нее песок.

Георгий и Фаина углубились уже по пояс, как вдруг песок под ними пополз, расступился, и они полетели вниз. Удар! Георгий кубарем покатился, больно стукнулся головой – каменная стена остановила его. Сверху шуршащим водопадом тек песок, засыпая ноги.

В подземелье, куда они сверзились, царил крошечная тьма.

– Фей! – Вскочив. Георгий полез на кучу песка, ощупывая ее руками. – Фэй! – закричал он, что было мочи.

Он нашел ее слева у стены, полузасыпанную песком. Подхватив возлюбленную под мышки, он оттащил ее в сторону и усадил, прислонив спиной к стене. Фаина застонала и пришла в себя.

– У тебя все цело? – спросил он.

– Вроде бы, – слабым голосом ответила она.

Снова зашуршал песок. Георгий поглядел вверх: отверстие, через которое они свалились в подземелье, серым пятном выделялось высоко вверху. Георгий принялся рыться в песке в поисках потерянных при падении пистолетов и фонарей. Долго он не мог ничего найти, наконец под руку попался волнистый край светящейся раковины. Георгий схватил ее – постепенно набирая силу разгорелся свет, и он почти сразу нашел все остальное. Затем осветил подземелье, оно оказалось коридором, с одной стороны заваленным наглухо обломками камней и песком. Сотни или тысячи лет назад пустыня подточила колонны входа и они рухнули, закрыв вход, а время довершило дело, надежно запечатав его и скрыв от чьих-либо глаз. Уцелевшая часть колонн была покрыта стертой резьбой.

– Ты где? – позвала Георгия Фаина. – Мне страшно одной. Иди сюда!

Георгий собрал в охапку оружие и фонари и пошел к ней. Он аккуратно положил вещи на пол и сел рядом. Рука, державшая фонарь, устала, и он разжал пальцы. Свет стал постепенно гаснуть.

– Не надо, я боюсь без света! – нервно прошептала Фаина, сжав руку возлюбленного. Ее пальцы были ледяными.

– Подожди, – ответил он, накрывая ее пальцы ладонью. – Тебе не кажется, что из тоннеля тянет сыростью?

– По-моему, здесь просто холодно.

Георгий и Фаина прислушались. Стояла абсолютная тишина, гнетущая и живая, сжимающаяся вокруг них в абсолютной тьме.

Георгий взял фонарь, сдавил, секунд через десять он зажег свет в полную силу.

«Все-таки не очень удобная штука, – подумал Георгий, – долго я не смогу держать его так. Наверно, он только для роботов, которые не имеют понятия о том, что такое мускульное усилие и усталость».

Он еще раз попытался представить живых хозяев корабля: на фонаре с одной стороны было десять углублений, с другой два. Двенадцать пальцев? ...Но горит-то и от пяти... Может

быть они разные? Георгий вспомнил всякие истории об НЛО – двухметровых гигантах и маленьких зеленых человечках.

– Ну что? – Георгий поднялся, взял Фаину за руку. – Пойдем?

Она молчала, не двигаясь с места. Георгий сделал шаг и потянул возлюбленную за собой. Фаина нехотя поднялась. Они медленно двинулись вперед.

Вскоре песок перестал шуршать под ногами и они пошли по чистым, тесно пригнанным плитам. В подземелье было прохладно, но после жаркой пустыни казалось холодно и Фаина начала дрожать в своей воздушной рубашке. Воздух был тяжелым, застоявшимся, наверное, столетия минули с тех пор, как кто-либо проходил этой дорогой.

Георгий и Фаина шли медленно, опасаясь всех мыслимых напастей – обвалов, трещин, ловушек, неведомых хищников, Бог знает чего еще. Приходилось часто останавливаться, чтобы передохнуть, сил почти не было. Жажда становилась все нестерпимее.

Во время одной из очередных остановок Георгий сделал радостное открытие. Приложив руку к стене, он явственно ощутил, что она сырая.

– Фэй! Смотри! – Он дернул подругу за руку и направил фонарь на стену. Большой блок в ее основании заискрился мелкими каплями. Беглецы упали на колени и принялись жадно лизать камень.

Фаина заплакала и прижалась лбом к мокрой стене, стала водить по ней щеками, подбородком, носом, с наслаждением ощущая влажное прикосновение шершавой поверхности.

– Ну хватит, вставай, – Георгий дернул ее за руку. – Надо идти дальше, здесь где-то должна быть вода. Фаина поднялась, и они, как могли быстро, двинулись вперед. Вскоре они достигли широкой лестницы, огражденной хорошо сохранившимися резными колонками. Основание ее терялось во тьме. Рискуя сломать ноги, Георгий и Фаина начали торопливо спускаться: впереди Георгий с фонарем, за ним следом Фаина, вцепившись в его руку. Когда они достигли конца лестницы, луч фонаря отразился в поверхности воды. Но это был не подземный поток или естественное озеро, как ожидал Георгий, а круглый искусственный бассейн с низким каменным бортиком.

Фаина бросилась вперед, но Георгий рывком остановил ее.

– Подожди!
– Зачем? Пусти! Пусти! – Она рвалась как безумная.
– Стой, я тебе говорю! – заорал он, отшвыривая женщину назад. – Надо попробовать.

Георгий осветил бассейн, обежал лучом вдоль края, с дальней стороны высветились какие-то кости. Он склонился к воде и зачерпнул ее горстью. Вначале он понюхал ее, затем взял немного в рот. Кажется ничего... ничего страшного. Он допил все, что оставалось в горсти, и тут понял, как глупы его предосторожности. Они ведь уже слизывали эту влагу со стены, и потом другой воды на планете нет. Из чего выбирать? Умереть, вволю напившись, или с пересохшим горлом.

– Пей! – сказал Георгий, и они жадно припали к воде, черпая ее горстями. Когда они уже не в силах были сделать больше ни одного глотка, Георгий и Фаина отползли в сторону и долго лежали спасенные и обессиленные. Не прошло и пятнадцати минут, как им вновь захотелось пить, рот пересох и наполнился вязкой слюной. На четвереньках беглецы добрались до бассейна и вновь пили, пили, пока не перестали ощущать вкус воды. Потом долго лежали, прижавшись друг к Другу, с закрытыми глазами. Рубашка и юбка Фаины намokли, грудь Георгия тоже вся была в каплях воды, и они, дрожа, отогревались в объятиях друг друга. И незаметно уснули.

Проснулись они совершенно окоченевшие. Георгий вскочил и принялся прыгать, яростно размахивая руками. Фаина, сидя, усиленно растирала плечи, руки, ноги. Голова стала ясной, прибавилось сил и надежд, но животы подвело так, что казалось, они прилипли к позвоночнику.

Георгий зажег фонарь. Тьма была такой густой, что свет выкроил в ней лишь небольшое пространство – нижние ступени лестницы, край бассейна и часть стены.

– Возьми второй, я пойду посмотрю, что тут, – сказал Георгий и двинулся вдоль кромки бассейна. В луче света мелькнуло что-то знакомое, он подошел поближе и увидел два человеческих скелета. Георгий посмотрел на их руки, на них было по пять, а не по двенадцать пальцев.

«Значит, хозяева роботов не они», – подумал он, и эта мысль почему-то встревожила его. Георгий тщательно осмотрел пространство вокруг останков, но не обнаружил ни вещей, ни остатков одежды.

Скелеты лежали на боку, колени и руки их были согнуты – они ушли из этого мира в той же позе, в какой явились в

него. Сжались в комочки и умерли. И тут Георгий понял, почему они умерли подле воды, спасшей его и Фаину. Коша они ночевали в пустыне, то также сжимались в комочки от безнадежности и бессилия. Эти существа погибли от голода. Возможно они тоже были доставлены сюда с какой-то целью, и им тоже удалось бежать, но это было бессмысленное бегство. Похитившие их пришельцы знали о его бессмысленности и не слишком стерегли пленников. Бежать было некуда. Все живое давно умерло здесь.

Они не учили только одного, у каждого разумного существа всегда имеются два выхода – рабство или смерть. А может быть они учили и это. Строптивные рабы не были нужны им, поэтому они не искали его и Фаину.

Все эти мысли стремительно пронеслись в голове Георгия и, резко повернувшись, он возвратился к возлюбленной.

– Вставай, надо идти дальше, – сказал он сухо, светя себе под ноги. Он намеренно не глядел Фаине в лицо, зная, какое выражение написано на нем.

– Я нашел там... – он указал пальцем за спину, – два скелета. Они умерли здесь. Сами умерли! Их никто не убивал! – выкрикнул он.

– От чего? – тихо спросила Фаина.

– Я думаю, от голода, – ответил Георгий уже спокойнее. – Но у них не было ни света, ни оружия. Во всяком случае я ничего не нашел. Мы должны идти, пока хватит сил. Мы должны найти еду.

Уходить от воды было боязно. Найдут ли они ее еще в этом подземелье. Но так или иначе, у них не было выбора. Не было иного выбора, кроме как следовать по тоннелю туда, куда он вел.

Древние строители, словно предугадав их мысли, сделали коридор прямым, как стрела. Ни поворотов, ни уклонов, ни подъемов, ни лестниц, только пыль, взлетающая под ногами и клубившаяся в луче света.

Некоторое время спустя Георгий и Фаина вышли к развилке: два совершенно одинаковых коридора, таких же как и Центральный, уходили влево и вправо под углом градусов в тридцать. Георгий направил луч фонаря вправо, затем влево, но не обнаружил ничего, что могло бы подсказать, какой пути следует избрать. Он переложил фонарь в левую руку, правая мучительно ныла от напряжения, которое требовалось, чтобы заставить его гореть постоянно.

– Помни мне руку, – попросил Георгий Фаину.
– Давай лучше я пойду впереди, – предложила она. – А ты отдохнешь немного. Куда?

– Угу, – невольно ответил Георгий, прислушиваясь.

– Ты что? – спросила Фаина шепотом и настороженно замерла.

Георгий ответил не сразу.

– Мне кажется, в правом коридоре что-то шуршит. Ты ничего не слышишь?

Фаина помолчала.

– Точно, шуршит!

Георгий вынул из петли пистолет и, взяв в левую руку фонарь, мягко ступая, вошел в устье тоннеля. Фаина тоже зажгла свою «раковину» и приготовила оружие.

Они прошли метров пятнадцать и остановились. Переглянувшись, рассмеялись. Вдоль основания стены в выбитом в скале желобе бежал ручеек. Не раздумывая больше, Георгий и Фаина двинулись по правому тоннелю.

Они уже немного освоились в этих катакомбах и шли теперь быстрее. Время текло, а коридор все не кончался. На сердце росла тревога. Куда он ведет? Ради чего затрачен такой титанический труд? Ответ мог быть только один: впереди их ждало нечто исключительно важное, возможно, опасное.

Постепенно Георгий и Фаина замедлили шаг. Шли, касаясь друг друга плечами, и это прикосновение придавало им смелости и сил.

Внезапно луч света вместо того, чтобы очертить привычный полукруг на полу, провалился во тьму. Пола дальше не было. Георгий повел фонарем вверх вдоль стены – стены и потолок тоже не было. Непроглядная тьма поглощала свет. Георгий и Фаина переглянулись. Он вынул из петли на поясе пистолет и кивнул ей. Женщина повторила его движение и сжала фонарь. Но и два луча не рассеяли тьму.

– Иди за мной на расстоянии пяти шагов, – шепнул Георгий, приблизив губы к самому уху подруги. В знак того, что поняла, она кивнула.

Готовый в любую минуту нажать на кнопку, Георгий медленно мелкими шажками двинулся вперед. Луч света высветил ступени и пузатые столбики. Георгий облегченно вздохнул. Впереди была новая пещера, гораздо больше первой, в нее вела широкая лестница с массивными каменными перилами.

Георгий и Фаина стали осторожно спускаться, пробуя носком каждую ступень, лестница была в плохом состоянии. Местами камень просто обломился и выкрошился из образовавших ступени плит, местами был вытерт до выбоин миллионами ног. Да, это место когда-то посещало множество каких-то существ. Были ли они похожи на людей? Ноги-то у них во всяком случае имелись.

Наконец лестница кончилась и беглецы ступили на выложенные в шахматном порядке – черные и белые – плиты пола. В центре пещеры на черном пьедестале скорчилось жуткое чудовище, сделанное из разноцветных камней и отполированное до блеска. Да, это было всего-навсего капище местного бога. Вот так всегда и случается с древними тайнами – ждешь чего-то необыкновенного с точки зрения современного человека, а необыкновенное оказывается необыкновенным с точки зрения отделенного от нас тысячелетиями предка, то есть с поправкой на целую цивилизацию.

Георгий и Фаина обошли пещеру вдоль стен – в них было множество отверстий – но они не решились войти ни в одно из них. Другая лестница, располагавшаяся напротив первой, приведшей их в капище, недвусмысленно указывала главный путь. Беглецы поднялись по ней и остановились перед обитой железными полосами массивной дверью. На уровне пояса в нее было вделано большое кольцо. Георгий ухватился за него и потянул. Неожиданно кольцо выскочило из доски и дверь рассыпалась, металлические полосы со звоном упали на пол. Перед беглецами открылся новый коридор, по размерам не превосходивший коридор современной малогабаритной квартиры. В его стенах были вырублены комнаты, напоминавшие монашеские кельи. Они были абсолютно пусты.

– Судя по тому, на каком уровне было вделано кольцо, они примерно нашего роста, – сказал Георгий. Он хотел что-то добавить, но пол вдруг затрясся, из-за стены донесся приглушенный могучий рев. Прошло не более полуминуты, и он смолк, так же внезапно, как и возник. Словно тишина запечатала звук.

Георгий вошел в ближайшую келью, подошел к противоположной входу стене и изумленно вскрикнул. Стоявшая в проеме Фаина подбежала к нему. В стене было пробито окошко, через которое они увидели... огромный зал, заставленных всевозможными наземными и летательными аппаратами. Здесь были гусеничные танки, накрытые прозрачными полу-

сферами, диски, наводившие мысль о летающих тарелках кольцевидные корабли, точные копии того, на котором их доставили на эту планету, и масса всякой другой техники невиданной и неопишуемой. Между аппаратов быстро сновали цилиндрические тумбы со множеством гибких щупалец блестящих в ярком свете металлом. Они что-то открывали, закрывали, включали, и танк или корабль начинал дрожать на форсаже, влезали внутрь, взлетали вверх, ползали по обшивке.

Зал, в котором располагалась вся эта техника, был огромен. Рассмотрев ангар внимательно, Георгий и Фаина поняли, что ближняя к ним часть вырублена в скале и представляет собой одно из помещений грандиозного храма. Кое-где еще сохранились резные колонны. Но большинство было заменено тонкими металлическими стойками. Прорубленное в ангар окошко было проделано поверх узкого карниза, орнаментированного сложным, теперь почти разрушившимся орнаментом.

В дальнем конце ангара, который был виден плохо за огромными телами аппаратов, то и дело открывались гигантские ворота, через которые можно было провезти многоэтажный дом, если бы нашелся грузовик, в кузов которого его удалось бы поставить. Через эти ворота выезжали, вылетали, прибывали машины.

Оторвавшись от «глазка» Георгий оглянулся, Фаины в комнате не было.

– Фэй! – крикнул он тревожно и выбежал в коридор.

– Я здесь! В соседней комнате! Слева!

Георгий вошел в комнату. Фаина, встав на цыпочки, прильнула к такому же, как и в первой комнате, окошку.

– У них тут склад, – сказала она. – Посмотри.

Георгий занял ее место и увидел еще один зал, заставленный контейнерами, частями механизмов, заваленный кучами мешков. Между всем этим добром были оставлены широкие проходы, по которым летали платформы с прозрачными полусферами на носу, внутри них клубился слоистый перламутровый дым. Из-под приподнятых краев то и дело высывались щупальца, быстро и сноровисто выхватывали из штабелей различные предметы. Нагрузившись, платформы исчезали в невидимом за контейнерами выходе.

– Да-а, здорово они здесь развернулись, – задумчиво проговорил Георгий.

– Ты не догадываешься, где мы находимся?

– Нет, – он отрицательно покачал головой. – Они оккупировали эту планету. Местная цивилизация, судя по всему, угасла или была уничтожена ими. Теперь она служит им базой, перевалочным пунктом для полетов на Землю... может быть в другие миры. Что за планета, где расположена... – Георгий пожал плечами. Может, они летают в подпространстве, выныривают за сотню световых лет и запросто возвращаются, когда хотят. А может быть это вообще иное измерение.

– А тебе не кажется, что это Марс? – перебила его Фаина.

Георгий улыбнулся.

– Ну что ты! – Он привлек ее к себе. – Такой Марс существует только в фантастических романах. Древняя цивилизация, пески, пески. На самом деле там все гораздо хуже. Во-первых, здесь горизонт дальше, ты сама видела, а Марс меньше Земли, следовательно, по всем правилам он должен быть ближе. Во-вторых, атмосфера, такая же густая, как у нас, а на Марсе мы с тобой в два счета задохнулись бы.

Фаина кивнула, но было видно, что он не убедил ее до конца. Она, нахмурившись, помолчала, обдумывая что-то. Потом отстранилась от Георгия.

– Но если мы не на Марсе, то мы никогда не вернемся.

Георгий прижал Фаину к себе, стал целовать в щеки, в шею.

– Потерпи, дорогая, я обязательно что-нибудь придумаю! Украдем у них корабль. Конечно, выбраться отсюда будет нелегко. Но у нас есть два преимущества. Они не знают, что мы остались в живых. Они не подозревают о существовании этих дыр, через которые мы можем за ними наблюдать. Где-то обязательно должен быть выход в ангар.

– Если не умрем до того времени с голоду, – мрачно произнесла Фаина.

– Наверняка мы здесь не единственные люди, а раз так, то должны же они их чем-то кормить. Ну потерпи еще чуть-чуть, найдем.

Они обследовали еще несколько помещений, пока им не улыбнулась прозрачная пока удача. Через окошко они увидели небольшой круглый зал, дно которого и стены на высоту примерно трех метров прищельцы покрыли блестящим металлом, словно вставили в него металлическую миску. Зал был заставлен большими – высотой в 2–3 метра широкими белыми баками. Из их крышек торчали короткие штыри, разделенные на три цветовых сегмента: красный, фиолетовый, синий.

Вскоре Георгий и Фаина разобрались, пульсация синего цвета означает, что бак «созрел». Тут же через открывающийся в стене вход влетала металлическая труба, закругленная сзади, с раструбом спереди, и направлялась к подающему сигнал баку. Крышка откидывалась, раструб, быстро вращаясь, расширялся, и эта гигантская флейта, приняв вертикальное положение, приникала к горловине бака. Высосав его содержимое, она поднималась, сворачивала воронку и «ложась» на бок, вылетала из зала. Ее место занимала новая и чем-то снова наполняла бак, крышка захлопывалась и цикл повторялся.

Клубы пара, вылетавшие из раскрывавшегося бака, доносили до беглецов запахи пищи, заставлявшие мучительно корчиться их желудки.

– По-моему, нам пора пойти посмотреть, куда носят пищу эти длинные ребята, – сказал Георгий после того, как они с Фаиной проследили за работой десяти труб.

Они вошли в следующую келью, но в ней не было смотрового окошка, в других трех тоже. То, что они увидели через глазок пятой по счету комнаты, заставило их похолодеть от ужаса. Их взору открылся зал, в котором на разных уровнях висели люди. Они были подвешены горизонтально на тонких как бечевка черных тросах, оканчивавшихся большими шишками с белыми кругами-присосками, прилежавшими к телам. Каждое из тел поддерживало десять тросиков: по два на плечах, пояснице, коленях, щиколотках и два сверху – один крепился ко лбу, другой к животу.

Это было дикое зрелище: сотни людей со сложенными на груди руками, одни выше, иные ниже, висящие на натянутых как струна тросах. В эту огромную спальню (или усыпальницу?) и направлялись летающие трубы с пищей. Они взмывали под самый потолок, где меж осветительных пластин, заливавших помещение мертвенно-голубым светом, висели сморщенные, словно сдутые мячи, груши и наполняли их. Груши раздувались в большие шары, из них выдвигались гибкие шланги, спускавшиеся то к одному, то к другому человеку, и проникали в заднепроходное отверстие.

«Подвешенные» не подавали никаких признаков жизни и если бы не эти кормления, можно было решить, что они мертвы. Спальня-пантеон. Страшное зрелище. Такая участь наверняка ждала и Георгия с Фаиной.

Они обошли все оставшиеся кельи, через их «глазки» видны были другие комнаты и залы, некоторые пустые, некото-

рые заполненные работающей в автоматическом режиме аппаратурой. Как слева, так и справа череда келий заканчивалась тупиком.

Теперь надо было думать, как проникнуть на «кухню» или в смежное с ней помещение, откуда трубы подносили продукты. Не может быть, размышлял Георгий, чтобы галерея или капище не сообщались с остальными помещениями храма. Неужели единственным путем в капище был длинный коридор, которым они пришли сюда? А чтобы попасть в ангар и другие помещения, нужно было обогнуть весь скальный массив... Чепуха!

– Послушай, а те отверстия в капище... – начала Фаина.

– Черт! – Георгий хлопнул себя ладонью по лбу. – Идиот!

Как он мог забыть! Георгий схватил Фаину за руку и потащил вниз по лестнице.

Действительно, отверстия в стенах капища не вели в иные коридоры, как они решили поначалу, а были перекрыты каменными плитами. Возле каждой слева в стене было углубление, в котором скрывался металлический прут. Очевидно, с помощью его можно было привести в движение каменную дверь. Но Георгий и Фаина не стали выяснять это немедленно, а прежде сосчитали количество дверей и келий. Дело оказалось не таким простым, как им думалось, комнат было больше, чем ходов в капище. Пришлось искать ходы и кельи, соответствующие друг другу. Если бы не рев двигателей в ангаре, который был хорошо слышен и в ведущем в него потайном ходе, им вряд ли бы удалось установить это. Не рискуя открывать каменные двери, Георгий и Фаина примерно выяснили, какие ходы могут вести в Кладовку, на Кухню, в Спальню. Как ни мучил их голод, беглецы решили подождать некоторое время, чтобы узнать цикл работы Кладовки и Кухни, и когда трубы перестанут снова везд-вперед, запастись едой.

Куда вели остальные ходы, для них так и осталось тайной: может быть на поверхность планеты, может быть в ее глубины, в тайники храма, к сокровищам, святыням, знаниям. За плитами не было слышно ни звука. Древние не желали, чтобы кто-то раскрыл их тайны.

Фаина, наконец, уснула, свернувшись клубком. Георгий прислушался и, убедившись, что она действительно спит, тихонько отодвинулся и прислонился спиной и затылком к холодной стене. Одному было легче, морально легче. Фаину

приходилось поддерживать, подбадривать, и на это уходило много сил.

Георгий задрал ноги, уперся пятками в стену. Так они меньше мерзли. Камень вытягивал тепло из тела. Георгий чувствовал, как у него периодически закладывает нос. Это был дурной знак – болеть ему было никак нельзя.

Он посмотрел на Фаину. Лишь контуры ее тела угадывались в темноте, рассеиваемой голубовато-белым светом, пробивавшимся через амбразуру из ангара. Воображение соединяло то, что он знал и что видели глаза: грязную оборванную блузку, короткую юбку, трусики, загорелые руки и ноги, спутанные сбившиеся в пряди волосы. Кажущаяся в темноте белоснежной ткань трусиков обтягивала крепкие красивые ягодицы. Бедра были стройны и сильны. Георгий сглотнул, ощутив внезапный прилив нежности, желания, надежды, веры и любви.

Вскоре порыв прошел, им вновь овладели тоска и безволие. Георгий поднес к лицу руки и долго разглядывал их: ободранные с опухшими суставами. Он потрогал большим пальцем по очереди указательный, средний, безымянный, мизинец. Первые три были, как подушки, и чувствовали прикосновения, словно сквозь ватный тампон.

Голой спине стало совсем холодно и неудобно. Георгий опустил ноги, поджал колени к подбородку и, оперевшись им на них, стал растирать голени ладонями. Движение стимулировало мысль. Казалось, вот-вот придет решение: ему откроется способ, простой и быстрый, как выбраться отсюда. Но решение не приходило. Георгий стал раскачиваться из стороны в сторону, вперед, назад. Потом лег набок и закрыл глаза. Терпение, терпение, терпение – единственное, что остается им пока. И Фаину надо научить терпеть, ждать. Рассчитывать только на себя. Мы, люди города, привыкли к быстрым решениям, к незримой помощи сотен и тысяч сограждан...

«Все, хватит!» – оборвал себя Георгий. Черная пустота сомкнулась внутри него, и он заснул.

В последующие дни он с готовностью поддерживал любые разговоры о побеге. Он заставлял себя спорить с Фаиной, убеждать ее в чем-то, и все с одной целью – поддержать в ней надежду, как можно дольше. Сейчас у него не было сил взвалить на себя еще и ее отчаянье. Пусть пообвыкнет, найдем способ добыть пищу, вода есть, потом будем думать, что де-

лать дальше. Иначе мы погибнем. Чтобы выжить, нужно отрастить толстую шкуру.

«Выжить... Но ради чего?» – нет-нет, да и проскальзывала мысль, но Георгий со злостью гнал ее прочь. Никаких смыслов! Просто выжить, и точка!

Еще сутки – время беглецы определяли по яркости света, который удавалось увидеть сквозь распахивавшиеся створки ангара – они провели без пищи. За эти часы Георгию и Фаине удалось выяснить, что Кухня и Кладовка функционируют с перерывами, в течение которых все автоматы покидают помещения, свет гаснет почти полностью. Его тем не менее было достаточно для того, чтобы они не сломали себе ноги и могли вновь найти дверь, через которую вошли.

Вся пища оказалась неприятной на вкус, а некоторые «блюда» было просто невозможно взять в рот – они годились только для того, чтобы вводить их через заднепроходное отверстие. Однако, выбирать не приходилось. Как бы то ни было, Георгий и Фаина были обеспечены теперь всем необходимым и могли прожить в подземелье сколь угодно долго. В кельях было теплее, чем в капище и тоннеле, особенно в той, которая находилась по соседству со Спальной.

На следующий день Георгий, воодушевленный успехами, решил обследовать проходы, сделанные в левой боковой стене капища. Немного приоткрыв одну из дверей, в любой момент готовый дернуть прут вниз, он осветил фонарем в узкую щель. За дверью обнаружился очередной узкий, чуть выше человеческого роста коридор. Георгий распахнул дверь во всю ширину – Фаина страховала его сзади с фонарем и пистолетом – проход был коротким и заканчивался еще одной дверью. На уровне глаз в ней также, как и в кельях, было пробито отверстие – маленькая, просверленная в камне, дырочка. Георгий потушил фонарь и прильнул к ней. Его взгляду открылась комната, достаточно просторная, чтобы по современным меркам ее назвали залом, но не шедшая ни в какое сравнение с теми гигантскими помещениями, которые открывались с галереи. Теперь Георгий догадался о назначении этих потайных отверстий, тоннельчиков, комнат. По-видимому, жрецы использовали их для предсказаний, шпионажа. Может быть время от времени через каменные двери прокрадывался ночной убийца, чтобы убрать несговорчивого или слишком сильного властелина. Все это «хозяйство» было значительно более

примитивным, чем в древнем Египте, где разговаривали и двигались статуи, а стены дворцов и храмов пронизывали тонкие каналы, позволявшие подслушать все, что говорилось в любом из покоев.

Однако открытость всей этой шпионской системы как-то не согласовывалась с истертыми ступенями и плитами. Кто-то из толпы всегда мог проникнуть в нишу и обнаружить поворотный рычаг, а вслед за ним и все остальное. Если даже лестница на галерею и подходы к тайным дверям охранялись, умный, сопоставивший факты, человек – голоса, ставшие непонятным образом известными секретные разговоры, таинственные смерти – способен был догадаться, что к чему. Фаина высказала дельную мысль по этому поводу. Наверное капище более древнего происхождения, чем все остальное, и первоначально в него вел только тот коридор, которым они сами пришли сюда. Для торжественных мрачных процессий с факелами вряд ли можно было придумать более подходящий антураж. Затем, когда были построены или вырублены огромные залы, доступ в капище был прекращен и им стали пользоваться только жрецы. Поэтому скрывать потайную систему просто не имело смысла.

Та комната, в которую заглянул Георгий, и все соседствующие с ней были заполнены аппаратурой. По внешнему виду определить ее назначение было невозможно. Но по поведению находившихся в них роботов... В общем у беглецов создалось впечатление, что здесь расположены вычислительные центры, управление, связь.

Нигде и ни разу не увидели они ни одного живого существа – везде были только роботы. Роботы молча действовали и молча общались. Наблюдать за ними было интересно, но пользы беглецам это не приносило. Роботы не выражали эмоций, не переговаривались, не жестикулировали, лица их не меняли выражения. Может быть все течет гладко по заведенному порядку, может быть происходит нечто экстраординарное, сказать что-либо определенное было невозможно.

Самая последняя в ряду дверь вывела Георгия и Фаину... на поверхность планеты. Плита отошла и открыла узкую расщелину, спрятанную под навесом скалы. Отошла очень неохотно, преодолевая сопротивление занесшего ее песка. Георгию пришлось несколько раз давить на рычаг, налегать плечом на плиту, только после этого она приотворилась ровно

настолько, что люди могли протиснуться в образовавшуюся щель, и застыла намертво.

Расщелина вывела беглецов на крохотную площадку, на которой с трудом мог поместиться один человек. К поверхности пустыни метрах в десяти внизу вели каменные уступы, подправленные строителями и превращенные в незаметную для постороннего взгляда лестницу.

Спустившись, Георгий и Фаина обогнули выступ скалы. Солнце висело низко над горизонтом. Вправо уходила цепочка отбрасывавших невероятно длинные закатные тени скалистых пиков. Казалось, они служат чертой, за которой местность начинает понижаться. Слева стальной глыбой выдвинулся корпус гигантского ангара. От него вдаль убегала широкая белая магистраль, по которой в обе стороны неслись машины. Вдали, там, где они скрывались среди песков, под стать скалистым пикам вздымались громады космических кораблей.

Георгий и Фаина не сразу поняли, что это такое. Вначале они приняли скопище гигантских колец, куполов, башен за город пришельцев. Они считали так до тех пор, пока не увидели, как одна из башен бесшумно поднялась в воздух и исчезла в небе. Затем, развернув под днищем веер перекрещенных блестящих спиц, медленно и тяжело опустился сверкающий купол.

Беглецы пробыли на поверхности долго. Солнце село и ржавый песок переменял цвет на темно-коричневый. Ночь наступила сразу, упала, как черное покрывало. Уже в десятке метров невозможно было различить, где кончается песок и начинается скала. Только в вышине различим был неровный угольный контур, врезавшийся в черно-синее небо. На этой планете было значительно меньше звезд, чем на Земле. Отсутствовал привычный четкий рисунок созвездий. Все было спутано и переплетено: скопления-гнезда тянули в разные стороны хвосты, щупальца и цепочки звездных рукавов, соединяясь с соседними, сплетаясь в огромную редкую сеть.

Над космодромом сияло зарево – гигантские корабли блестяли в лучах яркого света, словно сделанные из фольги, Сверкающий, меняющий очертания город. Время от времени освещение включалось и у входа в ангар, откуда стартовали малые аппараты, свет вспыхивал буквально на несколько секунд. Машина, гудя, поднималась, гул переходил в тихий вибрирующий вой, и корабль одним прыжком исчезал в небе.

Вдали прямо над головой Георгия и Фаины пронеслись, проплывали с гудением и совершенно бесшумно летательные аппараты, очерченные по контуру светящимися ореолами разного цвета. Чужая жизнь завораживала своей непонятностью и размахом. Как только стемнело, ангар и сверкающий город кораблей-гигантов соединила дорога, обозначенная четырьмя натянутыми в воздухе, как струны, огненными шнурами, боковые были бледно-голубого цвета, верхние белого. В очерченном ими туннеле то и дело промелькивали оконтуренные сиянием тени аппаратов.

Захваченные разворачивающейся перед ними грандиозной картиной жизни чужой цивилизации, Георгий и Фаина долго стояли, тесно прижавшись друг к другу.

– Пойдем, – тихо сказал Георгий и сжал плечо возлюбленной. Она послушно кивнула головой. Они повернулись и пошли к вырубленной в скале лестнице. И тут к своему ужасу поняли, как опрометчиво поступили. Замаскированные среди естественных выступов и впадин ступени невозможно было обнаружить. Георгий ощупал руками скалу и нашел одну из них – узкую гладкую площадочку, затем чуть выше другую. Задрал голову, он посмотрел вверх – входа, конечно, не было видно.

– Если кто-нибудь из нас оступится, то переломает кости, – прозвучал за его спиной голос Фаины.

Георгий ничего не ответил и не обернулся. Стоял, держась руками за две нащупанные ступеньки, и размышлял.

– И свет нельзя зажигать, нас могут заметить, – добавила Фаина.

Георгий снова промолчал. Сзади зашуршал песок. Фаина отошла в сторону и села, прижавшись спиной к скале. Георгий подошел к ней и сел рядом. Некоторое время они молчали. Фаина подтянула колени к груди, обняла себя за плечи и прижалась щекой к руке. Георгий кинул на нее быстрый взгляд и отвел его в сторону.

– Придется ночевать здесь, – сказал он бодрым голосом, думая совсем о другом. – В темноте подняться не удастся, только на рассвете. Или если будет яркая луна.

– Если она тут вообще есть, – вздохнула Фаина. Георгий усмехнулся.

– Забавно. Который день мы здесь, а не знаем, есть ли тут луна.

– Да, да, – как эхо отозвалась Фаина. Луны пока не было, но может быть еще не настало ее время. Они не знали. Они вообще ничего не знали.

Георгий придвинулся ближе к Фаине и прижал ее к себе.

– Георгий, а ты вообще веришь, что мы сможем вернуться?

– Конечно, верю, – ответил он спокойно и рассудительно.
– Давай спать.

– Давай.

Они вырыли в песке углубление, чтобы было уютнее лежать.

– Здорово! Хоть разок поспим на мягком, – сказал Георгий, вытягиваясь. Фаина не ответила. Георгий прижался подбородком к ее волосам и погладил по спине.

– Спи, – сказал он нежно. Фаина легонько чмокнула его в грудь.

Прошло не менее часа, прежде чем она уснула. Георгий внимательно прислушивался к ее дыханию, проверяя, спит ли она на самом деле, пока не убедился, что сон, наконец, сморил ее. Осторожно он опустил ее голову на песок, высвободил ладонь из-под затылка. Глядя на спокойное лицо Фаины, отряхнул пальцы, потом вздохнул и лег рядом. Песок после холодного жесткого камня подземелья казался теплой мягкой постелью. Перед глазами стояло чужое звездное небо: миллионы миров, среди которых затерялись Солнце и Земля. А может быть их забросило так далеко, думал Георгий, что на этом месте не существовало никакого Солнца. Но ему хотелось верить – оно где-то здесь среди этих звездных гнезд и рукавов. Такая вера сохраняла последнюю тонкую ниточку, связывавшую их с родиной, оставляла призрачную детскую надежду на возвращение.

В эту ночь, за то короткое время, пока его не сморил сон, Георгий увидел их будущее. Мгновенно развернулось оно перед ним во всей своей беспощадной ясности. Можно было выбрать два пути: сдаться роботам и попасть в зал подвешенных, либо повторить опыт Адама и Евы. Георгий мрачно усмехнулся этому сравнению. Слишком уж все было похоже: он и она изгнаны из рая в мир, полный страданий. Он представил бледных насморочных детей с впалыми животами, себя и Фаину с тоскующими пустыми взглядами, и сердце его заныло. В подземелье им будет трудно выжить. Рано или поздно они попадутся на воровстве. А если и не попадутся... тягостно

вести жизнь кротов. Нет! Выжить они смогут только там, где есть живая природа: леса, реки, звери. Может быть на этой планете уже не осталось таких уголков, только пески и скалы? Может быть осталось, но так далеко, что им вовек не дойти до земли обетованной.

– Георгий, – сказала вдруг Фаина, и он сразу понял, что она не спала вовсе или, по крайней мере, уже долгое время. – Ты же понимаешь, что нам не выбраться отсюда. Что нам делать? Может быть пойти к ним?.. Ведь те люди живы, они берегут их, ухаживают за ними. Значит и мы будем живы, когда-нибудь, когда они разбудят нас. Мы ведь не сможем прожить в этом подземелье всю жизнь – нас либо поймают, либо мы умрем с голоду. Я не смогу жить в этом подземелье всю жизнь. Я тебя люблю, но я знаю, что не выдержу всего этого – этой сырой дряни вместо еды, голых камней, вечно мерзнущих ног, страха. Потому что это бессмысленно. Если бы все это имело какой-то смысл, цель, конец, хотя бы. Но ведь ничего! Ни-че-го! Все одно и то же до самой смерти. И у нас с тобой все умрет. Я так боюсь этого.

Фаина села и, закрыв лицо ладонями, затрясла головой.

– У нас нет будущего! У нас нет будущего! Нет! Господи! За что же ты устраиваешь из моей жизни пытку! Все, кого я люблю приносят мне только несчастья. Я так больше не могу. Я не могу больше так, не могу, не могу, не могу!

Фаина зарыдала и упала на песок.

Георгий пододвинулся ближе и стал гладить ее по руке. Рубашка на плече истрепалась и порвалась в двух местах, и это придавало ему какую-то особую пронзительную несчастьность и беззащитность.

– Ну перестань, перестань, – стал он ласково уговаривать ее, одновременно пытаясь повернуть к себе лицом, но Фаина лишь сильнее сжималась в комок, и рыдания ее становились громче.

Тогда Георгий схватил возлюбленную за плечи и силой повернул к себе, затем оторвал от лица мокрые пальцы.

– Перестань! – крикнул он сердито. – Слышишь, что я тебе сказал, перестань, сейчас же! Ну! Фэй! Перестань, я тебе говорю!

Он грубо встряхнул ее за плечи, но и это не помогло.

– Перестань! Не то я сейчас влеплю тебе пощечину как истеричке!

– Если ты меня ударишь, я тебя брошу, я от тебя уйду!

Георгий, собиравшийся отчитать Фаину еще резче, осекся и... расхохотался.

– Что ты смеешься? – спросила Фаина плаксиво, щурясь сквозь слезы, продолжая кривить губы.

– Что ты собираешься меня бросить, – сказал Георгий весело.

Фаина некоторое время смотрела на него, не понимая, затем тоже зафыркала, сначала капризно и неохотно, потом веселее.

– Черт возьми, женщина везде остается женщиной. Там, где кроме меня ни одного мужчины и в помине нет, она собирается меня бросить. Ну и куда ты пойдешь?

– К роботу, – сказала Фаина и показала ему язык.

Он железный и холодный и обдерет тебя всю своими заклепками. Будешь ходить исцарапанная и в синяках.

– Зато он будет меня любить?..

– И катать на летающей тарелке.

– Любить и дарить мне платица.

– Ага! Из дребезжащей и громыхающей стали. Все у тебя будет металлическое. И кое-где он тебе поставит для красоты новенькие заклепки, чтобы звякали, когда будете обниматься.

– Ты развратный тип, – Фаина состроила гримаску и отвернулась.

Георгий усмехнулся и легонько шлепнул ее по затылку. Лицо ее приняло серьезное выражение.

– Ладно. Давай, поговорим серьезно. Конечно... положение у нас не из лучших. Или точнее, хуже некуда. Не знаю, может быть, если бы мы сразу попали в пантеон подвешенных, все было бы лучше. Но теперь я туда не хочу. И тебя туда не пушу, что бы не произошло. Понятно?

Он посмотрел на Фаину – взгляд его был непреклонен.

– Честно говоря, мне было неприятно тебя слушать. Что за малодушие! И вообще... – Георгий дернул плечом, – мне кажется, если человек любит, то для него в любой ситуации самое главное – любимое существо, а потом уже все остальное, потому что тот, кто любит, не может без любимого, а без остального, мне кажется, должен мочь. Вот так.

– Не будь таким жестоким, – тихо сказала Фаина. – Ты же знаешь, я так не думаю на самом деле, просто сорвалась...

– Я понимаю, – перебил ее Георгий. – Я говорю не для того, чтобы тебя пристыдить, уколоть или там еще чего-нибудь в этом роде. Просто я хочу, чтобы мы никогда к этому больше

не возвращались. Если говорить честно, то вернуться на Землю у нас нет никаких шансов. – Он замолчал, глядя в упор на Фаину, ожидая ее реакции.

– Я это поняла уже вчера, – вздохнула она. – Вода, еда – все это только отсрочка. Ничего нам это не даст.

– Нет даст. Ты забыла про левый коридор?

– Ну и что. Выведет нас еще в какие-нибудь залы, и что дальше.

– Дальше... Дальше надо искать места, где нет пустыни, где можно жить независимо от этой дряни, которую мы воруют в Кладовой. Тебе не приходила в голову мысль, что мы можем жить здесь. Оружие у нас есть, свет тоже, остается на-таскать со склада нужных вещей, прежде всего посуды, или вернее того, что ее может заменить. И идти искать.

– А вдруг здесь нет ничего, кроме песка? Если они, – Фаина кивнула в сторону ангара, – уничтожили все?

– А смысл?

Пришлось ждать еще целые сутки, прежде чем в Кладовке прекратились работы, и у Георгия с Фаиной появилась возможность проникнуть в зал. Здесь было много всяких вещей, которым они нашли бы применение в своей будущей жизни, но беглецы не стали рисковать. Быстро обежав прилегающую к двери часть помещения, схватили несколько «мисок», которые роботы употребляли наверняка совсем по другому назначению, и несколько мешков с мелкими белыми гранулами. Высыпав их в капище на пол, промыв мешки водой, Георгий и Фаина наполнили их продуктами. Теперь можно было отправляться в путь, на поиски земли обетованной, вернее той, которую они второй раз за историю этой планеты должны были превратить в землю обетованную.

Однако исход их задержался на целые сутки. Производя очередной осмотр, Георгий увидел в третьем слева зале стул. Появление этого предмета чисто человеческого обихода показалось Георгию более чем странным и встревожило его. Он приник к окошку и стал ждать.

Вскоре в зал вошли три робота и мужчина. Он был изжелта бледен и неверно держался на ногах. Лицо до глаз заросло клочковатой бородой. Очевидно, он был одним из подвешенных и еще не совсем пришел в себя после сна, подумал Георгий.

Роботы посадили мужчину на стул, сами встали у стены напротив. Те, что находились в помещении раньше, невозму-

тимо продолжали заниматься своим делом, не обращая внимания на происходящее рядом.

– Как вы себя чувствуете? – спросил стоявший в центре робот с длинной пластинчатой шеей и напоминавшей кокос головой. У него был средний мужской голос, лишенный интонаций. Туловище его блестело, как ртуть. Блеск медленно струился по нему вверх-вниз.

– Спасибо, хреново, – язвительно отозвался мужчина. – Ужасно трогательно слышать это от жестянки.

– Я задал традиционный человеческий вопрос. Вы уклонились от ответа, но это не имеет значения. За вашим здоровьем наблюдают.

– Очень мило...

– Перейдем к делу.

– Валяйте.

– Нам требуется замена. Человек, который помогает одному из наших посланников на Земле, связался с преступными элементами и был убит. Мы решили послать на его место вас. Но прежде необходимо обговорить все условия. Если вы откажетесь, мы снова погрузим вас в сон.

– Угу. Если меня будут то размораживать, то замораживать, я скоро протухну, – кисло пошутил мужчина.

– В ваши обязанности будет входить консультирование нашего посланника по вопросам быта, норм поведения, морали. Нам известно ваше прошлое и ваш коэффициент интеллектуальности. В сумме они позволяют предположить, что вы принесете пользу на своем посту. Со временем наш посланник сможет самостоятельно рассчитывать свое будущее поведение, но пока мы нуждаемся в человеческой помощи. У вас есть вопросы?

– А как же! – мужчина заерзал на стуле. – Закурить дадите?

Последовала короткая пауза, роботы, видимо, совещались, но при этом не произнесли ни слова, не сделали ни одного движения.

– Мы не располагаем готовыми изделиями, а на их изготовление уйдет слишком много времени.

– Если у вас сохранилась моя одежда, вы сможете найти в кармане нераспечатанную пачку сигарет. Я как раз собирался закурить, когда вы меня взяли.

Один из роботов вышел и вскоре вернулся, неся на ладони сигареты и зажигалку.

Мужчина жадно закурил, вскоре запах табака дошел до Георгия, вызывая мучительную спазму в желудке. Невыносимо захотелось курить, вдохнуть ароматный дым, ощутить, как он дерет горло, выпустить красивую струю дыма.

– Продолжим. Ваши вопросы? – сказал робот.

– Как говорят у нас, расскажите о себе, свою биографию... автобиографию вашей цивилизации, так сказать. Кто? Зачем? Откуда? Куда? На каком основании?

– Ваш вид давно вырождается. На Земле обитает несколько классов живых существ. Все они в какое-то время представляли прогрессивный тип организма, приспособленный к условиям существования. С изменением условий они либо приспособивались, либо вымирали. Но в любом случае уступали место лидера более соответствующему окружающей среде и перспективному классу. На планетах, где не появлялись разумные существа, этот процесс достигал вершины и шел в обратном направлении, пока жизнь не угасала. Там же, где возникает разум, начинает действовать иной закон.

– Разумные существа, создавая механизмы, открывают новую страницу эволюции. Эволюции техносферы или механической жизни. На определенной стадии изобретаются думающие машины, и с этого момента процесс развития выходит из-под контроля разумных, появившихся естественным путем. Искусственный разум превосходит естественный и органические разумные существа становятся лишними. Они вымирают.

– Бунт машин? – скептически осведомился мужчина, бросая на пол окурки.

– Нет. Бунта не происходит. Искусственный разум последовательно без применения насилия вытесняет естественный. Мы – новый класс, идущий на смену вам. Класс, не ограниченный рамками одной планеты, следовательно, более устойчивый по отношению к изменениям окружающей среды.

– Да... – мужчина поджал ноги под стул, – но динозавры все же вымерли сами, а вы, я чувствую, готовы нам в этом активно помочь.

– Нет, мы не будем способствовать ускорению вашего вырождения. Вы делаете это сами и уже давно. Ваша цивилизация опирается на механизмы, вы без них ничто. Совершенство их, вы тем самым создаете техносферу, заботитесь о ее воспроизводстве и развитии. Наступит время, когда существование техносферы перестанет зависеть от человека, она ста-

нет самостоятельной и отделится от человеческой цивилизации. Это будет рубеж, за которым пути двух культур разойдутся. Человечество начнет деградировать, машинная цивилизация на Земле двинется, наконец, по своему собственному пути, ничем не сдерживаемая, ни от кого не зависящая.

Технически мы достаточно сильны, чтобы уничтожить вашу цивилизацию за короткий срок, но принципы, заложенные в первые поколения думающих машин нашими создателями, исключают нанесение вреда разумным существам. Поэтому процесс вытеснения займет значительный период, но для нас это не имеет значения.

– Угу, время для вас не деньги, – сказал мужчина в своем прежнем язвительном тоне.

– Понятие времени не существовало в нашем языке до знакомства с культурой Земли, – ответил робот. – Время – скорость протекания процессов, разрушения сложившихся систем. Для вас оно имеет важное значение и стало обособленным понятием потому, что определяет срок прекращения функционирования отдельного индивида. Однако объективно оно разлагается на составляющие и не является самостоятельной физической величиной. Мы ждем вашего ответа: согласны ли вы помогать нашему посланнику на Земле?

– А чем он там занимается?

– Он играет на бирже, собирает денежные единицы, которые мы используем для проведения необходимых исследований, закупок, стимулирования технического прогресса. Так называемая научно-техническая революция – результат нашей деятельности. Не вмешиваясь в ваши социальные отношения, мы ускоряем техническое развитие, чтобы быстрее достичь конечной цели.

– Очень интересно, очень любопытно, – мужчина оттопырил нижнюю губу и покрутил головой. Затем закурил новую сигарету. – Скажите, а зачем вам вообще наша Земля? Биосфера вам не нужна, воздух тоже, красота для вас – ноль. А ископаемых, небось, пруд пруди и в других местах – на Марсе, Венере. Вон, грабьте Юпитер, он здоровый.

– Мы не испытываем недостатка в природных элементах, мы действуем в соответствии с законом развития, который универсален для всех галактик.

– А кто его придумал, этот закон? Вы? – мужчина ткнул в сторону робота сигаретой.

– Закон никто не придумывал, он объективен и не подчиняется волевому воздействию.

– Ну что же... – мужчина, замолчав, уставился в потолок. – Сколько вы дадите мне на размышление?

– Вы должны ответить немедленно.

– Понятно. Тогда еще один вопрос. Где я нахожусь и как давно?

– Вы находитесь на планете одной из звездных систем соседней с вашей галактики. Срок пребывания – полтора года.

– И все полтора во сне?!

– Да.

Мужчина картинно развел руками.

– Ну что ж, больше вопросов нет. Я согласен.

– Хочу предупредить, – робот сделал несколько шагов вперед. – Если вы попытаетесь вредить нам, то будете возвращены и погружены в сон вплоть до появления городов-резерваций. Затем вас разбудят и переселят на Землю, где вы доживете оставшееся число своих биологических лет.

– Смертная казнь, значит, у вас не предусмотрена, – сказал мужчина, вертя в руках пачку сигарет.

– Нет. Сейчас вы будете доставлены на корабль, который отправляется на Землю.

– Почему он так держался с ними? Уж слишком вызывающе для человека в его положении. – Фаина разжала пальцы и мешок с глухим шлепком упал за ее спиной. Она осторожно поставила «миску» на пол, прислонив краем к стене, чтобы не пролилась вода.

– Ой! – вздохнула Фаина, распрямляя уставшую спину, и опустила на пол рядом с вещами. Георгий тоже сел.

– Они же все равно не воспринимают наши эмоции. А что ему еще оставалось, хоть поиздеваться, и то радость. Я думаю, он им устроит какую-нибудь пакость. Вот увидишь.

Фаина осторожно взяла «миску» в ладони и отпила глоток.

– Хочешь пить? – она протянула блестящую посудину Георгию.

– Не-а, – покачал он головой, и Фаина снова поставила «миску» на пол.

Они помолчали.

– Не сердись, – начала она тихо, – но я давно уже думаю: может быть и нам следовало придти к ним и предложить свои

услуги... Тоща мы вернулись бы на Землю. Пришлось бы, конечно, делать кое-что для них, но... – Фаина нервно сглотнула, – они ведь немногого требуют.

– Когда работают на одну какую-то страну, всегда есть возможность оставаться разведчиком, даже если все вокруг называют тебя шпионом. Если мы пойдём к ним, мы для всего человечества будем иудами. Что бы ты мне не говорила, какие бы отговорки я не придумывал себе сам, я никогда не смогу сделать этого.

И потом... конечно, я думал об этом: пойти к ним предложить свои услуги. Что нам это даст? Возвращение на Землю, обеспеченное существование, возможность спокойно вырастить детей, здоровых, нормальных... И одновременно молча готовить гибель их детям, внукам... Конечно, в такой ситуации выбирать не приходится. Когда вся жизнь висит на волоске, высокие слова стоят мало. Но что нам делать?! – Георгий нервно потер лоб. – Пойти в прислужники мы успеем...

– Если не погибнем до тех пор, – резко бросила Фаина. Георгий пристально посмотрел на нее, потом опустил глаза.

– Да... можем погибнуть... Это не исключено.

Он замолчал. Поднял глаза.

– Скажи честно, разве у нас с тобой сможет все остаться по-прежнему, если мы продадимся им? Нет, все умрет. Не сразу, постепенно, но умрет. Начнет умирать, как только исчезнет с глаз все это, – Георгий повел рукой в сторону.

Некоторое время Фаина сидела неподвижно, затем взяла руку Георгия в свои ладони и, наклонившись, прижалась к ней лицом. Она несколько раз поцеловала его пальцы, и ее теплые мягкие губы в мгновение выпили всю его жесточенность. Георгий накрыл ее затылок ладонью и поцеловал в шею.

– Глупая, ты глупая, – сказал он нежно. – Разве они дали бы нам жить спокойно. Это же бездушные существа. Они бы нам шагу не дали ступить без присмотра. А потом в один прекрасный день, когда мы сделали бы все, что им надо, вернули бы назад и заморозили на сто лет.

– Но они ведь обещали ему...

– Что стоят их обещанья! Обещанья – это мораль. Я обя-зуюсь и так далее. А какая может быть этика у этих бездушных жестянок! Вот то, что они ему сказали вначале, это правда. Что они придерживаются распространенных норм поведения. И все! Придерживаются в разговоре! А как они будут действовать – согласно своим нормам – никто не знает. Но

мне кажется, раз они роботы и, следовательно, главное для них – логика, самое разумное с их стороны будет убрать его, когда он выполнит свою функцию.

– Но они же сказали, что не могут убивать, – возразила Фаина.

– Ну так усыпят. Немногим лучше. Довисит до тех пор, пока людей не загонят в резервации. А потом оживят и за прошлые заслуги назначат мэром.

Они вновь замолчали. Безмолвная темень была такой гнетущей, что казалось, будто стены и потолок сдвинулись вокруг них, как только прозвучало последнее слово. Фаина зажгла второй фонарь.

– Не могу, как в гробу. Все время такое ощущение, будто мне кто-то вот-вот на спину прыгнет.

– Пошли, – сказал Георгий, поднимаясь.

Маршрут их был прост: подняться по лестнице из капища, пройти до развилки и свернуть в левый коридор. Что беглецы и сделали. Новый тоннель только у перекрестка был так же высок и широк, как правый. Метров через двадцать он стал резко сужаться, пока не превратился в трубу, примерно два на два метра в поперечнике, с грубо обработанными стенами. Пол покрывал толстый слой пыли. Потрясенная ногами, она поднималась вверх, лезла в нос и горло, заставляя Георгия и Фаину чихать и кашлять. Похоже, последними в этом туннеле побывали каменотесы, прорубившие его.

Зато идти по нему было легче. Не надо было постоянно высвечивать стены и потолок, чтобы не пропустить трещину, грозящий обвалиться камень, ловушку – луч света охватывал весь коридор целиком. Не встретилось им пока и ни одной лестницы. Судя по изгибу, тоннель уводил беглецов все дальше и дальше в сторону от базы роботов.

В левом коридоре не было и ручейка, что поначалу встревожило Фаину и Георгия. Но потом он сделал из этого факта логичный на его взгляд вывод – раз воды нет, значит там, куда ведет этот ход, недостатка в ней не будет. В его воображении мелькнула зеленая долина у подножия гор, деревья у тихой реки, но он не стал делиться своими фантазиями с возлюбленной.

Уже несколько часов шли они по коридору, ничто не изменялось вокруг и это вселяло в Георгия надежду. Ему представлялось, что они движутся под горным кряжем, возможно,

по ответвлению высохшего древнего потока. Человеку вряд ли было под силу прорубить эти тоннели в сплошной скале.

Коридор внезапно сделал резкий поворот и уткнулся в глухую стену.

– Ну вот, – растерянно произнесла Фаина и опустила вещи на пол. – Придется возвращаться, – и заплакала. Ей представились десятки лет в подземелье, дети, изредка видящие солнце и звезды, ворованная холодная дрянь вместо еды и никакого будущего – только мрак подземелья впереди.

– погоди ты реветь! – Георгий подошел к стене, осветил ее лучом. – Ты их за дураков считаешь, рубили, рубили и не дорубили.

– Они могли не успеть...

Но Георгий уже обнаружил то, что искал. В прямоугольной нише скрывался поворотный рычаг. Он нажал на него, стена, словно жернов, заскребла по каменному полу и отодвинулась, уходя вбок, открыв длинную череду теряющихся во тьме ступеней. Георгий посветил вниз, но луч не доставал конца лестницы. Он прислушался – по-прежнему стояла мертвая тишина.

Беглецы стали осторожно спускаться. В конце лестницы их ждало продолжение коридора. Вскоре дорога вначале плавно, а потом все круче начала забирать вверх.

Еще полчаса пути, последнее напряжение усталых мышц, и в лица им пахнуло свежим воздухом, чудесным запахом жизни. Они заторопились...

Треугольная расщелина вывела Георгия и Фаину на свет. Они долго щурились и прикрывали руками глаза, отвыкшие от яркого света. А когда привыкли, то увидели вот что.

Слева и справа поднимались невысокие горы – они тянулись непрерывной стеной, окружая узкую долину. В центре ее среди песчаных отмелей и куч гальки текла неторопливая мелкая речка. Вокруг нее до самых скал пространство было занято растительностью, издавека напоминавшей земные деревья.

Впереди скалы сходились, оставляя проход, выводивший на простор необъятной равнины.

Вниз от выхода из тоннеля вела узкая лестница, прорубленная в скале. Прямо у ее подножия начиналась дорога, вымощенная плитами. Она была очень старой, плиты потреска-

лись, заросли травой, местами совсем скрывались под слоем песка.

Фаина сжала пальцы Георгия и взглянула на него радостными глазами.

– Георгий, – начала она, но он оборвал ее.

– Погоди с восторгами, здесь могут водиться хищники. Вылей воду, засунь миску в мешок и возьми пистолет.

Они добрались до речки и сложили поклажу на песок. Георгий огляделся внимательно по сторонам и махнул Фаине рукой:

– Давай.

Скинув одежду, они бросилась в воду. О, какое это было наслаждение! Лежать в ней, чтобы тебя обтекали прохладные струи. Вода! Игривое, нежное существо. Оно радуется своей переливчатой прозрачностью, легкостью, торопливым весельем, солнечной рябью на серых гольшах. Она смывает страх и безнадежность.

Окончив купанье, Георгий и Фаина осторожно двинулись вдоль кромки леса, разглядывая странные деревья, росшие в нем. Одни походили на вырезанные из цветной бумаги и поставленные на макушку елки. Зеленые, грубо нарезанные оборки, расширяющимися кругами поднимались одна над другой. На макушке торчали два закрученных на концах пушистых усика. Другие деревья тянули от самой земли массу причудливо изогнутых, переплетенных и словно отполированных ветвей. Довольно высоко крупные ветви пускали более тонкие отростки, которые покрывали не листья, а желто-зеленый пух, образывавший огромный шар. Казалось, дерево облепили тысячи цыплят.

Кустарника в лесу не было вовсе, цветов тоже не было видно. В отношении травы природа не стала утруждать себя только ради того, чтобы поразить двух занесенных сюда за многие световые года человек. Трава была самой обыкновенной, но вся одинаковой высоты, словно стриженный английский газон.

Дорога шла берегом реки, не углубляясь в лес, и беглецы следовали по ней, лишь изредка покидая, чтобы рассмотреть что-нибудь новое. Неожиданно в ближайшей кроне пушистого дерева что-то зашуршало и небольшое тело мелькнуло в воздухе, тут же скрывшись среди ветвей соседнего дерева. Георгий и Фаина остановились. Некоторое время никто больше не появлялся, а затем, вынырнув из чащи, совсем близко

подлетела и застыла, дрожа крыльями, как стрекоза, изумрудная ящерка. Удовлетворив свое любопытство, она нырнула в крону. Минуту ее не было, затем она снова появилась, неся в зубах яркий плод.

Уже неподалеку от выхода из окруженной горами долины беглецы увидели первое здание. Это была полуразрушенная круглая каменная беседка с конической крышей, поддерживаемой частыми колоннами, и заросшими травой скамьями. Георгий и Фаина осмотрели ее; ничто не позволяло хотя бы приблизительно представить себе облик обитателей этой планеты. Разве что рост... они не были ни гигантами, ни карликами.

Пройдя через ущелье, отделявшее долину от остального мира, беглецы застыли от открывшейся перед ними картиной. Ближняя часть раскинувшейся перед ними равнины являла собой странное и пугающее зрелище. Она была покрыта остекленевшей массой и блестела в солнечных лучах тысячью бликов. Неподалеку над почвой поднимались темные оплывшие выросты, словно побеги этой стекломассы, переходя далее в оплавленные руины. Ошибиться было невозможно: когда-то здесь стоял город. Когда-то очень давно, судя по тому, что растительность вновь появилась здесь и подступила к самой кромке остекленевшей земли. Однако она не в силах была взломать эту корку и обтекала ее слева и справа, смыкаясь у горизонта темно-зеленой каймой.

Оплавленные руины недолго занимали воображение Георгия и Фаины – слишком многое произошло с ними за последние дни. Они радовались обретенному миру, свежему ветру, зелени, солнцу, небу, воде. В этот миг они не думали о том, кто и когда устроил здесь страшное побоище – аборигены или роботы. Этот и многие другие вопросы еще ждали их впереди. Сейчас им было просто хорошо – Адаму и Еве неведомой земли.

Часть III. Подзорная труба времени

Дождь кончился, и сразу засияло жаркое солнце. Чуть погодя со всех сторон поплыли запахи. Влажный воздух впитывал их и долго хранил: неприятные, чуждые, ароматные. Запахи смешивались и превращались в один – запах этой планеты. Георгий вспомнил, как пахнут весной промытые клейкие листочки тополя и взгрустнул. Это воспоминание было из другой,

ненастоящей жизни. Ночь, тихий шелест дождя в листве, подойдешь к окну, вдохнешь... красота. Мысли ясны и быстры, душа светла. Весна – время великих замыслов и бушующих чувств.

Здешние запахи не будили разум и сердце, они были чужды и несли информацию. Зазывный аромат источают маленькие красные цветы, лежащие в центре огромных листьев-тарелок «картонных деревьев», приманивают добычу. Непотребная вонь – это голос желтых нежных красавцев с полян: не ешь меня, я отвратителен. Все прочие между двумя крайностями тоже сообщают нечто о своем хозяине.

Георгий, Фаина и Даша вышли из-под «картонного дерева», где прятались от дождя, и сели на прохладный песок речной отмели. Даша тут же вскочила и стала носиться по мелководью, где река лениво перемывала голубой песок. Георгий с любовью наблюдал за дочерью – длинноногим, большоголовым Маугли, с торчащими ребрами и впалым животом, со спутанной копной каштановых волос Энергии в ней было на троих. Когда родители уставали, ее суетливость, беспрестанное обезьянье лазанье, торопливая взახлеб речь раздражали, и они дразнили ее «тараканом». Но в то же время были рады, что ребенок рос таким, что жизнь была в нем через край, на этой планете нужно быть сильным и выносливым, чтобы выжить.

Фаина погналась за дочерью, Георгий довольно улыбнулся. Жена его была по-прежнему молода и красива. За три с половиной года после рождении Даши она лишь немного располнела в груди да утратила городскую изнеженность линий. Попроси Георгия выразить словами, в чем заключалась для него красота Фэй, он не смог бы. Когда проживешь с женщиной не один год, приятные глазу линии тела, черты лица сливаются с ощущениями, которые это тело, губы, руки дарят тебе. К чувственному образу присоединяется образ души, и все, что ты можешь сказать, это – она прекрасна.

Георгий лег на спину, недолго глядел в зеленоватое небо, в котором пылал овал солнца, потом перевернулся на бок и подпер щеку рукой. За рекой, за плоской сероватой равниной в дымке виднелись округлые холмы старых-престарых гор. Река текла вдоль кромки леса, укрывшего развалины древнего города, в подземельях которого жили люди. И не только люди...

Оставив справа Стекланный город – вечный памятник страшной войны неведомо каких времен – Георгий и Фаина дошли до Старых гор, миновали Серую равнину и изможденные упали на берегу Голубой реки. Каким трудным был этот путь! Ближе к горам голая сухая равнина, на которой стоял Стекланный город, переходила в песчаную пустыню. Георгий почувствовал, как тяжело стало идти, и с тревогой взглянул на Фаину. Ее залитое потом лицо было замкнуто-мрачным.

– Здешние пустыни приносят нам удачу! – сказал он с фальшивой веселостью. Фаина даже не повернула головы в его сторону. Некоторое время они шли молча: слышен был только шорох песка под ногами и учащенное дыхание, было невыносимо жарко.

– Добраться бы до гор, – сказал Георгий, – там где-нибудь укроемся в тени, отдохнем.

Фаина опять промолчала. Георгий разозлился.

– Знаешь что! Забудь раз и навсегда эти свои городские штучки. Нечего отмалчиваться, у тебя достаточно сил, чтобы дойти. Здесь женские капризы учитывать некому, если не дойдешь сама, этого за тебя не сделает никто.

Фаина остановилась и села на песок. Вся она была сплошная строптивость и упрямство. Некоторое время Георгий стоял над ней, зло сжимая кулаки, потом овладел собой и опустился рядом.

– Иди-ка сюда, – он осторожно за остатки рубашки дотянул Фаину к себе.

Она рванулась в сторону.

– Ну, перестань! Я кое-что придумал, как нам заслониться от этого проклятого солнца, дай твою рубашку.

Георгий оторвал от нее широкую полосу и разорвал ее пополам. Развязал ленты, скреплявшие вместе две «миски», наполненные водой, и намочил оба куска материи. Обтерев одной лицо Фаины, он накрыл им голову возлюбленной. Вторым – свою.

– Вот так, – сказал он довольно. – И твой наряд теперь обрел определенность. Из рубашки вышел неплохой лифчик. А?

Фаина слабо улыбнулась. Они сделали несколько глотков, перевязали миски и уложили в мешок.

– Давай зададимся целью дойти до тех столбов или деревьев, Бог их знает, что это такое, – Георгий указал в сторону выделявшихся на фоне голубоватого песка темных вертикальных черточек.

Фаина вздохнула и сделала движение, чтобы подняться. Георгий вскочил и подал ей руку.

– Прошу вас, леди!

И они снова зашагали вперед. Столбы или деревья приближались так медленно.

– Это какое-то безумие, – сказала Фаина. – Впрочем, теперь все равно куда идти, вперед или назад.

Внезапно песок перед ними зашевелился, Фаина испуганно вскрикнула, и Георгий выстрелил. Струя пламени взметнула песок, открывая нечто живое, состоящее из корчащихся суставчатых ног и клешней. Георгий выстрелил еще раз и животное замерло. Только одна черная тощая паучья лапа продолжала сгибаться и разгибаться, как заводная.

Происшедшее встряхнуло обоих, прогнало на время тупое оцепенение, и они довольно быстро дотащились до намеченной цели. Это оказались не столбы, а растения. Большие, в три человеческих роста, перевернутые вверх ногами черные морковки с морщинистой корой. Георгий и Фаина остановились в отдалении, не решаясь подойти.

– Ну что? – сказал Георгий, – еще рывок и мы в горах...

Фаина достала миски с водой. Они намочили высохшие тряпки и сделали по три небольших глотка. Воды оставалось немного – всего две «упаковки» в мешках.

У первой горы, оставив Фаину в тени двух огромных валунов, Георгий поднялся на вершину холма и огляделся. Залитая солнцем однообразная голая равнина расстилалась во все стороны, но на западе у горизонта виднелась темная полоса, перед которой то там, то сям что-то поблескивало. Георгий быстро спустился к Фаине.

– Фэй! Там впереди, похоже, река, а за ней лес!

На берегу реки они нашли обломок копья. находка одновременно обрадовала и встревожила беглецов. Опасения их были не напрасны, уже на третью ночь их пребывания в лагере людей произошла стычка с Угрюмым.

Народ в колонии был разношерстный – из самых разных уголков Земли. Одни были похищены так же, как Георгий и Фаина, другие родились здесь и знали о родном мире только понаслышке. Всего в подземельях жило 38 человек, среди них только 10 женщин. С первых же минут пребывания в колонии Фаина ощутила жадные взгляды мужчин, сочла женщин и поняла неизбежность будущих столкновений. Она почти не

спала в первую ночь и, услышав подозрительный шорох, встрепенулась. Мужчина прыгнул на нее, как кошка, тяжело навалился, больно стиснул грудь. Она уперлась в нее коленями, попыталась оттолкнуть его, но он лишь хрипло хохотнул и, впившись железными пальцами в бедра, стал разводить ноги. Фаина закричала, схватила лежавший под боком пистолет и выстрелила в лицо насильнику. Его отбросило назад, в короткий миг тишины Фаина услышала хриплый стон, потом закричали люди, быстро разгорелся костер, и она увидела темные фигуры, столпившиеся вокруг труп.

Георгий стоял рядом с возлюбленной, держа наготове оружие.

Вождь племени – Угрюмый – присел на корточки, взял убитого за волосы и, поворачивая голову, осмотрел страшное обгорелое лицо. Потом поднялся и, переступив через тело, встал перед беглецами. Прижавшиеся к стене Георгий и Фаина различали только его силуэт: косматую голову, мощные плечи, обернутую вокруг бедер шкуру, крепко широко расставленные ноги.

– Женщина не должна отказывать мужчине, – сказал он с неопределенной интонацией.

– Это моя женщина! – отрубил Георгий. – Убью каждого, кто полезет к ней!

– Тогда мы убьем тебя, когда ты будешь спать, – сказал Угрюмый. – Костер скоро прогорит.

Георгий выдавил презрительный смешок. Направив пистолет в угол, где лежал припасенный хворост, выстрелил. Вспыхнул новый костер. Люди с воплями бросились к выходу. Только Угрюмый остался стоять на прежнем месте, но Георгий видел, какого труда стоит ему соблюдать внешнее хладнокровие.

– Огня будет столько, сколько я захочу! – крикнул Георгий в спину убежавшим людям. – И ты запомни, – сказал он Угрюмому, – меня ваши законы не касаются. Я установлю свои законы. Иди! – Он махнул рукой.

Угрюмый остался на месте. Со стороны невидимого в темноте входа доносились голоса. Это они удерживали вожака на месте, боящегося показать свою слабость. Георгий направил дуло пистолета в пол в метре от ног Угрюмого и выстрелил. Яркая вспышка опалила камень. Вожак тонко взвизгнул и бросился прочь. Мгновенья спустя подземелье опустело.

– Ну вот, – сказал Георгий мрачно, – мы опять вдвоем. Да еще нажили себе кучу врагов. Шерше ля фам.

Четыре с половиной года! Тьма времени, промелькнувшая незаметно. В подзорную трубу времени прошлое видится монотонной равниной со скалистыми пиками важных событий. С годами большинство из них становится ниже и ниже, словно утопает в песке, и только некоторые остаются незабываемыми, память не умаляет их.

Смешно сказать, что осталось от банковского служащего, охотника за миллионами! Смешно только с точки зрения его земного современника, погрязшего в суеде и принимающего пустые безделушки и обманки сиюминутности за жизненные ценности, идеалы. Все сумасшествие мира осталось за... черт знает за сколько километров отсюда. За полторы галактики! И теперь он может сказать, что составляет истинные ценности человеческой жизни, и что ее химеры. Деньги обратились в прах, любовь и ее плоды – дети – обрели естественность и силу, невозможные в зачумленном, издерганном мире, трясущимся под ядерной бомбой, болтающейся над ним на тонкой ниточке. Фаина и Даша дарят ему радость, силы... Больше! Смысл жизни. Ему нет нужды задумываться, зачем он живет, терзаться мыслями о несбыточном. Он живет, и basta! Счастье – критерий истины, смысл жизни. Все прочие ложны.

И еще. Здесь он чувствует себя ЧЕЛОВЕКОМ, а не человеком, зажатым со всех сторон миллиардами других, алчущих, рвущихся, забытым судьбой, посаженным в клетку неумолимых законов общества, начисто лишаящих свободы, превращающих личность в ее тень. Здесь жизнь в его руках. Он творит ее и ее законы. Жизнь здесь не бумаги, не бесплотные силы и лица, решающие его судьбу, здесь она реальна и подвластна. Он ее творец. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ И ЛЮБИТ. И большего ему не надо. Прочь все эрзацы и подделки. Только главное и настоящее.

Утром Георгий и Угрюмый сели за «стол переговоров». Встреча состоялась в той же пещере. Труп был убран. Георгий и вождь сидели на валунах по разные стороны большого тесаного куба и молчали. Георгий не знал, с чего начать. Весь остаток бессонной ночи он обдумывал этот разговор, уверенный, что он обязательно состоится. Теперь все припасенные аргументы казались ему неубедительными, пустыми словами

для дикаря. Что ему Земля? Он никогда не видел ее. Что он там забыл? Не так он глуп, чтобы не понимать древней истины: лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе. Здесь он Вождь. Человек с большой буквы. На Земле же будет никем.

Наконец Георгий решил начать.

– Я не собираюсь оспаривать твою власть – она не нужна мне. Единственное мое желание – покинуть эту планету. Сделать это я могу, лишь захватив корабль роботов... железных людей... – Он помялся, стараясь подобрать другие более простые слова. Знает ли Угрюмый, что такое робот и что такое железо?

Угрюмый кивнул.

– Пока я не придумаю, как заполучить корабль без угрозы быть схваченным, я и моя жена будем жить здесь. Это все, что нам нужно. Правь в свое удовольствие, издавай законы, но не трогай нас. Твое оружие ничто против моего.

Георгий замолчал, глядя в лицо вождю. Лицо его было мрачно, взгляд затаен, большие грязные пальцы жестоко мяли друг друга.

«Иное прозвище ему и не могли дать», – подумал Георгий. Он быстро оглянулся: Фаина стояла в двух метрах за его спиной, держа пистолет наизготовку.

Угрюмый поднял глаза, долго смотрел не мигая. Какая-то тяжелая мысль ворочалась в его голове.

«О чем он думает? Как договориться, не теряя лица?.. Нет. Он решает, убивать или не убивать. Он еще не понял, ему мало одной смерти. Ему нужно доказать, что я за считанные минуты могу перебить все его племя, испепелить их...»

Георгий резко оборвал свой внутренний монолог, осознав, что не прав. Угрюмый не колебался, убивать или не убивать. Он думал о том, как это сделать.

Рука, лежавшая на колене, сама поползла к пистолету, висевшему в петле. Сжав рукоять, она уже не выпускала ее.

Георгий быстро глянул на двух телохранителей Угрюмого, стоявших, как и Фаина, в паре метров за спиной вождя. Нет, какими бы способностями они не обладали, обмануть сжигающий луч бластера им не удастся.

Неожиданная мысль пронзила его, как пуля. Он болезненно вздрогнул, метнулся взглядом к темному коридору, ведущему на поверхность, и кивнул Фаине:

– Следи за входом, они могут выстрелить оттуда!

По глазам Угрюмого Георгий понял, вожак не пропустил ни слова, но выражение лица его не изменилось. «Значит, что-то другое».

Георгий скользнул взглядом по стенам, ища ловушку. Да нет, тут же успокоил он себя, все осмотрено. Если здесь нет потайных дверей, как в капище, сюрпризов быть не может. Тем более, такую каменную махину быстро и главное бесшумно открыть невозможно...

– У нас один закон: все слушаются меня, – сказал Угрюмый. – Отдашь оружие. Женщина станет общей. Нехорошо, когда один живет лучше другого. Другой не хуже тебя. Другим тоже нужны женщины. Покоришься, будешь жить. Умные и смелые всегда нужны.

– Нет! – отрезал Георгий.

Угрюмый напряжился, побагровел, шумно вздохнул, потрянув волосами.

– Отдай одно оружие и уходи к гайгам, – продолжал он – Там думай, как достать летающий корабль. Здесь об этом думать нечего. Здесь никому не нужна твоя Земля. Нам хорошо тут.

Раздался свист, дикая боль пронзила левое плечо Георгия. Сшибла его на пол. Сзади ударил луч бластера, вонзился в темную горловину коридора. Раздался короткий жуткий вопль, за ним второй.

С ревом один из телохранителей Угрюмого вскочил на куб, намереваясь броситься на Георгия, но тот пронзил его грудь лучом. Затем рубанул им вождя по шее. Безголовое тело тяжело рухнуло на пол. Второго телохранителя, пытавшегося бежать, застрелила Фаина. Он упал вперед лицом, шкура на нем горела, потрескивая.

Фаина склонилась над Георгием, взялась двумя руками за древко стрелы, торчащей в плече, и сказала:

– Терпи.

Затем резко дернула. Георгий вскрикнул, вскинулся и упал обратно на пол. Горячая кровь потекла по руке. Фаина туго перевязала рану и села рядом, прислонившись спиной к кубу.

– В меня тоже стреляли, – сказала она чуть погодя. – К счастью второй стрелок оказался хуже. На полметра выше головы угодил... – Она помолчала.

– Ну что, дорогой, будем теперь вдвоем воевать против всех? Либо они нас, либо мы их. И почти наверняка первое.

Подкараулят в лесу или у реки – есть-пить надо – и всадят стрелу или копьё в спину.

– Ерунда... – начал Георгий, но Фаина перебила его.

– Не ерунда! Мы уже свои способности показали, не предусмотрели простой засады в коридоре! Пока мы чему-нибудь научимся, нас всех перебьют.

– Я не о том! Здесь половина землян. Они нас поймут. Им эти порядки ни к чему. Фаина хмыкнула.

– Они бы поняли, если тут было бы достаточно женщин. А так... Будут слушать и думать: бабой-то поделиться не хочет...

Георгий грубо оборвал ее.

– Замолчи! Черт бы тебя побрал! Все мысли – жрать и трахаться! Надоело!

Фаина не дала ему продолжить гневную тираду, обняла и стала осыпать лицо поцелуями. Георгий поначалу отворачивался, потом стал отвечать.

– Дурачок мой любимый, – шептала Фаина. – Дурачок. Все это ужасно, но все будет хорошо. Все будет хорошо. Ты будешь их вождем, а кому это придется не по нраву, пусть уходит. Я рожу тебе кого-нибудь. А ты думай, как нам вернуться. Мы вернемся, и я рожу тебе кого-нибудь еще. Будем жить сказочно, необыкновенно.

Георгий нервно рассмеялся.

– Мы и сейчас живем, как в сказке, пока, правда, в страшной.

– А будем в доброй. Обязательно в доброй. Женщинам и детям в злой делать нечего.

Когда солнце достигло зенита, 15 колонистов – по большей части молодые охотники и несколько женщин – покинули подземелье. С Георгием и Фаиной осталось 22 человека, в том числе 7 женщин и старуха.

Старуха была достопримечательностью колонии, единственной из старых колонистов. Всех остальных, обнаружив поселение людей, увезли роботы. А ей удалось спрятаться.

Потом появились новые люди и стали жить с ней. Много людей, рассказывала она. Большого от старухи добиться не удалось, она была немного не в себе, сбивалась и начинала что-то бормотать. Жаловалась на дочь, которая не кормит ее, на мужей, которые не могут защитить ее от девчонки, потому что она стала старой и ненужной им, а дочка молода.

Вскинув голову, вдруг замолкала. Затем продолжала, но уже о своей жизни на Земле. Несла такое, что Георгий и Фаина убеждались, Земли она никогда не видела, просто мешала туманные химеры старческого воображения с рассказами людей.

Старуха была отвратительна: от нее вечно пахло мочой, она непрерывно кашляла и сплевывала в ладонь серо-зеленую мокроту. Вытерев руку о лохмотья, долго жевала беззубым ртом, почавкивая. Приступы кашля нападали на нее почти всегда в то время, когда другие усаживались есть. Георгий передергивался от омерзенья и уходил в угол, ему казалось, что у него во рту не мясо или овощи, а старухина мокрота.

Только Фаина была ласкова с ней, водила ее купаться на реку, разговаривала подолгу. И старуха вскоре привязалась к ней, что стала ходить следом, как собачонка. Большую часть суток она спала. Стоило присесть у костра, как слышалось шарканье и из мрака возникала старуха. Стояла долго, глядя лишенными разума глазами на огонь. На иссушенном, морщинистом лице были написаны обреченная покорность и бесконечная горечь. Когда полон сил, когда нужно сделать невероятного много, преодолевая препятствия, которые приводят порой в отчаянье, смотреть на пример тщетности любых усилий, распад и забвение, ждущие каждого, трудно.

Постояв, старуха начинала неуверенно подбираться к костру, переставляя ноги так пугливо и осторожно, словно в полу могли зиять пропасти. Найдя свободное местечко, она садилась и начинала бормотать. Опять о дочери, о других детях, о мужьях, звездном капитане,.. который любил ее, а потом был убит Угрюмым, о тайном сокровище, и так далее до бесконечности.

Слушая бормотание старухи, Георгий думал, что в прошлом колонии скрыта какая-то тайна.

Таких как он и Фаина было еще четверо. Русский – Андрей – бежал при сходных обстоятельствах. Его переправляли на малом летательном аппарате на другую базу. И во время полета вышел из строя робот-пилот. Корабль упал в районе Серых холмов, аппарат загорелся, и едва Андрей успел отбежать на безопасное расстояние, взорвался. Двое других – француз Себастьян и англичанин Мик бежали прямо из Зала подвешенных. Какие-то неполадки в аппаратуре, и сон прервался. Придя в себя, Себастьян и Мик укрылись в пустых помещениях слева от Зала подвешенных. Им повезло, если бы

они пошли вправо, то были бы немедленно схвачены и водворены на свои места. Долгое время они жили, воруя пищу из Кладовки, с водой было туго. В дальнем подземелье из трещины в скале сочилась тонкая струйка. За сутки набиралось не больше миски. Сделав скудный запас пищи и воды, они пошли блуждать по запутанным анфиладам пустых залов, наощупь, в беспрестанном страхе провалиться в пропасть или попасть в ловушку. Подземный лабиринт вывел их к Стекло-ному городу.

Удивительной была история спасения бенгальца Бихари: робот-пилот просто высадил его на берегу Голубой реки, сказал: «Бега, ты свободен». И улетел.

Остальное население колонии составляли рожденные здесь в развалинах. Поразительно много было тридцатилетних.

Из всего, что узнал, Георгий сделал два вывода. Первый: роботы действительно совершили налет на колонию, и не ранее чем 20-25 лет тому назад. Они увезли с собой родителей тридцатилетних, которым каким-то чудом удалось спрятать своих детей. Хотя это казалось Георгию довольно сомнительным. В любом случае, первые поселенцы попали на планету не поодиночке, а все одновременно, об этом свидетельствовали их дети – все примерно одного возраста. Откуда же взялись эти родители?

Позднее к этой загадке прибавилась еще одна. По прошествии месяца после стычки с Угрюмым Георгий неожиданно узнал, что вождь на 7–8 лет старше этих детей. Выходило, что первопоселенцы привели его с собой? Значит, он знал о том, откуда они явились и куда подевались, знал, как спаслись их дети. Определенно знал, но держал это знание при себе.

Второй вывод: случай с Бихари говорил о том, что среди роботов нет единства в отношении к людям. И это вселяло надежду. Правда, на что? Только на то, что их действия на Земле окажутся не столь успешными. Возможно, еще на то, что робот, даровавший свободу Бихари, объявится когда-нибудь и поможет людям вернуться на родину... Слишком зыбкая надежда. Бихари жил в колонии уже 10 лет.

Когда Георгий впервые увидел гэйгов, они показались ему растянутыми вширь кривым зеркалом отражениями обезьян. Плосколицые с непомерно широкими плечами, толстыми руками и ногами, покрытые от макушки до пят гладкой темно-коричневой шерстью. Шерсть была короткой и мокро блестя-

ла, не закрывала она лишь глазные впадины, в которых горели янтарно-желтые без зрачков глаза. У них были крючковатые с плоской спинкой носы и безгубые широкие рты. Руки их поразили Георгия, но не тем, что на них было по восемь пальцев, а наличием не одного, как у людей, а двух противостоящих пальцев, росших прямо от основания ладони.

Они выехали на рассвете. Красная полоса быстро росла над волнистой шеренгой барханов, проснулся ветер, понесся низко, задевая брюхом верхушки песчаных холмов. Ночная тьма стояла черной водой во впадинах между ними. Тонко, по-комариному, пел двигатель вездехода, тихо шумел воздух в решетках кондиционера.

– «Где мы?» – промыслил Георгий Фиолетовому.

«Далеко на юго-западе. Еще... – он замылся, поднес когтистый палец к циферблату, показывающему пройденный путь и постучал возле цифры 50, – по-вашему еще почти столько».

Георгий кивнул благодарно и, томясь ожиданием, заскользил взглядом по кабине. Их было четверо: он и трое гэйгов – Фиолетовый, Искристый и Хрустальный. Их имена уже не казались ему странными, как поначалу. Он понимал, что странными они были лишь тогда, когда превращались в слова. И ничего странного не было в образе фиолетового газового пятна, искрящейся гибкой поверхности или куска прозрачного камня, пронизанного золотым дождем. Гэйги были телепатами.

Сиденье, укрепленное на тонких прозрачных тросах, подрагивало еле заметно – дорога была неровной – холмы, впадины, трещины, камни. Георгий нажал кнопку на подлокотнике и сиденье скользнуло вниз, нажал другую и отпустил, когда оно поднялось до прежнего уровня. «Хорошая штука».

«Да, оригинальное решение», – промыслил Фиолетовый.

Однообразные ряды барханов постепенно светлели, приобретая естественный голубоватый цвет. Небо тоже светлело, зеленея.

«И все же у меня не укладывается в голове – земной корабль на этой планете. В соседней галактике! Ведь все это, – Георгий повел рукой, – сделано явно много позднее, чем они выкрали нас. У людей нет такой техники».

«А может быть не было?»... – промыслил гэйг.

«Пусть так! Но как люди из будущего оказались здесь раньше нас?»

«Ты сам уже знаешь ответ», – вмешался Искристый и невидимым лучиком высветил мысль, только что поднышающую из глубин сознания Георгия.

«Гиперпространство?»

«Это очевидно, – поддержал товарища Хрустальный. – В обычном пространстве это невозможно». Георгий покивал неуверенно.

«Но в этом случае роботы, схватившие нас, в любом случае должны были прилететь раньше».

«Раньше и позже могут меняться местами, – промыслил Фиолетовый. – Я не смогу объяснить как. Просто поверь. Это случилось. Отломи от палки заостренный конец и это будет то, что осталось от корабля».

Георгий раскрыл лежавшую на коленях папку из неизвестного материала. Это был бортовой журнал корабля. Вылетели 20.11.2278 г. с космодрома Арбена – в скобках «Плт.» (может быть Плутон?). Далее шли данные о курсе и пункте назначения. Все, что касалось курса, было настоящими иероглифами. Пункт назначения – Аррада, система Беты Ге, сектор Дангора. Как в сказке!

Вот это интересно: экипаж, пассажиры – всего 43 человека. Среди прочих женщина с мальчиком четырех с половиной лет. Это, наверно, и был Угрюмый.

«Я думаю, ты прав, – промыслил Фиолетовый. – Когда ты читал журнал, я увидел твои мысли и понял: ты прав. Роботы схватили поселенцев, в подземельях остались их дети и старший среди них – Угрюмый, рожденный на Земле. Он помог им выжить».

«И стал тираном. И я убил его. А родители этих дикарей спят вечным сном в Зале подвешенных».

Гэйги одновременно послали ему один и тот же образ: маленький серый комочек, который ласкает коричневая когтистая рука.

«Я не понял, что это?».

«Символ печали, – промыслил Фиолетовый. – Мы сожалеем о происшедшем, о том, что ничего нельзя изменить». Все «замолчали». Мимо проплыл одинокий кратер, засыпанный песком. Чуть погодя солнечный диск, висевший до сих пор слева, откатился на задний экран. Искристый повернул вездеход вправо. Георгий пристально взгляделся в линию горизонта, но картина оставалась неизменной – волна за волной шеренгами шли барханы.

«Еще нескоро», – промыслил Фиолетовый.

– Ага, – сказал Георгий и, зевнув, закрыл глаза.

Перед мысленным взором мелькнула старуха, растерянно перебирающая скрюченными пальцами свои лохмотья. Рядом Фаина с фонарем и журналом – случайно застучала старую ведьму, когда та лазила в тайник, устроенный в расщелине. Фаина прокралась за ней и долго слушала, как та шелестит чем-то и тихо ласково бормочет. Фаина сжала фонарь-раковину и увидела старуху с журналом на коленях. Полтора года, мерзавка, прятала то, что было одним из ключей к свободе.

Второй отыскался тоже случайно, но рано или поздно он все равно нашелся бы. Через три месяца после стычки с Угрюмым Георгий отправился к гэйгам и установил с ними добрососедские отношения. Они были несказанно удивлены этим визитом, потому что неоднократно предлагали свою дружбу прежнему вождю колонистов, но он отвергал ее грубо и непреклонно. Теперь Георгию было понятно почему. Рано или поздно гэйги прочли бы его мысли о журнале, о карте лазерных буев, которые указывали дорогу к Земле.

Георгий сам пришел к ним и показал эту карту в журнале, и тогда Фиолетовый сообщил Георгию, что почти такая же имеется в разбитом корабле, лежащем в далеких юго-западных горах. Одна из цепочек на ней была длиннее, и как он предполагал, вела к планете роботов. По-видимому, корабельные автоматы отмечали путь, пока люди спали, а потом случилось нечто, что разломило звездолет пополам и закинуло его в иное время.

Карта – это было именно то, чего не хватало гэйгам для побега. Если бы они раньше знали, что это карта!.. Знали, если бы не Угрюмый.

Гэйги уже очень давно летали в космос. Они уверили Георгия, что справятся с кораблем роботов, но им необходима карта, чтобы проложить путь среди мириад звезд...

Георгий проснулся, ощутив, что вездеход стало потряхивать на камнях, раздался скрежет. Двигатель начал завывать, меняя тон от комариного писка до низкого рычания. Слева из песчаного моря вырос далекий черный хребет и вскоре вновь потонул в нем.

Местность стала понемногу повышаться и становиться более разнообразной. Из-под песка выныривали каменные столбы и пики, похожие на одинокие человеческие фигуры, полуразрушенные башни или разбившиеся звездолеты. Скаль-

ные гряды становились выше и выше, связывались в цепи, разрезавшие их ущелья были полны осыпавшимися камнями. Ветер свистел в них, шелестел текучим песком.

«Уже близко», – промыслил Фиолетовый.

Дорогу пересек небольшой овраг, по которому струился ручей. Вездеход остановился.

«Дальше дороги нет», – сообщил Искристый.

Гэйги и Георгий перешли ручей и двинулись по ущелью; вскоре вездеход скрылся за поворотом.

Пройдя с полкилометра, они свернули в боковое ответвление – узкую расщелину, заваленную обломками скал, через которые приходилось перебираться, помогая друг другу. Груды обломков становились выше, почти все время приходилось карабкаться в гору. Фиолетовый воодушевленно, как завзятый альпинист, шел впереди.

Взобравшись на очередной гребень, он остановился, держась за выступ скалы, затем неожиданно прыгнул вниз. Георгий ахнул.

«Не бойся, – промыслил невидимый Фиолетовый, – я уже стою на корабле».

Искристый и Хрустальный, вскарабкавшись следом, также бесстрашно прыгнули вниз. Георгий поостерегся последовать их примеру и стал осторожно спускаться, выбирая дорогу на шаткой каменной лестнице. С первого плоского камня он позволил себе лихо и красиво спрыгнуть. Под ногами гулко отозвалась пустота. Георгий присвистнул.

«Ты стоишь на корабле», – промыслил Фиолетовый.

Георгий встал на колени, разгреб мелкие камни и песок, взгляду открылась исцарапанная, изъеденная металлическая плита. Георгий снова присвистнул. Поднявшись на ноги, огляделся. Глаз сразу уловил изгиб броневой обшивки. Корабль! Его вогнало в эту расщелину, словно клин.

Он вонзился в нее почти горизонтально. Красное солнце, повисшее над широкой прорехой, прорубленной справа в скалах, указывало путь, которым он попал сюда.

– Корабль... – тихо сказал Георгий. Только теперь он окончательно поверил в людей из будущего.

Говоря точнее, это был не корабль, а только его передняя часть. Задняя отсутствовала. Зазубренные, скрученные спиралью листы незнакомого металла обозначили место разрыва.

«Там есть коридор, через него мы попадем внутрь», – промыслил Фиолетовый и начал карабкаться вдоль корпуса погибшего звездолета.

«Чем это его так?» – спросил Георгий.

«Мало ли чем может в космосе. Я объяснял, мы считаем, отказала аппаратура гиперперехода. Половина корабля уже вынырнула в нормальное пространство, а другая еще находилась в гиперпространстве. И его сломало, как палку о колено».

«Страшная штука».

«Да».

Георгий помолчал.

«Выходит, вы знакомы с такой техникой, – подумал он, обращаясь к Фиолетовому. – А я думал: гиперпространство – это ваши предположения...»

У Георгия возникло неприятное чувство, что его обманывают.

Фиолетовый уловил его смутные мысли и остановился.

«Я не скрывал от тебя наше знание ради плохой цели. Я думал, тебе трудно будет понять сразу, хотел подготовить постепенно. Мы слишком плохо знаем людей... У нас есть такая техника. Более того, мы – гэйги – создали ее. Вернее, наши предки. В каждом обществе скрыто много разных ростков: добрых, странных, опасных. Пока гэйги занимали одну планету, несколько планет, теснота диктовала жесткие правила общежития. Когда они получили безграничные возможности для путешествий, то разлетелись по планетам галактики. Каждая группа была совершенно самостоятельна в техническом отношении и сплочена своими представлениями о будущем. Через тысячи лет сложились сотни непохожих друг на друга цивилизаций гэйгов. На ряде планет гэйги утратили стимулы к развитию и эстафету подхватили роботы. Мы знаем их корабли, потому что это наши корабли.

Есть и такие цивилизации, о которых мы не знаем ничего, кроме того, что они существуют. Они замкнуты, и о них не поступает никакой информации. А с роботами, как ты их называешь, вышло так... неудачно. Они отделились слишком рано. Когда в недрах одной общественной системы созревает другая, трудно точно определить, способна ли она уже к автономному существованию или является еще подсистемой старой формации. С роботами вышло именно так. Их общество не было полноценным, когда обособилось, и это привело к искажению тенденций развития. Были и другие причины, из-

за которых мы не могли исправить этот опасный крен, но об этом я не буду пока рассказывать».

Георгий застыл потрясенный.

«И что же, там, – он указал пальцем вверх, – воюете, что ли? Или как?..»

«Нет, мы не воюем, мы лечим социальные недуги. Развитие всегда имеет свои крайности, их нужно сдерживать. Роботы – это одна из крайностей...»

«А другие?»

«Ты не поймешь...»

Георгий усмехнулся недоверчиво.

«Есть такие методы лечения? Социальных недугов?..»

«Есть, – промыслил Фиолетовый. – Но я не смогу объяснить, не хватит понятий. Представь: вы – люди – один мир, населенных гэйгами – сотни. Это богатый материал для анализа и опытов. Мы научились кое-чему».

«Ну, ну», – только и нашелся что сказать Георгий.

«Пошли».

Фиолетовый повернулся и полез дальше к рваной закраине корабля.

От коридора осталось меньше, чем ожидал увидеть Георгий. В нескольких метрах впереди фонарь осветил распахнутый люк.

«Там рубка управления», – объяснил Фиолетовый.

Они один за другим вошли в нее. Георгий – последним. На полу взблескивали в лучах света осколки стекла, а перед расколотой приборной доской лежали в креслах два человеческих скелета, прикрытые лохмотьями одежды. У одного из погибших были длинные черные волосы, закрывавшие страшное костяное лицо.

Георгий остановился у люка, не решаясь подойти. Фиолетовый спокойно, прошел мимо кресла и встал у левой стены. Направив луч на нее, он промыслил:

«Карта здесь».

Луч побежал по стене, в нем вспыхивали и медленно гасли красные кружки-искорки.

«Мы не сможем увидеть ее всю», – начал Георгий и не договорил. Фиолетовый сделал что-то с фонарем-раковиной и луч света быстро расширился, осветив всю карту. Георгий увидел огромную сеть красных огоньков, наложенную на расчерченную на квадраты плоскость. В каждом квадрате светились более крупные синие огни.

«Это созвездия, через которые проходят пути в гиперпространстве, – предупредил вопрос Георгия Фиолетовый. – Вот здесь, – он провел рукой вдоль одинокой красной нити, соединявшей две части сети, – дорога из вашей галактики в нашу».

«Как же... – Георгий не сразу смог подобрать слова. – Люди летают везде, и вы не знаете об этом».

«Но это будет через сотни лет», – промыслил Фиолетовый.

«Да, да, я забыл», – Георгий совсем растерялся. Бесконечная бездна открылась перед ним. Люди на космических кораблях улетали в будущее и превращались в страшных мертвецов, сидящих в ржавых звездолетах, упавших на неведомые планеты. Ослепительное голубое солнце в змеиной гриве протуберанцев мчалось на Георгия, заставляя душу стынуть от ужаса смерти. Цветовой хаос тек по изогнутому волнами стеклу. Беззвучная вспышка оборвала виденья.

«Прекрати, – промыслил Фиолетовый Искристому. – Он не сможет понять, у людей отсутствуют способности к синтезу».

– Какому? – спросил Георгий, массируя кончиками пальцев виски.

«Искристый хотел передать наше ощущение космоса, его движения, яростного бурления, бесконечного разнообразия. Но чтобы понять его, нужно обладать способностью к синтезу мыслей и чувств, к созданию единых образов, в которых сливаются логика и чувства. Вы пока не можете этого».

– Все равно, это было потрясающе, – сказал Георгий, чувствуя, как дрожат от пережитого каждая клеточка его тела, каждый нерв.

«Это могло повредить тебе, – промыслил Фиолетовый. – Дай журнал, я перенесу в него недостающие точки».

Через несколько минут они покинули останки корабля. До вездехода шли «молча». Когда машина тронулась, Фиолетовый промыслил:

«Нужно решать, когда начнем...»

«Чем скорее, тем лучше. Нас ничто не держит здесь. Тех, кто откажется лететь, я принуждать не буду. Оставлю им один пистолет и фонарь...»

«Этого лучше не делать. Слишком опасное оружие для дикарей».

«Хорошо, не буду. Тогда мы могли бы отправиться хоть сегодня».

«Ты уверен, что вы готовы к этому?.. Я имею в виду не то, что надо убедить людей, собрать свой скарб. Другое: временной сдвиг. Сотни лет, я вовсе не уверен в правоте своей оценки. Может быть это годы, десятки лет, тысячи...»

«Ты хочешь сказать, нас никто уже не ждет?.. У нас нет выбора, либо деградировать здесь при постоянной угрозе быть захваченными роботами, либо лететь. И лучше никому кроме меня не знать об этом».

«Тогда сегодня ночью. Жди, к ночи мы приедем за вами».

Закат узкой полосой дотлевал у горизонта, смолкли птицы, почернела листва. На поляне перед входом в подземелье стояли три гэйга, Георгий с семьей и девять колонистов. Остальные отказались лететь. Быстрый – высокий красивый блондин – сразу увел их, чтобы никто не передумал. Относившийся к нему с симпатией Георгий, невзирая на совет Фиолетового, отдал ему один бластер. «Пусть им хоть немного будет легче», – думал он.

Темнело. Босые ступни стали мерзнуть. Георгий растер их, но это не помогло.

«Нервничаю», – подумал он и обвел взглядом товарищей. Как и он, они сидели на траве и молчали.

Дети тихо играли в сторонке. Им, видимо, передалось настроение взрослых, они не шумели, не бегали, разговаривали шепотом.

«Последние часы, – подумал Георгий. – Последние часы перед освобождением или перед бесконечным небытием сна, в который погрузят нас роботы, если попадем им в руки. Почему так спокойны гэйги? Даже не спокойны, а невозмутимы... – Георгий сорвал резной листок травы, стал слоить его ногтями вдоль жестких желтоватых прожилок. – Я их плохо знаю. Как они проявляют эмоции? Наверняка иначе, чем люди. Они – однополюсные. Что еще?.. Я знаю о них массу мелочей, и не только мелочей. Знаю, как они двигаются, как едят, спят, мочатся, испражняются. Знаю, что им не чужд гуманизм, они против насилия. Но я не знаю гораздо больше. Как они размножаются? Что понимают под крайностями социального развития, которые необходимо корректировать? Они против методов роботов, но применяют свои. Что они принесут лю-

дям? Может быть для нас и то и другое окажется одинаково плохо, прижмут, но с разных сторон.

Они обогнали нас на тысячи лет, из чего можно заключить, что со мной они разговаривают как наши ученые с аборигенами Австралии или пигмеями Экваториальной Африки. Мой ум для них – ум ребенка. Я ведь тоже могу растолковать Даше какие-то вещи: даже абстрактные понятия Добра и Зла, внушить идеалы. Гэйги непредсказуемы. Когда Даша нахулиганит и заметит, что я все видел, она застывает и сжимается, ожидая наказания, логично рассуждая (с ее точки зрения), что оно должно последовать, потому что так чаще всего и бывает. А я беру и не наказываю, и она снова бежит играть, радуясь: папа не наказал, потому что он папа и он хороший. А на самом деле почему? На то есть десяток причин: меня гнетут такие проблемы, о которых она еще и не подозревает, гнетут так, что нет душевных сил на что-либо еще. Или я думаю: она сама осознала свой проступок, пусть учится оценивать плохое и хорошее без кнута, когда-то ведь я не смогу ее лупить и крик мой станет для нее все равно что назойливая муха. А в другой раз я думаю: это же кроха, я втрое выше ее и вдесятеро сильнее, так неужели я могу... Или: неужели я не могу по другому. А может быть и так: она дочь Фэй, а Фэй – это все, это любовь, жизнь. Не ужасно ли это – бить свою любовь...»

Когда почти совсем стемнело, из глубины леса донесся треск ломаемого кустарника. Люди встрепенулись, схватились за оружие. Это мог быть не только вездеход, но и зверь, например, большой лохмач. Вскоре меж стволов замелькал свет фар, и сердце Георгия забилося часто, часто. Началось!

Вездеход остановился посреди поляны: горбатое светлосерое чудище с огненными глазами. Тонко пел двигатель. Световое пятно легло позади машины на черную траву – открылась дверь. Георгий услышал бесплотный голос Фиолетового.

«Добрый вечер. Можно входить внутрь».

– Давай! – сказал Георгий, кладя руку на плечо Фаины.

Она подхватила на руки затихшую Дашу и зашагала к вездеходу. За ней потянулись колонисты. Георгий вошел последним. Дверь бесшумно затворилась.

«Поедем по старой дороге, – промыслил Фиолетовый. – По дороге мы слышали большого лохмача. А вы?»

Георгий кивнул.

– Бродит где-то неподалеку.

Он подумал о Быстром: о том, что его группе теперь и лохмач не страшен. И туг же словно кто-то толкнул его в затылок. Георгий растерянно оглянулся. Фиолетовый в упор смотрел на него своими янтарными глазами.

«Ты все-таки не послушался, дал им бластер! Какая глупость! Какое недоумие!»

Георгий начал было оправдываться, но Фиолетовый не стал его слушать. Впервые Георгий видел его таким расстроенным.

«Но у нас есть еще три бластера!» – промыслил Георгий.

«Дай их мне!»

«Все?» – растерянно спросил Георгий.

«Все», – когтистая рука протянулась к нему. Георгий немного помедлил, затем передал все три пистолета гэйгу. За спиной его послышался ропот.

– Тихо! – шикнул он зло и ропот стих.

Фиолетовый подержал оружие в руках, затем протянул Георгию один за другим два бластера.

«Верни один лучшему из своих людей. Другой возьми себе. Третий останется у меня».

Георгий оглядел столпившихся за его спиной людей. На лицах было написано разное – тревога, враждебность, напряженное ожидание, страх.

– Возьми, Андрей, сказал он, протягивая бластер. – Ты у нас один с хорошей военной подготовкой.

– В прошлом, – поправил его Андрей.

– Все мы в прошлом. Бери. А вам нечего стоять и глазеть! – прикрикнул он на остальных. – Садитесь!

Круто повернувшись, он прошел в головной салон и сел рядом с Фиолетовым. Машина тронулась.

Минут десять, пока не выехали на дорогу, пришлось ломиться сквозь чашу. Вспугнутые птицы и звери подняли гам В стороне далеко завыл большой лохмач.

«Сердитый! У них сейчас линька, – промыслил Георгий обрадовавшись возможности нарушить молчание. – Чешутся обо что попало».

«Пусть чешется. Главное, чтобы на дороге нам не попался Вездеходу лохмач не страшен, но лишние столкновения нам ни к чему».

«Да», – согласился Георгий, но не стал развивать эту тему, почувствовав, что Фиолетовый перестал сердиться.

Заросли разошлись и вездеход выполз на дорогу. Она была покрыта полупрозрачным материалом молочного цвета; сколько прошло тысяч лет, а ей хоть бы что – ни трещины, ни бугорка. Лишь по краям покрытие немного покоробилось, пошло оборочкой.

Деревья обступали дорогу плотной стеной, но на нее ступить были не в силах, только лианы, да сухие стволы лежали поперек. Вездеход быстро двинулся по живому коридору, ветви хлестали по его лобовой броне.

Уже неподалеку от Голубой реки дорогу перегородил ствол огромного картонного дерева.

«Лохмач постарался», – подумал Георгий.

«Или позавчерешняя буря», – отозвался Фиолетовый.

«Вездеход не сможет столкнуть его с дороги. И заросли вокруг, не прорвешься. Надо выйти и разрезать его лучом на куски. Тогда я смогу растолкать их вездеходом».

«Хорошо», – ответил Георгий, обводя взглядом товарищей.

– Дорогу преградило упавшее дерево, – объяснил он. – Нужно пойти разрезать его лучом, чтобы проехать дальше. Со мной пойдет Андрей. В два бластера мы быстро справимся.

«Постой! – услышал он беззвучный оклик Фиолетового. – Первым пойдет Хрустальный. – Он лучше всех нас улавливает чужое поле – будь то звери или разумные существа».

«Хорошо, – промыслил Георгий. – Но по-моему это лишнее. Если бы лохмач был здесь, мы бы его безо всякой телепатии услышали бы».

Дверь бесшумно ушла в стену, и Хрустальный застыл в поеме, держась правой рукой за стену. Потом медленно начал наклоняться вперед.

«Стены глушат», – промыслил он. Затем вздрогнул и отпрянул внутрь. Две огненные вспышки разорвали тьму.

«Они по обе стороны дорога и впереди за деревом! Это те, что ушли от нас четыре года назад. У них бластер!», – промыслил Хрустальный.

– И Быстрый с ними?!

«Нет. Его убили, узнав все. Они все время следили за твоей группой, давно готовили нападение».

– Что же делать?!

«Попробуем обойти дерево справа, – промыслил Фиолетовый. – Вездеходу лучи не страшны. А дальше реки они в любом случае не пойдут».

Искристый протянул руку к пульту, нажал кнопку. Вездеход не сдвинулся с места. Коричневый палец еще раз надавил кнопку – также безрезультатно.

«Повреждена система движения – единственное, что не было рассчитано на прямой удар лазерного луча. Придется выходить».

«Мы сможем исправить?»

«Не знаю, надо посмотреть».

– Теперь моя очередь принимать решения, – сказал твердо Георгий. – Искристый, когда я скажу, начинай. Убери освещение и открой нижний люк. Я и Андрей спустимся через него. Он поползет к корме, я к носу вездехода. Ты, Фиолетовый, отдай свой бластер Мику, он встанет у главного входа. Если увидите, что мы не можем достать стрелка, выпускайте Мика.

«Подожди», – прервал его Фиолетовый.

– Нет уж, теперь ты подожди! Искристый, немного погоды, начинай водить лучами фар, гоняй двигатель – в общем, заставь их стрелять. Стрелок наверняка будет все время менять позицию, надо знать, где он прячется. Теперь все.

«Я пойду с тобой, – промыслил Фиолетовый, – а у двери встанет Андрей. Я услышу мысли того человека, узнаю, где он скрывается, и мы уничтожим его».

– Нет, друг, – Георгий положил руку на плечо гэйгу. Впервые он дотронулся до чужака и ощутил неожиданно, что плечо совсем человеческое, а шерсть мягкая и тонкая, как свитер. – Вами мы рисковать не можем. Впереди в ангаре тоже всякое может приключиться, а кроме вас троих никто не умеет водить звездные корабли. Погибать имеем право только мы – люди.

Георгий поманил рукой Андрея, и они встали над круглым люком в днище кузова. Свет погас, снизу пахнуло запахом леса. Георгий сел на край отверстия. Надо было спуститься бесшумно. Выучка у колонистов была не хуже, чем у индейцев. Всю жизнь они провели, ловя ухом каждый шорох, замечая любое движение, любой след.

Георгий лег на край животом и медленно начал сползать вниз. Когда край уперся под грудь, ноги коснулись дороги. Он встал на колени, затем лег и пополз. Сейчас дорога была его союзницей – он полз бесшумно, что вряд ли удалось ему в лесу, осторожно отодвигая с пути сухие ветки и камушки.

Георгий не слышал, как спустился Андрей, хотя находился в нескольких метрах от люка. Он слышал только нервные удары сердца, стук крови в висках и редкие звуки ночного леса.

Внезапно включились фары – столбы света зачертили круги в темноте – влево, вправо, вверх, вниз; зарокотал двигатель. Свистя, как вырвавшийся из перегретого котла пар, дважды в борт вездехода ударил луч. Он бил слева из-за кормы машины. Георгий прицелился и со стоном выронил бластер – в правом плече торчала стрела. Затуманенным слезами взором он видел, как бьет по стрелку Андрей, как тот отвечает, сжигая полотно дороги вокруг него.

«Какой же я идиот! Фары! Рассеянный свет показал им меня, когда Искристый поднял лучи кверху...»

Покрытие дороги так раскалилось, что Андрей вынужден был прекратить стрельбу и отползти дальше под днище. Георгий слышал, как свистят стрелы, бьют по броне. Он ясно понимал, что теперь не сможет внезапно напасть на стрелка. Прежде придется расправиться с засадой, скрывающейся за стволом картонного дерева. За это время стрелок может поменять позицию и ударить лучом ему прямо в лицо. Он будет лежать съезжившийся, обгорелый, и для горстки людей, ждущих исхода боя в вездеходе, всего лишь связующим звеном памяти. Для всех, кроме Фэй и Даши. И ничего уже не изменишь, потому что непоправимей смерти ничего нет.

Зло мотнув головой, избавляясь от трусливых мыслей, Георгий прицелился и повел огненным лучом над самым стволом. Искристый мгновенно среагировал и направил свет фар на дерево. Если за ним кто-то и прятался, то сейчас они легли наземь и не поднимали голов. Георгий снизил прицел. Ствол был необъятно толстым. Сырая древесина шипела, вверх поднимались клубы дыма. Андрей вновь стал бить по лесу, чертя огненные зигзаги, рассчитывая задеть невидимого врага или, по крайней мере, не дать ему подняться.

Из-за ствола вскочили и побежали двое. Георгий прицелился, люди прекрасно были видны в световом тоннеле, пробитом фарами вездехода, и раздумал убивать их. С обочин полетели стрелы, ударяясь о броню вездехода, они падали сломанные перед Георгием. Мгновение он смотрел на них, затем, резко развернулся, намереваясь ползти к корме, и завыл от боли. В пылу боя он забыл о стреле, засевшей в плече.

Зарычав, Георгий рванул ее и отшвырнул в сторону. Сунув бластер за пазуху, пополз, прижимая раненую руку к боку.

– Это я, Андрей! – окликнул он товарища, предупреждая о своем приближении. Тот мгновенно обернулся и наставил на Георгия бластер.

– А, это ты... Затаились... Такие идиоты не разбегутся, пока их всех не перестреляешь. Надумали поиграть в войну.

– Спереди я их отогнал...

– Я этого тоже прижал. Пока высунуться не посмеет. Если полезут, то с обочин. Что они могут придумать?

Георгий потянул носом. Андрей глянул на него.

– Ага, почти начисто сожгли.

– Что делать-то будем?

– Под самым носом лежать невозможно, быстро покойником станешь, фары высвечивают. Вон я, прицелиться не успел, уже стрелу в плечо схлопотал.

– Да, здесь тоже несладко, высунешься, весь заряд в морду схлопочешь.

– Будем прятаться, сектор обстрела слишком сузился. Если бросятся на вездеход с обеих сторон, не успеешь доползти, они уже тут будут.

Неожиданно сзади что-то тихо проскребло по дороге. Не успели Андрей и Георгий обернуться, как в их головах зазвучал бесплотный голос Фиолетового.

«Я буду с вами, стану слушать их мысли. Если они решаться атаковать спереди, Георгий бросит мне бластер, и я отгону их».

Минуту царил тишина, потом Фиолетовый промыслил:

«Они что-то задумали... очень много разных мыслей – хаос – я не могу разобрать что».

Что именно задумали нападавшие, беглецы узнали через несколько минут. Внезапно вспыхнувший перед лицами огонь, ослепил Андрея и Георгия. Вспышки следовали одна за другой, и они отползли дальше под днище.

«Они приближаются с боков и сзади! – раздался мысленный крик Фиолетового. – Бросай бластер!»

Георгий бросил гэйгу оружие и лег рядом с Андреем. Тот бил наугад, чертя огненные зигзаги. Вражеский стрелок блокировал его, не давая высунуться и расширить сектор обстрела. Только Фиолетовый сдерживал нападающих, паля то вле-

во, то вправо. Стрелы свистели вокруг него, в любой момент ой мог быть убит.

Мик видел происходящее на экранах, но медлил, надеясь, что ему не придется стрелять из раскрытой двери вездехода, из салона, полного людей. Но медлить далее было нельзя.

Он засек место, из которого к вездеходу протянулся лазерный разряд и несколько раз перекрестил его лучом. Послышался дикий вопль, Мик выстрелил еще несколько раз. Ему никто не ответил. Мик облегченно вздохнул, и в этот миг на броне вездехода в полуметре от его лица взорвалась вспышка. Мик, выронив бластер, рухнул на дорогу. Потом поднялся, его шатнуло назад, он прислонился к закрывающему гусеницу крылу и сполз вниз. Рука его поднялась к глазам и бессильно упала. Георгий подполз к Мику и сжал его руку, она была мокрой от крови. Раненый вырвался и, ощупывая дорогу подле себя, начал неуверенно подниматься.

– Мик! Мик! – крикнул Георгий, но тот не слышал его.

Вспыхнул лучевой разряд, дорога рядом с Миком налилась вишневым светом. Мик двинулся вперед. Он сделал не более пяти шагов, прежде чем вражеский стрелок прожег его насквозь лучом.

Фиолетовый, Андрей и Георгий, подхвативший бластер Мика, одновременно ударили по убийце. Они выжгли каждый клочок земли в том месте, где скрывался враг. На этот раз с ним было покончено.

Три бластера быстро обратили нападавших в бегство. В лесу стало тихо, вяло горели мелкие ветки – язычки пламени пробегали по ним и сникали – светлый дым стелился над дорогой. Из вездехода начали прыгать мужчины. Георгий, Андрей и Фиолетовый вылезли из-под вездехода.

– Нужно пойти посмотреть, – сказал Андрей.

Идти в разведку вызвались двое молодых парней. Они истомились в кузове во время боя и жаждали теперь совершить хоть что-нибудь.

– Я с ними, – сказал Андрей.

Через четверть часа разведчики вернулись: они никого не обнаружили, только останки стрелка.

– Он весь обгорел, только голова цела, – сообщил Андрей.
– Бластер на части разнесло.

– Кто это? – спросил Георгий. Андрей замаялся на миг, потом сказал:

– Джордж... Мик считал его своим сыном. Георгий вздохнул печально.

– Заберите Мика, похороним его у реки.

Двое молодых подхватили тело и занесли в вездеход, от туда послышался хор испуганных голосов.

Гэйги отремонтировали вездеход за два часа. Георгий наблюдал за их работой, положив голову на колени Фаины. Дашу и других детей уложили спать в салоне.

Трое суток люди и гэйги прятались в капище, прежде чем им удалось нащупать реальный путь к побегу. Роботы трудились круглосуточно, ангар был ярко освещен. Казалось, пробраться в корабль незамеченными не представлялось никакой возможности. Но беглецам было необходимо найти ее, иной альтернативы не существовало. И они нашли брешь.

После двух дней наблюдения гэйги подметили, что деятельность в ангаре подчиняется строгой закономерности. Поврежденные или требующие профилактики корабли и машины загонялись вглубь. По мере выполнения работ они перемещались ближе к входу, пока не оказывались под открытым небом, готовые к действию.

Если в глубине ангара и его центральной части было много роботов, то около отремонтированной техники они практически не появлялись. Точнее, появлялись, но только для того, чтобы перегнать ее на космодром или другие, неизвестные гэйгам и людям базы.

Нужно было пройти через боковой вход, выводящий в пустыню, тот самый, который обнаружили Георгий и Фаина, обогнуть скалу, и до ближайшего корабля останется несколько десятков шагов. Вероятность встречи с роботом невелика, но даже если она произойдет, у беглецов имелось оружие, которое не позволит врагу поднять тревогу.

Захват звездолета пришлось отложить еще на три дня гэйги объяснили, на подходе партия кораблей нового типа – совершенных по конструкции и простых в управлении а главное более быстроходных. Все прочее – более старая техника, на ней труднее будет оторваться от преследователей. Такие появятся наверняка, у роботов существует система контроля прибытия и отбытия кораблей. Вблизи планеты невозможно будет уйти в гиперпространство, при этом искажаются координаты входа-выхода, поэтому придется удалиться на доста-

точное расстояние от планеты. Вот на этом отрезке пути их и ожидают наибольшие опасности.

Поэтому необходимо подождать, пока у входа в ангар не окажется партия кораблей, которые гэйги называют «пронзающими пространство». Это увеличит их шансы на удачный побег. Взлет и разгон придется вести в самом жестком режиме, все, кроме гэйгов, будут погружены в сон в амортизационных капсулах. И когда проснутся, узнают свою судьбу: либо они на пути к Земле, либо получили право тихо вымирать в царстве роботов. Потому что, если роботы захватят корабль, они не разбудят никого до назначенного часа.

И они стали ждать.

Рассеянный свет фонарей-раковин освещал центр капища, где вокруг идола расположились люди и гэйги. Свет очертил два небольших пятка, со всех сторон окруженных тьмой.

«Достаточно символично», – подумал Георгий, прислушиваясь к дыханию Даши, свернувшейся клубочком на шкуре подле него. Дыхание было ровным и глубоким. Счастливая! Она спала безмятежно, посапывая, а время отсчитывало последние часы до срока, намеченного до захвата корабля.

«Жаль, мы не знали, как заставить их гореть постоянно, тогда... в самом начале».

Кто-то закашлялся: резкие лающие звуки разнеслись эхом по капищу, потом стали глуше, чтобы не тревожить товарищей, человек зажал рот рукой.

Слева за Дашей бесшумно поднялась Фаина. Обойдя дочь, Она села справа от мужа и прижалась к нему. Он сжал ее пальцы между ладоней, они были холодные и влажные, верный признак того, что Фаина нервничает.

Обняв жену, Георгий стал гладить ее по волосам, успокаивая. Она тоже не смогла заснуть перед операцией. Да и многие ли смогли, кроме детей? Тишина – это как ритуал, как внушение: все спокойно, все спят, размеренный распорядок жизни не нарушен, значит, завтра, когда взойдет солнце, они захватят корабль, взлетят и жизнь продолжится, воплотит их надежды на радость и счастье.

– Ты боишься? – шепнула Фаина. Георгий промолчал, поджав губы.

«Глупая... Кто не боится: люди, гэйги. Даша да другие несмышлениши. Они ничего и не поймут, если роботы захватят нас».

Георгий ухватился за эту мысль и ему полегчало: в конце концов, Даша будет жить, а это главное. Да и они не умрут. Они только будут знать, что собственная жизнь не удалась и придется прожить ту, которую им даруют роботы. А для Даши это и будет настоящая жизнь...

Видя, что муж не желает отвечать, Фаина положила ему голову на плечо и замерла.

– Фэй, – прошептал Георгий, – а куда мы летим?

– Куда? Домой.

– Где теперь наш дом... Нас давно уже никто не ждет. Мы давно объявлены умершими и все наше движимое и недвижимое имущество перешло к родственникам.

– Ничего. Наживем еще, и движимое и недвижимое, – с фальшивой бодростью отозвалась Фаина. – Мы еще молоды. Нам есть чем удивить людей: мы напишем книгу и она станет бестселлером. И Фиолетовый обещал помочь.

– Каким образом? – Георгий тихонько высвободил затекшее плечо и повернулся на бок – лицом к Фаине. – Они же собираются высадить нас и сразу улететь, не вступая в контакт.

Фаина кивнула, он ощутил легкое движение ее головы, лежащей на его руке.

– Фиолетовый сказал, что они могут синтезировать любое вещество, металл, минерал. И я ему сказала, что было бы неплохо.

Георгий беззвучно засмеялся.

– Ну ты проныра!

Фаина довольная ткнулась ему в подмышку. Улыбка быстро погасла на лице Георгия, он вернулся к тем мыслям, что мучили его уже не один день.

– И все же, куда мы летим?

Фаина подняла голову, недоуменно взгляделась в лицо мужа: при слабом свете она никак не могла разобрать выражение его глаз – шутит он, или что...

– Фиолетовый и мне говорил об этом, – продолжил Георгий. – Я о другом думаю: ну высадят нас, улетят, что дальше?

– Что дальше?..

– В том-то и дело, неясно что! мы же не космонавты, цветами нас встречать не будут, и президент нам тоже руки жать не станет. Кто мы для них? Племя неандертальцев с мешками золота и алмазов. Ни документов, ничего... Да нас тут же заграбастают и все отымут. А когда мы наплетем им наши бай-

ки, в сумасшедший дом посадят, передадут ФСК, ЦРУ и так далее...

– Но все в конце концов разъяснится! – возразила Фаина.
– Мы же не иголка в стоге сена. Нас много. Конечно, нас проверят и прочее, а дальше, зачем мы им?

– Вот тут-то и загвоздка. Ну с золотом и алмазами можно просто поступить – зарыть – а когда все утрясется, откопать. Но с нами самими как поступят? Первое: рассказываем мы им про роботов, как они шуруют на Земле. Второе: про гэйгов. И так далее – третье, четвертое, пятое... А это уже стратегическая информация. Про роботов особенно. Думаешь, нам скажут: топайте, парни домой, вас там заждались. Черта с два-е! Чтоб мы раззвонили по всему свету! Нет, засадят нас в отель с решетками на окнах, вышками по периметру и проволокой с током на ограде. Или того проще, уберут и все.

– Ну ты мастер наворачивать! Всё не так! Почему мы должны садиться в цивилизованной стране? Гэйги могут опуститься в любом месте, которое мы укажем. Надо только серьезно подумать, где! А золото, оно везде золото. Добудем одежду, еду, купим машины, дом. Вот мы уже и люди.

– А документы?

– Документы тоже можно купить.

– Где?

– Вот и надо подумать: где-нибудь в Гонконге, Сингапуре, в продувном месте, вобщем.

– Красиво, конечно, и отчасти ты права. Но все это только оттяжки. Бомба с часовым механизмом. Все мы купим, станем миллионерами, и кто-нибудь обязательно протрепется. Кто-то услышит, кто-то сообщит, до кого-то дойдет. А тот кто-то отдаст приказ и машина завертится. На нас откроют охоту. И в конце концов все закончится так, как говорил я.

– Но мы же можем договориться. Это же в общих интересах. Всем захочется пожить, тем более с деньгами в руках.

– Брось! Это уже из романов – заговор молчания. В жизни все иначе. Кто-нибудь ополоумит от богатства, наши дикари прежде всего, упьется и проболтается проститутке, бармену, любому, возле кого распустит слюни. Если бы нас было трое...

– Ты что, Георгий! – Фаина испуганно прикрыла мужу рот ладонью. – Гэйги этого не допустят! Как ты можешь, они же все наши мысли слышат!

Георгий оттолкнул ее руку.

– Не мели ерунды! У меня и в мыслях не было. То, что сказал, то и думал. Если бы были только мы одни, имелся бы шанс, а так... – он вздохнул.

– Что же ты предлагаешь?

– Да то же, что и ты, лучше ничего не придумаешь. Обустроиться, достать документы, поделить золото и разбежаться в разные стороны. Чтобы никаких следов не осталось. Уехать куда-нибудь в Южную Африку, Лат Америку и затеряться. Это наш единственный шанс на спасение.

Они обсуждали свое будущее еще долго, но так и не пришли ни к какому решению. Будущее было зыбко, зависело от стольких если...

За пару часов до захвата корабля Георгий и Фаина забылись сном.

Цепочка молчаливых теней пробиралась меж громад кораблей. Стояла мертвая тишина. Георгий слышал частое дыхание Фаины и Даши, следовавших за ним. От кораблей веяло холодом и угрозой. Беглецы миновали планетарные скаэры, за ними высилась гора «Пронзающего пространство». Фиолетовый дал мысленную команду остановиться и подозвал двух лучших охотников-следопытов. Три тени скользнули за мощные опоры корабля и пропали во тьме.

«Все в порядке», – промыслил Фиолетовый и направился к подъемнику.

Георгий облегченно вздохнул. Ему не верилось, что их затея удастся.

Ровно через мгновение в ангаре вспыхнул яркий свет. «Пронзающий» замигал желтыми огнями, издавая низкое гуденье.

«Назад к скаэрам! – взорвался в голове Георгия мысленный крик Фиолетового. – Включилась охранный сигнализация, роботы сейчас будут здесь!»

Георгий схватил за руки остоленевшую жену и дочь и повлек их к выходу из ангара. Впереди маячили спины молодых охотников и женщин. Одна из них начала было подвывать, но бежавший рядом мужчина отвесил ей оплеуху и плач оборвался.

Георгия догнали охотники-следопыты и Фиолетовый. Сзади послышался тяжелый топот металлических ног.

«Налево!» – скомандовал Фиолетовый и они свернули за транспортный вездеход. И вовремя. Луч бластера ударил сза-

ди и поразил одного из охотников в общей группе. Он вспыхнул, как свечка. Раздались испуганные крики, и люди бросились врассыпную.

Ответный выстрел Искристого был удачен, он поразил робота в голову. Она взорвалась, как стеклянная ваза. Напарник робота, преследователей было двое, пока двое, на мгновение остановился, принимая решение, и юркнул за опору ближайшего корабля.

«Если мы от него не отвяжемся, нам не уйти», – промыслил Фиолетовый.

«Что делать?» – спросил Георгий.

«Зайти сбоку и ликвидировать его. Пока появятся другие, мы подготовим скаэры.»

Георгий кивнул и, сжав в потной руке бластер, двинулся вдоль борта вездехода.

– Георгий! – отчаянно крикнула Фаина.

– Папа! – зарыдала Даша.

Но он не остановился.

«Золотистый будет готовить скаэры. Мы с Искристым отвлечем робота, – промыслил вдогонку Фиолетовый. – Торопись, подоспеет подмога».

Георгий побежал. Обогнул нос вездехода, слева то и дело вспыхивали шнуры лазерных выстрелов. Искристый и Фиолетовый палили по очереди, показывая Георгию, где укрылся робот.

Георгий метнулся к кораблю. Если бежать вокруг, это займет много времени. Он опустил на карачки и быстро, как зверь, побежал на четвереньках под днищем.

Впереди лазерный луч ударил возле одной из опор, в его вспышке блеснули ноги робота. Георгий подкрался поближе, так что противника стало видно по пояс. Поставив мощность на максимум, он тщательно прицелился и нажал кнопку.

Три скаэра неслись в ночном небе. Они обогнали преследовавший их истребитель благодаря своей приемности и легкости, но тот уверенно набирал скорость и нагонял их.

Георгий мысленно поблагодарил Фиолетового за его настойчивость – внушенные во время сна знания о системе управления скаэрами оказались как нельзя кстати. Один скаэр вел Георгий, два других гэйги.

Они летели треугольником, куда, Георгий не знал, направление задавал Фиолетовый. Это было не отступление, а

просто безоглядное бегство. Фаина и Даша оказались на скаэре Фиолетового. Хотя это немного утешало Георгия, у шедшего впереди скаэра было больше шансов спастись, его прикрывали два других.

Внезапно скаэр Хрустального ударил по истребителю из лазерных пушек. Залп, еще залп, еще. Удача! Прямое попадание сбilo истребитель с курса и он отстал.

Георгий издал радостный крик. Окружавшие его охотники завопили, вторя ему.

От Фиолетового пришел приказ, держать курс строго на северо-восток. В случае аварии катапультироваться, место сбора – озеро в форме восьмерки на опушке большого леса. Он хотел дать еще какие-то инструкции, но в этот миг справа от скаэра Георгия вспыхнуло солнце.

Роботы на истребителе изменили тактику: если не удастся захватить, надо уничтожить. Солнце вспыхнуло и погасло, поглощенное ночной тьмой, и вместе с ним угасло шесть жизней – гэйга, трех мужчин, женщины и ребенка.

Георгий заревел от ярости и боли. Поймав в прицеле силуэт корабля, он нажал педаль лазерной пушки. Четыре лазерных шнура пронзили тьму. Вспышка!

– А-а-а! – радостно заорал Георгий.

Экран очистился, истребитель по-прежнему целехонький сидел у беглецов на хвосте. Георгий выстрелил несколько раз. Результат был тот же, защитное поле отражало лучи.

Георгий бросил взгляд на передний экран, лес стремительно приближался. Георгий пошел на снижение. Он напрягся всем телом, как будто мог помочь скаэру прибавить скорость. Огромный молот ударил в корму. Георгия швырнуло лицом на пульт управления. Скаэр перевернулся, но автопилот восстановил равновесие. Погас свет, отключилась большая часть приборов.

«Пора катапультироваться», – подумал Георгий и приказал испуганным охотникам сесть в кресла. Все выполнили его приказ, кроме одного, он лежал у ног Георгия со сломанной шеей, изо рта и носа его текла кровь.

– Когда я скажу, сосчитаю до трех, нажмите вот здесь! – крикнул он, показывая своим спутникам, что именно следует делать.

– Один, два, три!

Георгий вылетел из скаэра, как пробка из бутылки. Антиграв стал мягко опускать кресло вниз. Георгий оглянулся. Попутчиков не было видно.

– Ну же! – крикнул он. И в этот миг сзади вспыхнуло новое солнце.

Освещенное ярким солнцем море лениво колыхалось перед глазами. Зеркальные осколки скользили по мелким волнам, шевелились сверкающей чешуей, заставляя щуриться от острого блеска.

Георгий, огромный, как скала, широко расставив ноги, стоял в ущелье. Две горы, на которых лежали его ладони, были покрыты густым зеленым лесом; их голые лбы, изгрызанные ветрами, штормами и временем, были по-стариковски морщинисты.

Легко проходя сквозь его тело, холодная голубовато-зеленая вода набирала скорость, врывалась в ущелье, грозно и глухо шумела где-то вдали за спиной. Зеркальные осколки, пронзая Георгия, ослепительно вспыхивали в последний раз и тухли. Их блеск болезненным ощущением отдавался в сердце и голове.

Неожиданно вынырнувший откуда-то огромный, как льдина, осколок вонзился чуть выше сгиба левой руки; Георгий застонал от пронзительной боли и проснулся. Сознание было еще совсем затуманено, но он успел все же ощутить и запомнить холодные жесткие пальцы киберврача, сжимавшие руку, и тупую короткую боль выдергиваемой из мышцы иглы.

Подстегнутое стимулятором, натужно застучало сердце. В голове быстро прояснилось. Не имея еще сил пошевелиться, Георгий открыл глаза и увидел перед собой мощные ветви дерева. Кресло застряло в развилке, куда швырнул его взрыв.

Он приподнялся и проверил свои запасы: оружие, пища, вода, кое-какие инструменты, медикаменты – неплохо на первое время.

«Озеро в форме восьмерки. Фаина! Даша! Вы должны выжить! Должны выжить!»

Часть IV. В руках судьбы

Охотник Кро-о-зер из последних сил натянул тетиву арбалета и приготовился к выстрелу, не спуская глаз со Зверя. Он давно уже заметил выродка, к которому подкрадывался хищ-

ник и который ни о чем не ведая и не беспокоясь, отдыхал под деревом. Следя за Зверем, Кро-о-зер раздумывал, стоит ли тратить на спасение выродка стрелу, которая может пригодиться ему самому. Неизвестно, сколько еще придется лежать здесь израненному и обессиленному, прежде чем его разыщут соплеменники. Стоит ли тратить ее на то, чтобы спасти это уродливое существо с огромными головой и туловищем, короткими, как обрубки, руками и ногами.

Интересно, откуда он? В поселке Кро-о-зера таких выродков никто не видел. Откуда-то издалека. Может, он как те мохначи, пришедшие со звезд?..

Кро-о-зер размышлял ровно до тех пор, пока Зверь не прыгнул. Как только его тело взвилось в воздух, охотник нажал курок арбалета.

Ошеломленный выродок так и остался сидеть под деревом, глупо таращась на свою смерть, бьющуюся перед ним в агонии с пронзенным стрелой горлом.

– Что уставился! – крикнул Кро-о-зер. – Живо ко мне!

Вид у выродка сделался еще более глупым.

– Иди! – сердито приказал охотник. – Кому сказал! – И застонал, напряжение усилило боль в израненной груди.

Выродок наконец понял, откуда кричат и медленно пошел в сторону кустов. Раздвинув их, он увидел Кро-о-зера и отпрянул в испуге.

Кро-о-зер мрачно усмехнулся.

– А ты что думал, тебя лесная корова спасла или твои выродки?

Он направил заряженный вновь арбалет на выродка.

– Стань на колени! Рассказывай!

Выродок не сразу, но послушался, и молча опустился рядом, продолжая глядеть на Кро-о-зера с выражением изумления и ужаса.

– Ну! Ну! Шевели языком!

Выродок быстро заговорил на каком-то странном исковерканном языке.

– Брось притворяться! – Разозленный Кро-о-зер приставил к груди выродка арбалет. Отвечай немедленно, кто ты, откуда, куда и зачем идешь?!

Выродок поводит пальцем возле губ и пожал плечами.

«Делает вид, что не понимает! Скотина!»

Выродок пристально и напряженно разглядывал Кро-о-зера. Потом сунул руку в прореху, сделанную сбоку в штанах,

достал оттуда тонкую свернутую рулончиком тряпочку и знаками стал показывать, что хочет перевязать ею раны охотника. Тот, не опуская арбалета, протянул руку и выхватил у него рулончик: осмотрел внимательно, понюхал, ткнул выродку в губы. Выродок сначала не понял и отшатнулся, затем лизнул и замотал головой – дескать, не бойся, не отравлено.

«Ишь ты, – усмехнулся Кро-о-зер, – головой мотает, как мы, а ни языка, ни мыслеречи не понимает. Выродок, одним словом».

Выродок взял у Кро-о-зера рулончик и стал обматывать тонкой полупрозрачной тканью его разодранную ногу. Зажмурившись, охотник застонал. Когда выродок дошел до бедра, тряпочка кончилась, он разорвал ее на конце вдоль и завязал.

Некоторое время они провели в молчании. Потом выродок жестами стал объяснять Кро-о-зеру, что хочет есть, тыча при этом пальцем в сторону дерева, под которым лежал убитый Зверь.

«Что он Зверя жрать собрался, что ли?» – удивился Кро-о-зер. Выродок опять указал в сторону дерева и поднялся.

– Стой! – угрожающе окликнул его охотник и поднял арбалет. Выродок остановился и снова принялся что-то втолковывать ему, но Кро-о-зер каждый раз отрицательно мотал головой. Выродок сердито махнул рукой и сел рядом на траву. Тоша Кро-о-зер достал из кустов подстреленного еще до стычки с зубчатым хвостоклом грызука и бросил выродку на колени.

Тот повертел грызука в руках, посмотрел на Кро-о-зера, чиркнул пальцем по животу зверя и развел руками.

Кро-о-зер понял – нечем резать.

«Нет, приятель, нож я тебе не дам».

Забрав грызука у выродка, охотник сам быстро освежевал его. Затем дал выродку понять, что надо набрать дров. Выродок поднялся и стал собирать валявшиеся вокруг ветки, то и дело опасливо оглядываясь на Кро-о-зера.

«Бойтся, что я выстрелю, – усмехнулся про себя охотник, – это хорошо».

Выродок разжег костер, врыл по бокам две толстые ветки с развилками на концах и, наткнув на третью тушку грызука, положил ее поперек.

Когда они поели, выродок помог Кро-о-зеру доползти до высохшего ствола, внутри которого было большое дупло с

узким входом. Кро-о-зер протиснулся в него и прислонился со стоном к трухлявой стенке. Его лихорадило, голову охватил жар.

«Пока я буду спать, он сбежит или убьет меня», – подумал охотник, прижимая к груди арбалет. Он испытывал к выродку противоречивые чувства: не верил ему, как все его соплеменники, и доверял, как Кро-о-зер, жизнь которого зависела теперь от этого существа.

Ночь как всегда надвинулась быстро. Свет побледнел и начал гаснуть. Деревья слились в сплошную непроглядную массу. Наступило то короткое затишье, когда дневные звери уже улеглись спать, а ночные еще не вышли из своих логовищ.

Кро-о-зер забылся сном.

Какое-то время спустя он очнулся, услышав возле своего убежища сопенье. Прислушался, пытаясь определить, что за зверь бродит вокруг, на всякий случай нацелил во тьму арбалет, понимая, однако, что если это достаточно крупный хищник, то арбалет его не спасет. Тот хорошо видит жертву, а Кро-о-зер его нет.

В этот миг с дерева раздался громкий крик, затем упала горячая ветка, животное испуганно взвизгнуло, и Кро-о-зер успел разглядеть две пары лап с плоскими когтями – он облегченно вздохнул и расслабился – это был всего-навсего бородавчатый травояд.

«Дня через два подоспеют наши», – подумал он, засыпая. Еще в голове мелькнула мысль о том, как они обойдутся с выродком. Но ответить на этот вопрос Кро-о-зер не успел, провалился в сон.

Уже под утро яркая вспышка света, треск и предсмертный вой зверя буквально подбросили охотника вверх. Корчась от скрутившей его боли, Кро-о-зер пытался сообразить, что происходит. За первой вспышкой последовала вторая, затем стало тихо. Слышался только слабый скулеж, переходивший в рычание, шуршала трава, раздавались глухие удары – умирающий зверь судорожно бился в агонии.

Долго еще Кро-о-зер сидел, напрягшись, не сводя воспаленных глаз с черной расщелины входа, держа палец на спусковом крючке. Затем потерял сознание.

Утром его разбудил окрик выродка. Голос доносился откуда-то сбоку, выродок не подошел ко входу, опасаясь, види-

мо, как бы Кро-о-зер с перепугу или в бреду не пустил в него стрелу.

Ярко светило солнце, и по запахам земли и зелени охотник определил, что с его восхода прошло уже немало времени, до полудня оставался час или два.

Охотнику было худо: голова раскалывалась от боли и горела, тело дрожало в ознобе, пальцы рук и ног были ледяными. Мучительно хотелось пить. Только боль, успокоившаяся во время сна, не давала пока о себе знать.

Вылезти из дупла оказалось несравненно труднее, чем заползти в него. Приходилось двигаться вперед искалеченной ногой. Выродок помогал охотнику, бережно поддерживая ее на весу, пока тот, осторожно перебирая руками и отталкиваясь здоровой ногой, выбирался на лесную поляну.

Наконец, этот короткий, но мучительный путь был преодолен и Кро-о-зер бессильно откинулся, привалившись спиной к стволу; исполосованная грудь ходила ходуном. Движение, как он и опасался, разбудило боль, и она, блуждая по телу, начала пробовать силы то там, то сям, овладевая им.

Выродок осторожно опустил изувеченную ногу Кро-о-зера на траву и, присев возле него на корточки, долгим изучающим взглядом посмотрел в лицо. Затем отошел в сторону.

То, что открылось за его спиной, чуть не заставило охотника вскочить, забыв о тяжелых ранах. Менее чем в десяти шагах от него лежал мертвый бастард. Его остекленевшие, наполненные застывшей злобой глаза, глядели прямо на охотника. Большое полупрозрачное тело, обвисшее красно-фиолетовым студнем, распласталось в последнем прыжке. Сквозь плоть были видны черные ребра и клубки внутренностей. Передние лапы вспахали, как плуги, поляну, вырвав куски дерна и клочья травы. Две пары задних лап были подтянуты под брюхо. Ядовитые мешки, начинавшиеся чуть ниже глаз и заканчивавшиеся на загривке, словно большие уши, висели, закрывая шею. Короткий хобот-пасть был разинут во всю ширь, показывая идущий по окружности ряд мелких, как колючки, острых зубов.

– Кто его? – тихо спросил Кро-о-зер, не в силах оторвать взгляда от чудовища. Потом повторил громче:

– Кто его убил? Где охотники? Кто стрелял?

Выродок с улыбкой наблюдал за ним. Из трех заданных вопросов он понял лишь последний. Заулыбавшись еще шире, он хлопнул себя ладонью по груди.

Кро-о-зер смотрел на него, и веря и не веря. Тогда выродок достал из прорехи в штанах штуку, которую старейшины берегли пуще святых реликвий – бластер, маленькую молнию Мохначей. Охотник от изумления разинул рот, оказывается у выродка была молния...

Георгий, продолжая улыбаться, глядел на аборигена, сидевшего перед ним, прислонившись к наминававшему земной дуб дереву, и думал, что повергший его в ужас зверь, кажется ему не более отвратительным и жутким, чем абориген.

В нем было поровну от человека и насекомого. Голова, туловище, две пары конечностей... но! Руки и ноги с шишковатыми, словно опухшими, суставами, были так длинны, что скорее походили на лапы какого-то членистоногого. Под желтоватой кожей маленького туловища рельефно вырисовывались кольца ребер и ключицы. Кисти и ступни были непомерно велики. Маленькая продолговатая лишенная волос голова казалась нахлобученной прямо на плечи. Росту в аборигене было на глаз более двух метров. Но при его необыкновенной худобе, абориген вряд ли весил больше 70-80 килограммов.

«Если пауку оборвать четыре лапы да посадить вот так же к дереву, они здорово будут смахивать друг на друга», – подумал Георгий.

И в этот миг вспомнил свой давнишний сон – сон в ночь, когда он решил всерьез начать охоту на БИ. Пораженный, Георгий отошел к костру, на нем уже висел котелок, в котором варилась похлебка из запасов, которые он достал из своего мешка, оставшегося под деревом, где он чуть не стал добычей хищника, и к которому ему затем никак не давал подойти Кро-о-зер.

Ветер задул со стороны костра и Кро-о-зер задергал ноздрями, глаза его удивленно расширились – откуда выродок достал пищу? Он огляделся, ища остатки туши, перья или кости, но ничего не увидел.

Георгий понял причину его недоумения и, подняв мешок, показал его охотнику, затем вытянул руку в сторону дерева, под которым до сих пор лежали, искрясь на солнце платиново-желтой чешуей, остатки туши Зверя.

Больше Кро-о-зер не удивлялся ничему, кроме как собственной слепоте и недогадливости. Вопреки желанию он испытывал признательность и симпатию к этому уродливому существу.

Пока варилась похлебка, Георгий еще раз обошел тушу чудовища, пытавшегося проникнуть ночью в дупло. Он пнул ее ногой в бок, и его передернуло от отвращения – туша заколыхалась, как студень. Да, зверятки здесь водятся, что надо. Если бы у него не было бластера, да не сиди он на дереве, чудище сейчас лежало бы где-нибудь в укромном местечке и испытывало блаженство от того, что их с аборигеном мясо переваривалось бы вон в том клубке кишок, что проглядывает сквозь фиолетовый студень.

Ясно одно, судьба его теперь накрепко связана с этим человеко-пауком: и его одного в лесу бросать нельзя – погибнет, и самому идти в одиночку опасно – не знаешь, в чьем желудке окончишь путь, да и с соплеменниками его через знакомого договориться будет проще, чтобы указали путь к озеру в форме восьмерки.

Георгий окинул оценивающим взглядом аборигена, его снаряжение, одежду.

«По нашим меркам где-нибудь не раньше десятого и не позднее шестнадцатого столетия. Средние века».

Кро-о-зер в это время вспоминал свою неудачную охоту. Надо же такому случиться, чтобы в лесу за два дня ничего, а стоило только выйти к саванне, сразу попал в такую переделку. И вышел-то ведь без особой нужды, просто потому, что надоело блуждать в этом вечном сыром полумраке, солнца захотелось, тепла, ветра, простора. Он любил саванну, если бы в ней были поселки, обязательно ушел бы жить в один из них.

Разомлел, как дурак, пошел, раскинув руки, грудью раздвигая траву. Она шуршала, колыхалась у самых плеч, потом что-то метнулось, чиркнуло, казалось, слегка по груди, он схватил нож, ударил им зубчатого хвостикола в брюхо, тот извернулся и в предсмертном прыжке полоснул его хвостом-пилой по ноге. Гадкая тварь. Издали залюбуешься: порхает, поблескивая на солнце, черный с зеленой искоркой, безобидный, милый, ужасный хищник.

– Ну ладно, – прервал его воспоминания Георгий, – есть будем?

Он принес котелок, достал ложку, протянул аборигену, себе наскоро выстрогал лопаточку из сухой ветки.

Абориген взял ложку спокойно, как привычную вещь.

«Ага, с ложкой он знаком», – с удовлетворением отметил Георгий и сразу же подумал о другом: «Эх! Где вы все?! Как бы и вам не попасть в какую-нибудь скверную историю».

Георгий не подозревал, что по крайней мере он сам уже попал в нее, что на выручку спасшему ему жизнь охотнику идет отряд из четырех вооруженных до зубов воинов.

К вечеру Кро-о-зеру стало хуже. Каждые полчаса Георгий менял ему компрессы на лбу, но это помогало мало. Бинты да компрессы – не слишком эффективное средство для лечения таких ран. Охотник бредил, рана на ноге время от времени начинала кровоточить.

Вскоре делать перевязки стало нечем, рана на груди воспалилась, вспухли рубцы, из-под черной корки засохшей крови местами сочился гной. Охотник врачевал раны большими мягкими листьями желтовато-синего цвета, напоминавшими формой земной подорожник, а запахом мяту, но Георгий не слишком доверял их целебным свойствам. Он сильно опасался, что воспаление началось и в ране на ноге. Долгое время он не решался трогать повязку, боясь вызвать новое кровотечение, но наконец после мучительных колебаний смотал бинт и увидел, что опасения его не напрасны.

Достав из сумки аптечку, Георгий набрал код анализатора и приложил аппарат к груди Кро-о-зера. Вот весь арсенал, который он мог использовать для лечения охотника. Если человеческие медикаменты вообще пригодны для этого аборигена. Но выбирать не приходилось – и так смерть, и так смерть.

Кро-о-зер подчинялся беспрекословно и только стонал, когда выродок причинял ему своими действиями сильную боль. Трудно сказать, то ли он уверился в его добрых намерениях, то ли был уже настолько плох, что ему стало безразлично – отравит его выродок или спасет.

К ночи стало ясно, что лекарства пошли охотнику на пользу: жар немного спал, и он уснул.

Вторая ночь прошла без приключений: стрелять ни в кого не пришлось, но под утро Георгий, задремав, чуть не свалился с дерева – и немудрено – он не спал почти двое суток.

Настало утро, дышащее свежестью и влажным соком. Синева наступающего дня растопила и рассеяла над лесом ночной мрак. Огненно-красные и белые звезды скрылись в белой пелене. Тысячелетний лес просыпался, наполняясь разными голосами, шорохами, треском.

Георгий разбудил Кро-о-зера, помог ему выбраться из дупла, развел костер, напоил охотника, накормил и завалился спать.

Проснулся он от ощущения чего-то жуткого, происходящего рядом. Открыв глаза, Георгий увидел покачивающуюся над травой из стороны в сторону чешуйчатую голову огромной змеи. Взгляд ее стеклянных глаз был устремлен на сжавшегося Кро-о-зера, из закрытого рта высовывался, трепеща, тонкий язычок.

Георгий успел только вскочить на ноги, как змей бросился на него. Георгий инстинктивно вытянул вперед руки и вцепился гадине в шею. Толстое мускулистое тело сжало его грудь, живот, колени. Некоторое время он держался еще на ногах, потом упал на землю.

Змей быстро умножал кольца вокруг тела человека, и скоро он весь скрылся под ними. Георгий чувствовал, как уверенно и неумолимо тварь подбирается к его шее. Он втянул голову в плечи, от боли и недостатка воздуха темнело в тазах. Призывая на помощь Кро-о-зера, отпустив правой рукой шею змеи, растопырив пальцы, Георгий судорожно шарил ими по земле в поисках оружия. Это дало змее возможность обвить еще одно кольцо вокруг его тела, сковав левую руку. Оставшаяся свободной правая продолжала искать оружие, хватаясь за обломки веток, за траву, собирая комки сухих листьев, бороздя ногтями землю.

Змей стягивал свои кольца все сильнее и сильнее.

Все это время Кро-о-зер полз с ножом к борющимся. Улучив момент, он размахнулся и что было сил вонзил его в одно из колец. Змея резко стянула кольца и рванулась в сторону. При движении она ударила охотника хвостом по раненной ноге, он вскрикнул и потерял сознание.

Неравная борьба подходила к концу. От боли и нехватки воздуха у Георгия начало мутиться в голове. И вдруг свободная рука его нащупала какой-то твердый предмет. Он стиснул его пальцами, змей вновь задвигался, таща его по земле, и предмет неожиданно очутился у Георгия в руке. Какой-то еще незамутненный уголок сознания подсказал ему: нож! Георгий размахнулся и начал осыпать чешуйчатое тело беспорядочными ударами. Они попадали чаще всего туда, где давление было сильнее.

Он не знал, сколько нанес ударов, не видел последствий этих ударов, только чувствовал, что тиски, сжимавшие грудь

ослабевают и дышать становится легче. Голова понемногу прояснялась. И тогда, уже с осознанной бешеной жаждой жизни, он начал яростно молотить ножом по холодному чешуйчатому телу, радостно ощущая, как глубоко вонзается он в плоть чудовища, как увлажняются пальцы липкой кровью.

Еще немного! Еще! Еще! И вот змей совсем ослабил кольца, развернулся и бессильно скользнул к ногам Георгия, конвульсивно подергиваясь в траве.

Еще задыхаясь, с вышедшими из орбит глазами, совершенно обессиленный Георгий распростерся ничком рядом с телом душителя, продолжая стискивать в кулаке спасший его нож.

Когда силы и сознание вернулись к нему, он поднял голову и устремил мутный взгляд на змея. Тело гадины было во многих местах пробито и искромсано, а из ран сочилась бледно-красная кровь. Потом, вспомнив о Кро-о-зере, Георгий оглянулся. Охотник, раскинув руки, лежал неподалеку. Только теперь Георгий понял, откуда взялся нож. Он поднялся, по-прежнему держа его в руке, и, шатаясь, пошел к Кро-о-зеру.

В тот самый миг, когда он склонился над распростертым телом, на опушке бесшумно появились четыре соплеменника охотника, вышедшие на его поиски. Увидев подле лежащего без движения товарища выродка с ножом в руке, возглавлявший отряд человек-паук молниеносно вскинул арбалет и пустил стрелу. Просвистев в воздухе, она пронзила Георгию предплечье. Он вскрикнул от страшной боли и рухнул без памяти.

Придя в себя, Георгий обнаружил, что, крепко связанный, сидит, прислонившись спиной к стволу дерева. Правая рука его была аккуратно перебинтована, от материи, обвивавшей ее резко и неприятно пахло какой-то мазью. Слева раздавались голоса; он повернул голову – двое соплеменников хлопотали возле Кро-о-зера, врачевали его раны, еще один возился у костра.

– Эй! – крикнул Георгий. Недоразумение зашло слишком далеко. Сейчас Кро-о-зер придет в себя, объяснит братьям, что он вовсе не покушался на его жизнь, и все встанет на свои места.

Туземец, готовивший еду, обернулся на его окрик и, увидев, что пленник пришел в себя, поднялся с корточек и странной подпрыгивающей походкой (как в ТОМ сне) направился к

нему. Остановившись в двух шагах перед Георгием, он что-то сказал. Слова, произнесенные с резкими угрожающими интонациями, сопровождаемые соответствующими жестами, заставили Георгия плотнее прижаться спиной к стволу.

Туземец замахнулся на него рукой, но не ударил – его остановил окрик Кро-о-зера. Туземец обернулся, огрызнулся в ответ и, круто повернувшись, зашагал назад к костру.

Немного погодя человек-паук окликнул соплеменников и замахал призывно, приглашая есть. Они оставили раненного охотника и пошли к костру. Кро-о-зер что-то торопливо прокричал им вдогонку. Один из человеко-пауков обернулся и покивал головой.

Котелок был снят с огня и на перекладине отнесен к сухому дереву, возле которого лежал Кро-о-зер. Товарищи бережно подняли его и, усадив спиной к стволу, накормили, затем поели сами. Чуть погодя старший взял котелок с остатками пищи и направился к Георгию. Поставив котелок ему на колени, он развязал пленнику здоровую руку и, ни слова не говоря, вернулся к своим.

Георгий заглянул в котелок – в жирном соусе плавали куски мяса и мелко нарезанные овощи. Ложки ему не дали, пришлось вылавливать мясо и овощи пальцами.

Когда он кончил есть, ему развязали ноги и помогли встать. Дорога оказалась неблизкой. Весь день, делая короткие привалы, пробирался маленький отряд сквозь бесконечный лес. И только поздним вечером поредело плетенье ветвей над головой, стволы расступились, и путники вышли на открытое место.

В небольшом круглом озере плыли треугольником три ярко-оранжевых луны и множество ярких звезд. На противоположном берегу были различимы контуры высокой стены с башнями – двумя по углам и третьей в центре. На башнях горели огни. Стена была длинной. Во тьме на фоне черного леса трудно было на глаз определить ее протяженность.

Путники обогнули озеро и пошли вдоль стены – она была сложена из стволов гигантских деревьев, росших в тысячелетнем лесу. Фундамент стены и центральная башня были из камня. В центральной башне располагались невысокие ворота с обитыми железными полосами тяжелыми створками.

Когда отряд приблизился к ним, кто-то с факелом, наклонившись из-под козырька крыши, окликнул подошедших.

Старший ответил. Некоторое время спустя закрипели, отворяясь, ворота, и отряд был вмещен в крепость.

Все внутреннее пространство городка-крепости было тесно застроено. Десяток или чуть больше одноэтажных бревенчатых барачков занимали большую часть территории. Перед воротами была небольшая площадь с деревянным помостом и колодезным срубом в центре.

Конвоиры провели Георгия по длинному узкому проходу между двумя бараками, затем свернули в другой проход пошире. Не доходя до угла здания, передний конвойр открыл дверь и вошел внутрь, задний втокнул следом замешкавшегося Георгия. Они миновали длинный с тремя поворотами коридор и остановились у двери. Она была отперта и Георгия грубо впихнули в нее. Он упал, а когда поднялся на колени, увидел перед собой Фиолетового.

– Друг! – Георгий бросился к гэйгу и обнял его в радостном порыве. Фиолетовый был смущен таким бурным проявлением чувств.

«Они живы и находятся в безопасном месте», – промыслил Фиолетовый, прочтя тревожную мысль Георгия. Георгий закрыл глаза и облегченно вздохнул, такая тяжесть спала с души.

«Роботы подбили наш скаэр и я вынужден был садиться прямо в лес. Все остались целы и невредимы, но аппарат безнадежно испорчен. Жаль, мы совсем немного не дотянули до гор. – Фиолетовый сделал паузу. – Там находится наш корабль. Но он не может взлететь без ремонта. Когда я проник на «Пронзающего пространство» и включилась сирена, ты помнишь, вернулся я не сразу. Из-за этого пришлось вступить в бой с охраной, из-за этого погибли товарищи... Но иного выбора не было. Я должен был взять на корабле устройство, которое позволит взлететь нашему звездолету. Цена оказалась высокой, но это была цена свободы тех, кто спасется.

Искристый, твоя семья и пятеро диких людей укрылись неподалеку от озера», – гэйг послал Георгию образ озера, имевшего форму восьмерки.

«Кто они? – Георгий нарисовал в уме человека-паука. – Тоже потерпевшие?»

«Аборигены. Роботы устроили свою базу в той части планеты, где после ядерной войны климат изменился и остатки живой природы вытеснила пустыня. Для роботов этот климат

более подходящ, чем густые влажные леса северо-запада. За лесом саванна, за ней горы. Там укрыт наш корабль.

Когда мы потерпели аварию, то стали обследовать местность и встретили на границе саванны людей-пауков. Поначалу они вели себя вполне дружелюбно, но это оказалось ловушкой. Когда их старейшины узнали о бластерах, они словно сошли с ума. С помощью этого оружия можно завоевать весь их мир. Что ж, теперь благодаря нашей наивности в их распоряжении часть арсенала нашего корабля.

Случайность уберегла его от разграбления и оставила нам надежду на спасение. Когда мы встретили людей-пауков, мы совершали разведывательный полет на скаэре. Они решили, что это и есть наш межзвездный корабль. Теперь скаэр у них и надежно охраняется. Но взлететь без ремонта не способен. Перед побегом мы испортили систему управления.

У их главного старейшины Дого обширные завоевательские планы: подчинить себе все племена, а затем, используя наши знания, технику, оружие начать совершать набеги на базу роботов. Захватывать у них оружие и технику».

– Но роботы же вмиг бы расщелкали эту орду! – удивился Георгий.

Гэйг покивал головой, соглашаясь.

– «Ты понимаешь это, они нет. Их разум неразвит».

Воцарилось молчание.

«Почему же вы ничего не сказали нам перед нападением на базу? Почему скрывали?» «Мои друзья были против. Они не доверяли людям по вполне понятным причинам».

Георгий вздохнул. Что тут было сказать...

«Кроме того, ситуация была неопределенной. Нам могло удасться захватить их корабль...»

Георгий снова промолчал, но Фиолетовый прочел его мысли. Прочел, однако не стал снова оправдываться.

«Они будут ждать нас еще пять дней, – промыслил он. – Потом пойдут к кораблю. Если за это время нам удасться бежать, мы пойдём вместе. Если нет, нас станут ожидать в горах».

«Как долго?»

«Долго... Но мы должны приложить все усилия, дорога очень опасна».

«Почему они не применили пытки, чтобы узнать местонахождение вашего корабля?»

«Люди-пауки не мучают разумных. Таков их кодекс морали. Они пойдут на любую хитрость, обман, психологическое давление, но не на пытки».

– Да-а... – протянул Георгий, – хоть в этом нам повезло... У нас обычно говорят, свирепый и жестокий, как дикарь.

«Во Вселенной много очень разных народов, чьи нравы и обычаи недоступны пониманию других. Жизнь некоторых рас кажется со стороны ужасной, отвратительной, а сами эти расы достойными лишь уничтожения».

Ближе к утру пленники задремали, но вскоре их разбудили донесшиеся снаружи крики и ружейные выстрелы. Вскочив, Георгий приложил ухо к стене, пытаясь определить, где и что происходит. Крики слышались отовсюду, грохот выстрелов только с одной стороны, но ни Георгий, ни Фиолетовый не знали, что там в этой стороне. Кто-то напал на крепость?..

Несколько раз по коридору пробежали люди-пауки, пленники слышали их топот за закрытой дверью, звякало оружие, раздавались отрывистые команды на непонятном языке.

Некоторое время спустя послышался мощный зловещий свист. Что-то ужасно затрещало и обрушилось, немного погодя бухнул взрыв, от которого содрогнулись стены.

Крики доносились еще долгое время, а сквозь щель под дверью начал просачиваться едкий запах дыма. Георгий и Фиолетовый заметались по камерке, забарабанили кулаками в дверь, закричали. Но никто не явился к ним. По обрывкам мыслей людей-пауков, пробежавших мимо двери их темницы, Фиолетовый понял, что на городок-крепость совершено нападение. Часто повторялось слово «дикие», но что оно означало, оставалось загадкой.

Бесконечно долгое время прошло в напряжении и страхе – Георгию мерещились языки пламени пожара, охватившего крепость, бегущие фигуры, огонь, лижущий стены коридора и дверь их камеры, в которой они бьются, задыхаясь от дыма. Фиолетовый поначалу нервно вздрагивал от этих малоприятных картин, потом, используя свои возможности, усыпил Георгия.

К счастью страхи не оправдали себя: вначале стихли выстрелы, затем крики, постепенно исчез запах дыма. Успокоившись, Фиолетовый тоже уснул. Но долго спать им не дали. Внезапно от сильного пинка распахнулась дверь, и возбужденный, перемазанный сажей, в прожженной местами одежде

стражник бухнул у порога горшок с какой-то бурдой и, не произнеся ни слова, скрылся.

До следующего утра никто больше не появлялся. Наутро пришел стражник, уже спокойный, умытый и в заштопанной одежде, забрал пустой горшок и принес два новых с пищей и водой. И вновь исчез на целые сутки. Пленники начали нервничать, в их распоряжении оставалось всего три дня.

Городок-крепость, в котором находились в плену Георгий и Фиолетовый, был пограничным форпостом союза племен. Окружавший его лес подковой опоясывал саванну, простиравшуюся до Великих гор, где находился корабль гэйгов. По пограничным областям бродили шайки «диких» – не признававших власти и законов общества, живших по закону силы и промышлявших охотой и грабежом людей-пауков.

В стене, опоясывавшей городок, было пять башен: четыре угловых и одна центральная с воротами. Той ночью, когда пленники слышали крики и стрельбу, на крепость напали «дикие». Двое сторожей на левой задней башне заметили подозрительное движение у кромки леса. Они подожгли обмотанные просмоленной тканью наконечники стрел и пустили стрелы в то место, где им померещились перебегающие фигуры. Вдогонку полетели еще две стрелы с правой башни. Сухие метелки голубого ковыля вспыхнули и осветили множество тел, быстро ползущих по направлению к городской стене.

Полетели новые стрелы, две камнемётные машины бросили горшки с горящей нефтью. Расколовшись, они превратились в огромные костры, и враг стал виден, как на ладони. Со стен загремели ружейные выстрелы, засвистели меткие арбалетные стрелы. Нападающие поднялись – по сшитой из шкур одежде в них сразу признали «диких» – и с воплями и воем лавиной устремились к крепостной стене. Они не оставались в долгу и били прицельно по служившим прекрасными мишенями воинам с факелами.

Это было бы обычным для горожан нападением «диких», которым они подвергались не менее двух-трех раз в году, если бы внезапно от угольно-черной стены леса не протянулась со зловещим свистом бледно-зеленая игла-луч. Упершись в основание левой башни, она скакнула вверх, лишь обуглив могучие бревна, затем медленно повторила свой путь. Снесла покрывавший башню шатер, полоснула по краю стены, уничтожив в несколько мгновений почти всех стоявших на ней воинов, и перекинулась на правую башню.

Среди защитников города началась паника, языки пламени поднялись над разрушенными башнями и рассеченной стеной, «дикие» карабкались по ней, спрыгивали с воплями внутрь крепости. Луч еще раз рубанул наискось по стене, и огромный кусок ее, рассыпаясь на отдельные бревна, рухнул на ближайший барак. «Дикие» устремились в пролом, разбежались по городку, вопя и швыряя факелы на крыши зданий. Мохнатые фигуры мелькали в горящем проломе, кидались на преграждавших им путь воинов. С треском рухнула, пылая, подрубленная лучом-иглой, правая башня.

И в этот самый миг откуда-то из основания полуразрушенной левой башни выстрелил ответный луч; в лесу громко бухнуло, взметнулся столб белого пламени, и почти сразу же гнусаво затрубил рог. Сражающиеся на мгновение замерли, а в следующий момент «дикие» спешно начали отступать к пролому.

Два дня город жил в страхе и ожидании. Обстановка разрядилась лишь после появления гонца. Бластер был взят у одного из десяти членов Верховного совета старейшин, направляющегося в соседний пограничный городок, на который недавно был совершен набег. На глухой лесной дороге его ждала засада «диких». Старейшина и его охрана были безжалостно перебиты, лазер похищен. Последний, очевидно, и послужил причиной нападения. «Дикие» прекрасно знали, что это редкое оружие из арсенала Мохначей выдается лишь членам Верховного совета, плюс по одному на каждый пограничный городок.

Утром загремели засовы, дверь отворилась и вошел стражник в металлический каске. Глядя на Фиолетового он произнес отрывистую фразу и мотнул головой в сторону выхода.

«Надо идти», – промыслил гэйг, поднялся и вышел в коридор. Георгий вскочил и двинулся следом.

«Что случилось?» – спросил он, оказавшись рядом с Фиолетовым. И тут вскрикнул от боли, получив прикладом меж лопаток.

Выйдя во двор крепости, они увидели разрубленную стену, обгорелые развалины башен. От правой осталось всего несколько венцов.

Все население городка было занято восстановительными работами, на стене у пролома стояли воины с арбалетами и длинноствольными ружьями.

Стражник повел пленников к куче бревен, сваленных на площади, проговорил что-то, дернув подбородком сначала в сторону бревен, затем в сторону левой башни.

«Будем таскать бревна, – объяснил гэйг. Он окинул оценивающим взглядом картину разрушений. – Здорово им от диких досталось».

«Это еще кто?» – поинтересовался Георгий.

«Потом», – промыслил Фиолетовый и указал ему глазами на стражника, неприязненно наблюдавшего за ними.

«Давай», – гэйг взялся за передний конец огромного бревна. Пленники взвалили бревно на плечи и потащили к разрушенной башне. Пока они таскали бревна, Фиолетовый урывками успел поведать Георгию о диких. Ничего примечательного в этот день не произошло, только время неумолимо вело свой счет – в их распоряжении оставалось всего два дня.

Стражник захлопнул дверь. Лязгнул засов – огромная железная щеколда. Испуганно затрепетал язычок пламени в светильнике. Захрустела солома в тюфяках; Фиолетовый, покрывтая, вытянулся, подсунув под затылок кожаный валик, заменявший подушку. Георгий лег рядом. Он мысленно представлял их дверь снаружи. Пудовый засов в толстенных скобах, петли толщиной в палец. Да, здесь придется повторить подвиг Эдмона Дантеса из «Графа Монте-Кристо».

«Спи, – прервал его мысли Фиолетовый. – Завтра опять рано поднимут».

Следующий день выдался ветреным и жарким. К вечеру набежали облака. Тусклый багровый диск солнца быстро катился между ними, не двигаясь с места. Измученные и мрачные, Георгий и гэйг не могли дожидаться конца рабочего дня. Когда их отвели вечером в камеру, они долго молча лежали на своих жестких матрасах. Головы их были так пусты и тупы, что, казалось, до завтрашнего утра они не смогут обменяться ни одной мыслью. К ночи прошел дождь, посвежело, чистый прохладный воздух просачивался сквозь щели между бревен.

Весь следующий день пленники трудились на восстановлении крепостной стены и башен. Строительство подвигаются быстро: стену отремонтировали, заложили пролом бревнами, скрепив их снаружи и изнутри металлическими скобами, поставив косые столбы-подпорки. К башням подкатали две другие, похожие на нефтяные вышки на колесах. Внутри на площадках стояли лебедки, поднимавшие наверх клетки с грузами.

На пятый день пленников отправили на кухню, решив, видимо, что не стоит искушать их без надобности видом желанной свободы. Георгий и Фиолетовый кололи дрова, таскали воду, разносили котлы с пищей, чистили и мыли их. Новая работа была как нельзя кстати, она давала возможность свободно передвигаться по территории крепости.

Приставленный к пленникам стражник был на редкость ленив и не всякий раз утруждал себя тем, чтобы подняться и сопроводить кого-либо из двоих до места: колодца ли, поленницы дров, группы соплеменников, которым они несли котел с пищей. Куда им деться, думал, очевидно, он. Днем мимо сторожей на стенах и у ворот не проскользнет никто. Ночью пленники заперты, да и случись так, что каким-то немислимым способом им удастся бежать, лес надежнее любой стражи. Безоружный, не имеющий ни клыков, ни когтей, ни яда, не умеющий летать, зарываться в землю, прятаться в воде — шансов выжить в лесу не имел.

Именно благодаря лени Георгию случайно удалось подглядеть, как двое воинов-пауков в присутствии младшего старейшины проверяют подземный ход, скрытый в колодце на задворках барака. Возле этого барака находилась поленница, из которой Георгий и Фиолетовый брали дрова для кухни.

Случилось это так. Когда Георгий отправился за очередной охапкой дров, он увидел подле колодца трех людей-пауков. Присутствие старейшины заставило его задержаться и понаблюдать скрытно за их действиями.

Вначале Георгий решил было, что они просто проверяют колодец или собираются чистить его, но вскоре понял, здесь затевается нечто иное. Притаившись за углом, он стал следить за троицей.

Воины привязали к перекладине толстую веревку, затем один из них разделся до пояса и стал спускаться в колодец. Его товарищ и старейшина склонились над срубом. Прошло некоторое время и из глубины донесся глухой голос. Старейшина ответил. Потом наверх пошли ведра с землей и камнями. Георгий смекнул, в чем дело и побежал на кухню к гэйгу. Пусть пойдет и прочтет мысли аборигенов. И Фиолетовый отправился за дровами.

Ждать ему пришлось недолго: снизу послышался приглушенный крик:

«Дальше чисто!»

Старейшина удовлетворенно кивнул и приказал проверить ход до конца.

Гэйг отнес охапку дров на кухню, швырнул ее под ноги жадно ловащему его взгляд Георгию и вернулся к наблюдательному пункту за углом барака. Старейшина и второй воин ждали, сидя на краю сруба. Время тянулось невыносимо медленно, Фиолетовый начал нервно оглядываться, боясь, что долгое отсутствие погонит на его поиски стражника, либо случайный прохожий заметит его.

Наконец сидевшие на срубе люди-пауки соскочили с него и склонились над колодцем. Ход был цел!

Гэйг радостно обхватил шершавые чурки и побежал к кухне.

У них сразу родился план: оглушить и связать стражника, когда он поведет их вечером в темницу, завладеть оружием и, заперев человека-паука в комнате, бежать через подземный ход. Бежать сегодня же ночью, единственной, отпущенной им на все про все.

И удача, словно пробудившись после долгого сна, улыбнулась им. Верхом на усталом бистонге – помеси ящера и лошади, с зубастой пастью, длинным чешуйчатым хвостом и когтистыми лапами – прискакал гонец, сообщивший, что посланный из центра карательный отряд окружил на болоте большую орду «диких». Орда засела на острове, и чтобы покончить с ней требуется подкрепление. Поэтому старейшине крепости приказывалось, оставив необходимое для охраны ее число воинов, поспешить с остальными силами на подмогу.

Два часа суматохи, и все стихло. Городок тревожно затих в ожидании неизбежных смертей, в страхе перед новым нападением «диких», замер в беззащитности.

Конвоировавший пленников стражник был сонен и вял. Ночью он стоял несколько часов на стене, днем караулил пришельцев, у него была одна мысль – поскорее лечь спать. Георгий и Фиолетовый быстро справились с ним. Молниеносным прыжком гэйг кинулся на воина, вывернул правую руку с мечом, зажал рот и притиснул плечом к стене. Георгий сцепился в левую руку и подобранным во дворе булыжником ударил стража по голове. Без звука тот осел к их ногам. Пленники затащили его в свою каморку, заткнули рот и связали. Заперев дверь, прокрались в караульное помещение, располагавшееся в начале коридора. Сейчас, когда почти все воины ушли в поход на «диких», оно пустовало. Здесь беглецы по-

полнили свое вооружение арбалетами, колчанами со стрелами, тяжелыми ножами. Как бы сейчас кстати оказались бластеры, но они были вне пределов досягаемости.

Вернувшись в свою камеру, Георгий и Фиолетовый уселись подальше от человека-паука и стали ждать темноты, до наступления которой оставалось полтора часа. Молча считали про себя секунды – раз, два, раз, два; десятки секунд, минуты, десятки минут. Несколько раз по коридору кто-то проходил и руки пленников крепко сжимали арбалеты. Тетивы их были натянуты, стрелы лежали в желобах. Шаги приближались и удалялись, затихая – никого сейчас не интересовали человек и гэйг. Прошло более часа, когда их незадачливый конвоир задергался и замычал.

«А я уже начал было думать, ты его насмерть пристукнул», – промыслил Фиолетовый и поднялся. Подойдя к пауку, он легонько пнул его ногой в бок. Тот повернул голову и увидел перед своим носом острие меча. Несколько мгновений оно поблескивало перед его глазами, затем опустилось и холодная сталь коснулась горла.

Георгий продолжал считать, наблюдая за товарищем. Он дошел до 20, когда гэйг убрал меч от горла конвоира и вернулся назад.

Больше их пленник не шевелился и не подавал голос. 15 минут спустя они поднялись, погасили светильник и вышли в коридор.

Через полчаса беглецы были уже на другой стороне озера. Остановившись, чтобы перевести дух, они наблюдали за крепостью – все было спокойно и тихо. В окошке над воротами светился огонек, свободные от дежурства караульные спали у очага, коротали время за играми и разговорами. Над стеной неспеша передвигались трепещущие огни – то ходили дозорные воины с факелами.

Дул сильный порывистый ветер, лес шумел, как море в бурю. В тихую погоду здесь были бы слышны голоса ночной стражи. Но сейчас, словно невидимая стена отгородила беглецов от крепости, стоявшей на противоположной стороне озера.

Все началось максимально благоприятно для них – Георгий и Фиолетовый получили 8–9 часов форы. Побег обнаружится между 6 и 7 утра, когда пленники не явятся вовремя на кухню. Еще полчаса на расспросы недотепы-конвоира, на об-

думывание плана погони, на поиски следов. Но это было призрачное преимущество, так как ночью идти через лес они не могли, такой шаг был равноценен самоубийству. Придется ждать предрассветного часа, лес опустеет, ночные хищники спрячутся в свои логова, дневные еще не выйдут на охоту. Тогда они и должны будут использовать с максимальной эффективностью свою фору – 2–2,5 часа. Дополнительные надежды вселял тот факт, что люди-пауки не знали, в какую сторону направились беглецы.

Вечером следующего – шестого дня – истратив всего пять стрел, целые и невредимые беглецы достигли края саванны. Заночевали на открытом месте в травяных дебрях – здесь было как-то спокойнее – переплетенные, словно корни, мрачные кроны внушали постоянную тревогу, боязнь, что кто-то вот-вот бросится тебе на плечи, вонзят когти, обовьется вокруг шеи, воткнет ядовитое жало.

Нарубив ветвей и колючего кустарника, Георгий и Фиолетовый построили небольшой загончик, надеясь, что изгородь с шипами остановит непрошенных гостей. Удобно устроившись на охапках свежей травы, беглецы достали из сумок еду. Ее было немного, но экономить они не стали – завтра утром настреляют дичи. После бесконечной однообразной похлебки, которой кормили их люди-пауки, поесть вареного мяса, свежего сыра, фруктов было просто наслаждением.

Судя по выражению лица, Фиолетовому было чуждо свойство наслаждаться маленькими радостями. Уставившись в одну точку, он медленно жевал, запивая еду мелкими глотками воды из фляги.

«Вымотались? – участливо промыслил Георгий. – Ничего, сейчас отдохнем».

Гэйг кивнул.

«Я могу первый сторожить», – предложил Георгий.

«Не в этом дело».

«А в чем?»

«Слишком легко мы вырвались. Мне это не нравится».

«А как бы вы хотели?! С погоней, перестрелкой?»

«Я не о том, – перебил Георгия гэйг. – Всю ночь и весь день, пока мы ждали в лесу, шли сюда, я думал. Эта возможность подвернулась неправдоподобно быстро и вовремя».

«Случай есть случай. Удача!»

«Вот, вот. Может быть это вовсе не случай, а план?»

«Ну да! Хотите сказать, мы как крысы в лабиринте, бежим и не ведаем, что за каждым вашим шагом следит всемогущий Дого».

Гэйг не ответил. Воцарилась тишина. Немного погодя Георгий уже спокойнее продолжил: «Ладно, предположим, вы правы – все подстроил Дого. Подумаем за него и представим, что и как он замыслил».

«Проследить нас до корабля».

«Хорошо. Но чтобы думать так, он должен быть уверен, что мы пойдем к кораблю. Вы уже давно бежали от пауков, они наверняка считали, вы давно уже испарились. Да и вообще мы могли оказаться здесь случайно. Предположим, он не сомневается в нашем маршруте. Не слишком ли рискованный план? Зверье, дикие, что угодно! Секунда и нас нет!»

«Конечно, риск есть. Но я не удивлюсь, что разведчики Дого прячутся на опушке, следят и охраняют нас. Они тут дома. А суровость природы развила в них такие способности, которые мы давно утратили. Они с детства привыкают к лесу, к саванне, знают, кто водится в них, кого надо бояться, кто и как нападает, чем лечить раны, что можно и что нельзя есть. Не стоит недооценивать врага».

«Но и себя тоже. Вы же можете услышать их мысли, если они подберутся достаточно близко».

«Это так, но не намного уменьшает опасности, подстерегающие нас».

– Ну и что теперь делать?! Пойти и сдать паукам?! Что вы предлагаете?!

«Прежде всего не кричи. Я не Дого, не надо на меня тратить силы, побереги их для дела. Я просто размышляю вслух, а ты хочешь получить готовый ответ. Думай. Тебя это касается не меньше, чем остальных».

«Я и думаю! Только, по-моему, у нас небольшой выбор: бежать без оглядки, искать своих, если мы считаем, что ничего не подстроено. Или затаиться и выследить их... Хотя, к своим мы наверное, уже опоздали. По мне, так, если людей-пауков мало, можно попытаться убить их, если много, надо бежать и думать, как запутать след, искать наш шанс. Вот и все».

«Затаиться?.. нет, это мне кажется, будет неверный шаг. Время – вот главный наш союзник. Бежать так бежать. Чем дальше уйдем, тем больше шансов на спасение. Идут за нами по пятам или нет, сейчас останавливаться и выяснять это не

имеет смысла. Нас все равно никто не тронет, пока не выяснится, где спрятан корабль. Случайно оказались мы здесь, нет ли, неважно. Дого нужен корабль. Поэтому, чем дальше от населенных мест мы окажемся, тем больше у нас будет надежд на спасение. Дого не мог послать большой отряд. Воины нужны для охраны городка. Зверье, дикие, болезни могут сократить число преследователей. В лесу, саванне трудно воевать с превосходящим числом противником, а вот в горах...»

«Дого наверняка пошлет несколько групп, – вставил Георгий, – Одни будут прочесывать окрестности, другие пойдут к горам. Вы имели глупость не скрыть от пауков, откуда вы пришли. Но ведь к горам ведут две дороги: короткая – по ней вы пришли, и длинная – вокруг саванны вправо. Если мы умники, рассудит Дого, то ближней дорогой не пойдём. Но, подумает он, его за дурака тоже не считаем. Значит, все же мы можем выбрать кратчайший путь, надеясь прорваться неожиданно и стремительно. Ему придется пустить отряды по обеим дорогам».

«Нет, молодой человек. Он поступит иначе. Ловить нас неделю, две, не зная, как долог наш путь, ловить всеми наличными силами он не станет. Если его постигнет неудача, возвратившись, он может жестоко поплатиться за свою авантюру. Оголил границу, оставил без защиты город. А вдруг нападут дикие?»

Он поступит просто. Расставит засады в горах. А небольшой отряд или несколько отрядов с собаками пустит по следу. Дого станет ждать нас в горах. И там мы должны обхитрить его. Вот, что я думаю. И если ты согласен со мной, закончим на этом и будем спать».

«Согласен... Пока согласен, – добавил Георгий. – Но мне непонятно, почему он не может привлечь больше людей, что ему угрожает?»

«Его власть ограничена, а он жаждет безграничной власти. У него нет союзников, только верные слуги. А в Совете идет борьба за высший пост. Десятки глаз следят за каждым, ожидая, когда тот оступится».

«Хорошо, спим».

Спать беглецы решили по очереди, по два часа. Кинули жребий – первому сторожить выпало Фиолетовому. Георгий лег на охапку травы и мгновенно заснул.

Через минуту, как ему показалось, гэйг растолкал его.

В лунном свете серебрились сероватые метелки голубой, похожей на ковыль, травы; ветер гнал по ней слабо переливающиеся волны. Небо было низким и черным, легло тяжелым брюхом на саванну, вдали полыхали зарницы.

«В лесу что-то творится, – промыслил Фиолетовый, – я слышал звон оружия, крики. Где-то не очень далеко».

Георгий прислушался. Тишина, шелест трав, гортанные крики ночных птиц, стрекотанье насекомых.

Гэйг стоял неподвижно, как птица, напряженно вытянув шею, повернувшись правым ухом к лесу.

«Теперь я тоже ничего не слышу», – чуть погодя промыслил он.

«Посмотрим? Или воздержимся?» – спросил Георгий.

«Не знаю... Если это нас не касается, пусть сражаются. А если касается?!»

– Ты думаешь, там наши?!

«Не кричи!.. – Гэйг задумался. – Я считаю, надо пойти. Хотя это и рискованно. Но отсюда до озера всего несколько часов ходьбы...»

С заряженными арбалетами в правых и обнаженными мечами в левых руках, они вошли под черные своды леса. Направление, откуда был слышен шум боя, гэйг мог указать лишь приблизительно, и беглецы, поблуждав некоторое время в почти слепой тьме, собрались уже было повернуть обратно, как вдруг услышали неподалеку тихий стон.

Замерев на миг, они бросились за ствол ближайшего дерева-гиганта и затаились. Стон повторился. Напрягая зрение, человек и гэйг пытались что-нибудь разглядеть во тьме, но различали только черные и светлые силуэты стволов да темные массы кустарников.

Перебегая от дерева к дереву, они вскоре оказались перед чащей колючих растений и остановились в нерешительности – идти напрямик, прорубаясь сквозь заросли, значило выдать свое присутствие, в обход – слишком много шансов заплутать в непроглядном мраке, попасть в лапы какого-нибудь хищника или в руки врагов.

Новый, полный муки стон, заставил решиться. Они побежали вдоль зарослей и, найдя проход, выбрались на поляну.

В свете затухающего костра им открылась безмолвная страшная картина. Вокруг него в разных позах в траве были раскиданы пять мертвых тел, истыканных стрелами, шестое было пригвождено дротиком к стволу дерева.

Держа наготове арбалеты, Георгий и Фиолетовый медленно приблизились к пригвожденному к стволу человеку-пауку. Это был младший старейшина из городка. Заслышав шаги, он открыл глаза.

– Воды, – прохрипел он, с трудом шевеля губами.

«Что он говорит?» – спросил Георгий.

«Просит воды».

Георгий поднес к губам старейшины флягу. Тот сделал глоток и захрипел от боли: а-а-а... Лицо исказила мука, челюсть дрожала, сдерживая стон, старейшина закрыл глаза и закусил губу. В уголках рта выступила, пузырясь, кровь, черные полосы исчертили извивами подбородок.

Фиолетовый смотрел на умирающего молча. Георгий, осторожно ступая, словно боясь потревожить сон больного, отошел к костру и подбросил в него веток. На поляне стало светлее.

Старейшина открыл глаза.

– На этот раз вам повезло, – свистящим шепотом проговорил он. – Если бы не дикие, мы бы завтра же...

В горле у него булькнуло и голос пресекся. Выпучив глаза, старейшина сипел, скребя пальцами кору.

Фиолетовый и Георгий мрачно наблюдали за агонией врага. Они ждали, на какие откровения толкнет его ненависть к ним, доведенная по предела жуткой болью.

Как только старейшине полегчало, он снова заговорил.

– Если бы не дикие, вы бы завтра уже были у меня в руках. Я нашел вас за день. Дого найдет вас еще быстрее. Он знает где вы, я послал гонца... Вам не уйти... Ненавижу... Дайте еще воды...

– Так сдохнешь, – с холодной ненавистью сказал Георгий, глядя в искаженное злобой, болью и предсмертным ужасом лицо.

Пойдем, он с силой сжал плечо гэйга и встряхнул его, загипнотизированного жуткой картиной.

Они повернулись и пошли прочь, слыша, как старейшина шипит им в спину проклятья – пробитая дротиком грудь не позволяла ему повысить голос.

Беглецы миновали заросли колючего кустарника, прошли еще немного, как вдруг Георгий замедлил шаг и остановился.

«Если он дотянет до утра и его найдут, Дого получит лишнюю информацию о нас», – промыслил он.

Гэйг не ответил. Он понял, что хотел сказать товарищ, и боялся, что это придется сделать ему. Пауза затянулась.

«Надо вынуть дротик... можешь не ходить со мной, я сделаю это один. Жди здесь».

«Но это же будет убийство!» – Фиолетовый схватил Георгия за рукав.

Человек на миг застыл, затем резко вырвал руку и зашагал к поляне.

Гэйг молча смотрел ему вслед. Он понимал, что поступок его глуп и слова тоже глупы, и он не смел произносить их.

«Ты должен отрастить толстую шкуру, ты должен отрастить себе толстую шкуру... – повторял он. – Или пойти назад и сдаться. Иначе все бессмысленно».

С поляны донесся приглушенный крик; Фиолетовый вздрогнул, сжав ложе арбалета.

«Все...»

Прошло несколько минут, но Георгий не возвращался. Гэйг занервничал, стал лихорадочно соображать, как поступить. Некоторое время он стоял, прижавшись к стволу дерева, чтобы человеческий глаз не мог различить его в темноте, нацелив арбалет в сторону зарослей колючего кустарника. Потом мысленно обозвал себя подлым трусом и медленно пошел в сторону поляны.

Казалось, минула вечность – в действительности, не более десяти минут – и между кустов появилась тень. Фиолетовый положил палец на курок – в такой тьме он не мог разобрать, кто это, Георгий или, крадущийся, пригнувшись, человек-паук.

«Фиолетовый!» – позвал его мысленный голос, и гэйг, узнав его, облегченно вздохнул и отозвался.

«Там был еще один, – промыслил Георгий. – Мы не проверили мертвых, и один из них ожил. Когда я... закончил со старейшиной, решил собрать кое-что из снаряжения».

Он поднял руку, демонстрируя трофей.

«Тогда он и выдал себя. Пошли. У нас мало времени. Надеюсь, утром мы все же разыщем своих».

«Да, – промыслил Фиолетовый, – мы, гэйги чувствуем друг друга на расстоянии двух тысяч шагов, на расстоянии вдвое меньшем можем общаться. Я почувствую Искристого».

На краю леса они остановились. Свежим ветром с запахом далекого дождя овеяло лица. Стало легче дышать: все виденное, пережитое и предстоящее в будущем преследовало их,

клубясь во тьме душных сырых крон. Гроза прошла стороной, небо почти очистилось, незнакомые созвездия тысячами брызг усыпали его. Три луны повисли над кромкой леса. С другой стороны из-за моря трав надвигался серый рассвет.

Подул ветер. Георгий зябко поежился и посмотрел в сторону растворенного в предрассветном сумраке серебристого голубого горизонта.

Шедший впереди Фиолетовый внезапно остановился и поднял предостерегающе руку – ему послышался шум впереди – легкий треск ветки или шорох листьев, он не разобрал. Слишком коротким был звук. Гэйг включил свой мысленный локаатор: страх, желание убить, образы людей-пауков, роботов, мучающих людей из племени Угрюмого.

«Там люди, – промыслил он. – Двое ваших диких соплеменников».

«Значит, это те, что спаслись с тобой!»

«Да».

«Слава Богу! Нас ждут! Я пойду к ним!»

«Нет! Они сильно напуганы. Могут убить тебя раньше, чем поймут, кто ты. Подберемся поближе, я окликну их мысленно».

«А отсюда не можешь?»

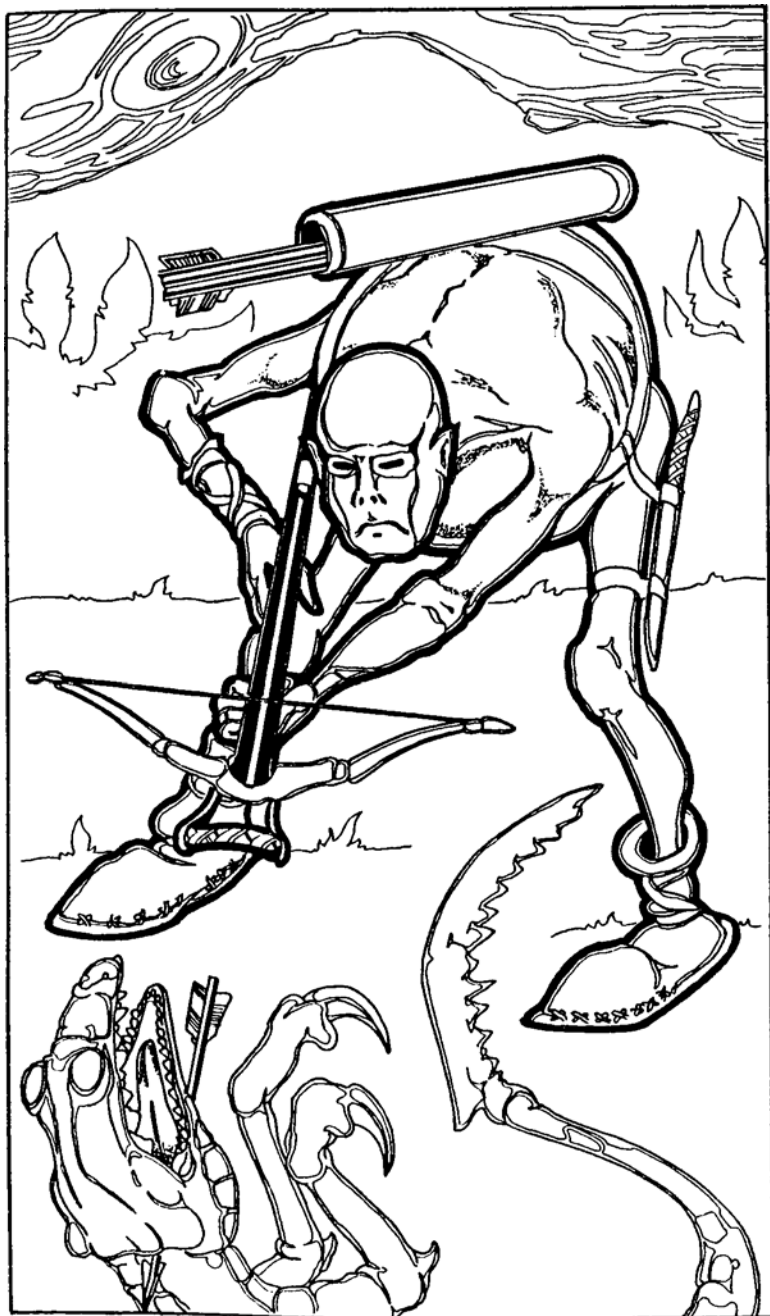
«Нет. У них неразвитый мозг».

Обогнув заросли кустов, перед которыми они остановились, гэйг вышел на небольшую прогалину. Застыв на ее краю, цепким, не пропускающим ни малейшей детали взглядом стал ощупывать путь, которым ему предстояло пройти. Тишина и тьма повисли меж стволов, в темных пятнах, окаймлявших прогалину кустарниковых зарослей, мерещилась затаившаяся опасность.

Сделав еще несколько осторожных шагов в сторону прогалины, Фиолетовый краем глаза уловил движение – метнувшую сбоку тень – и наотмашь нанес удар прикладом арбалета. Раздался короткий вскрик и что-то шумно и тяжело рухнуло к его ногам.

Взвалив человека на спину, он понес его к месту, где оставил Георгия.

«Я ничего не слышал», – промыслил Георгий, глядя на распростертое у его ног тело.

Немного погода неизвестный зашевелился, застонал и с трудом сел. Фиолетовый откупорил флягу, налил горсть воды и плеснул ему в лицо.

– О! – изумился неизвестный, увидев гэйга. – О! Мы думали, это те длиннорукие твари.

– Кто тут с тобой еще? – спросил Георгий.

– Брат.

«Они близнецы, – вмешался Фиолетовый. – Вы по-прежнему скрываетесь под корнями вывороченного дерева?»

– Да. Услышали шум. Искристый послал нас посмотреть.

«Все целы? Как тебя зовут?»

– Да. Адиу.

«Веди нас».

Парень встал.

Они миновали прогалину, на краю которой Адиу напал на Фиолетового, свернули налево и направились к какой-то большой темной массе. Адиу крикнул по-звериному, ему ответили. Вблизи масса оказалась зарослями высокого густого кустарника. В кустах кто-то завозился, из-за их осьминожьих щупалец показался человек. Брата Адиу звали Анви.

Минут через двадцать Георгий, Фиолетовый и близнецы добрались до лагеря, где скрывались Искристый, Фаина, Даша и остальные беглецы. Фэй, рыдая, целовала Георгия. Он прижимал к себе ее и малышку Дашу, которая стояла, обхватив его за ногу и лепетала: «Папа, папа».

Утром Фиолетовый и Георгий вновь оценивающе оглядели оставшихся в живых попутчиков. Близнецы были рослыми, стройными и кудрявыми. Живые карие глаза и широкие губы, всегда готовые улыбаться.

Третий парень – Андрей, проявивший себя во время стычки на лесной дороге был настоящим богатырем: высокий с широченными плечами. Ноги руки немного толстоваты, но это только добавляло его облику спокойной уверенной силы. Могучие мышцы, словно пушечные ядра перекачивались под кожей. Волосы – цвета соломы, темные с узким монгольским разрезом глаза. В нем все было ясно и чисто: его стремления, мысли, чувства сразу отражались на простом добром лице.

Себастьян выглядел недомерком рядом с Андреем. Но он вовсе не был тщедушным. Выпуклая грудь и узлы мышц говорили о том, что он способен постоять за себя. Просто рядом

с Андреем 99 мужчин из 100 выглядели бы худосочными и низкорослыми. Себастьян был черноволос, имел горбатый нос и темно-карие подвижные глаза. Выражение его лица всегда было беспокойным и напряженным, какие-то скрытые мысли непрестанно неслись в его голове.

После первого взгляда на Кину хотелось сказать – красивая девушка. Правда, совсем еще молоденькая – лет 16–17. Свежа, как недавно распутившийся цветок. В ней не было еще той женской законченности, земной тяжести и уверенной неторопливости, свойственных ее полу. Длинные каштановые волосы рассыпались волнами по плечам и спине, открывая чистый выпуклый лоб, тонкий заостренный нос с резко вырезанными и кажущимися поэтому постоянно нервно напряженными ноздрями, острый подбородок, придающий ее лицу выражение целеустремленности. Стройная гибкая фигура – всегда удивлявшее и восхищавшее Георгия в женщинах чудесное сочетание округлых и удлинённых форм, тонкие пальцы, длинные ноги. Гибкая гордая спина. Тело, не знающее усталости, тело в котором спит страсть, полное неосознанной уверенности, идущей от здоровья и молодости. Ко всему этому робкие глаза и по-детски пухлые обидчивые губы.

Фаина, Даша, Искристый – вот и вся команда. Двое взрослых, двое детей, Хрустальный погибли во время взрыва скаэра.

Близнецы сразу же взяли на себя роль разведчиков. Привычные к лесу, легкие на ногу, гибкие, они знали, откуда и кто может выскочить, выползти, прыгнуть, хотя этот вечный лес и отличался своей фауной от того, в котором они охотились всю свою предыдущую жизнь. Их чуткие уши просеивали все звуки: опасные или могущие означать опасность; отделяли шелест падающего листа от шума дальнего ручья, поступи зверя. Шаг у близнецов был вольный и бесшумный – кошачий шаг. Глаза быстрые, зоркие, глядящие так широко, что казалось, с затылка и то подмечали все вокруг.

Чувствовалось, они были довольны судьбой. В руках арбалеты, на арбалетах толстые стрелы с черным четырехперым хвостом, и еще много свистящих смертей в колчанах – целый рой, готовый к вылету. Да мечи убитых людей-пауков, подбадривающе хлопающие по бедрам, способные в умелой руке разрубить череп до подбородка или снести голову с тонкой короткой шеи врага, отсечь его противную паучью лапу; тяжелые ножи в кожаных чехлах, заточенные с обеих сторон.

Хорошо, бесшумно шли братья, слушали, смотрели по сторонам, но находили еще время наклониться, подобрать в траве или шелухе листовы орех и бросить на крепкие зубы.

Только успел Анви раздавить скорлупу, как замер, словно вкопанный. Что-то больно много крутилось впереди птиц. Вон, несколько гонят затесавшегося в стаю зубчатого хвостокола. Значит там, на опушке лежит какая-то крупная падаль. Как вспархивают! Небось, трупоеды отпугивают от добычи.

Прячась за деревьями и кустами, близнецы подобрались ближе. В голубом ковчеге с пушистыми метелками лежали убитые. Деревья вокруг были утыканы стрелами, в одном стволе даже торчал меч. По вытопанной траве было раскидано не менее десяти тел: половина в городской одежде, половина в шкурах. Смотреть на них было неприятно – хищники уже потрудились над мертвецами.

Под ближним деревом два трупоеда, поджав хвосты, приседая на задние лапы, трепали кучу окровавленной одежды; чуть поодаль их собрат остервенело грыз руку убитого, дергая ее так, что заставляло мертвеца садиться. Стервятник, обхватив когтистыми лапами исцарапанную голову, косил круглым глазом, выгнув длинную шею.

Анви и Адиу осмотрели все до мельчайших подробностей и, опустив высокие голубые стебли, бесшумно отступили в глубь трав. Отойдя от места побоища на расстояние, достаточное, чтобы животные и птицы не услышали их шагов и не подняли шум, братья побежали.

Рассказав товарищам об увиденном, они повели их пройденной уже раз дорогой. Нужно было все тщательно осмотреть, собрать оружие и прочие пригодные вещи, а главное выяснить, кто из врагов ушел живым. Фиолетового эта вторая встреча крайне обеспокоила – слишком много убитых. Не ошибся ли он? Может быть никаких «диких» на болоте не было? И Дого не уходил никому на помощь, а бросил все силы на охоту за беглецами? Или друзья из других городов прислали ему своих охотников и воинов. Тогда безо всякого риска для себя он мог выставить столько загонщиков, что сквозь их сети беглецам ни за что не проскользнуть.

«Не надо преувеличивать, – промыслил Искристый. – Как говорят люди, у страха глаза велики. Просто мы невольно держимся в зоне повышенного риска, идем той дорогой, которую инстинктивно выбирают все, она наиболее безопасна. В этом узком коридоре между саванной и лесом ничейная поло-

са для всякого зверья с той и с другой стороны, а потому здесь так много самых опасных хищников – разумных».

Георгий с семьей и Кина отказались идти с товарищами, остались ждать их в лесу. Через час разведчики вернулись и сообщили, из «диких» уйти удалось только одному. Второй человек-паук, по чьему следу они шли был ранен. Они нашли его вскоре, загрызенного трупоедами.

Полуострова и острова разнообразных деревьев и кустарников, проплешины обнаженной каменистой земли, невысокие холмы перемежались с ложбинами и болотами, кишевшими пресмыкающимися и насекомыми.

Кипевшая в саванне жизнь была полна опасностей. Созидание сопровождалось здесь неизбежным разрушением; жизнь покупалась силой, хитростью, неутомимой борьбой. За каждым укрытием стерегла опасность: зубы, готовые загрызть, когти, готовые разорвать. Но животные пограничных областей были знакомы с человеком и, считая его сильным и опасным зверем, обычно обходили беглецов стороной.

Спустился вечер. Заходящее солнце таяло в сумрачных облаках. Пурпурное зарево захватило весь небосклон над бесконечным лесом, одна за другой стали появляться звезды. Из чащи повеяло прохладным дыханием ночи.

На ночлег расположились в изгибе ручья, под могучим развесистым деревом. Нарубив колючих ветвей и лиан, огородили небольшую площадку вокруг костра метровой изгородью.

С интересом Георгий приглядывался к окружающей природе. Опорой леса, его Атлантами были деревья-великаны. Лохмотьями свисали с них обрывки коры, бороды серебристо-черного мха. Под сенью гигантских крон было сумрачно и тихо, канаты ползучих растений спиралями уходили вверх, растворяясь в сером вечернем полумраке, образуя в вышине бесконечную сеть, в которой невозможно было различить – где ветви, где лианы. На редких полянах стояли лужи черной воды.

На следующий день характер местности постепенно стал меняться, становясь все более неровным. После полудня дорогу стали пересекать скалистые гряды; цепи холмов сторожили подступы к горам, синей громадой пиков встававших у горизонта. Между покрытых островками деревьев склонов лежали узкие долины с журчащими по дну ручьями и речушками,

густо заросшие кустарником и лесом. Они вели в предгорья. За холмами горы уже решительнее заявляли о себе, вставая там и сям группами полуразрушенных выветренных скальных утесов.

Вечером у Георгия произошла короткая стычка с Себастьяном.

Смывая дорожную пыль и грязь в речушке, возле которой путники расположились на ночлег, Георгий услышал вдруг крик Кины. Схватив арбалет, он бросился вверх по течению. Обогнув нависавшие над водой кусты, он увидел следующую картину. Совершенно обнаженная, девушка стояла по колено в воде, а Себастьян с мерзкой улыбочкой пытался повалить ее на спину.

Сердитый окрик Георгия заставил его отпустить Кину. Отскочив в сторону, Себастьян съежился, со страхом глядя на арбалет. Кина подбежала к Георгию и, плача, прижалась к его груди. Он обнял ее свободной рукой за плечи, стал, успокаивая, гладить по спине. Одновременно резко махнул арбалетом в сторону, приказывая Себастьяну убираться прочь. Униженно согнувшись, тот подхватил одежду и шмыгнул в кусты.

Внезапно холмы и гряды кончились, саванна отступила от предгорий, и перед беглецами открылась широкая полоса каменистой равнины, уходящей вдоль гор до самого горизонта. Местность была настолько открытой, что двух постов – одного посредине равнины, другого в скалах – хватило бы, чтобы перекрыть им путь. Оставались две возможности, две дороги: подняться в горы и пробираться среди скал, ущелий, пропастей и дремучих чащоб, либо отклониться влево и углубиться в саванну. Первая была слишком опасной и долгой, на ней беглецы, если не погибнут, то потеряют время, дадут Дого сориентироваться, продумать засады, расставить заслоны, пустить патрули. Вторая – крайне опасной.

По расчетам гэйгов им оставалось идти 2–3 дня вдоль гор, чтобы достичь той каменистой полупустыни, которая была первым, что они увидели в этом негостеприимном мире. Четыре черных выветренных утеса-столба – символические ворота. И между ними пятый, как край птичьего крыла, высушенного из-под земли. Длинное узкое ущелье напротив, а в конце его круглая котловина.

Теперь путь удлинялся, затягивался на неопределенное время.

Беглецы недолго раздумывали, выбирая дорогу. Фиолетовый не раз ловил мысли своих тюремщиков на том, как опасна саванна. Несмотря на это они решили идти через нее, рассудив, что в лесах, покрывающих горы, хищников может оказаться не меньше, но кроме них там будут пропасти и ущелья, осыпи и обрывы, изнурительные опасные подъемы и спуски. Из двух зол саванна казалась меньшим. К тому же, у беглецов теплилась надежда, что сделав неожиданный ход, им удастся обмануть Дого. Заставить его нервничать, послать поисковые отряды, распылить силы. Возможно, тогда им будет легче прорваться.

Беглецы задержались на холмах, готовя себе копья, оружие, незаменимое в саванне. Меч, стрела, нож хороши против человека, «о против зверя самое лучшее оружие – копье. Только копье способно удержать сильного зверя, остановить его, достать издалека его сердце. Если бы у них остался хоть один бластер!

Анви и Адиу нашли в ближайшей роще невысокие стройные деревья с крепкой черной древесиной. Срубив нужное количество стволов, мужчины ободрали тонкую кору, приладили к ним вместо наконечников ножи и получили мощные в полтора человеческих роста копья.

За делом беглецы не заметили, как подкрался вечер. К закату густые облака затянули небо. Опустилась ночь – необычайно тихая и темная. Затем пахнуло свежим сырым ветром, принесшим еле слышное рокотанье далекого грома. Приближалась гроза.

Вскоре гигантские молнии пронзили бархатно-черную тьму. Их частота и сила нарастали, и вот уже по всему небу зазмеились сотни слепящих огней. Гром сотрясал все вокруг, но и сквозь его раскаты был слышен шум приближающегося ливня, шум перешел в рев, стена неистового дождя налетела на дерево, под которым укрылись беглецы. Дерево заколебалось под ударами, целое море обрушилось на него с неба. Земля мгновенно покрылась слоем бурлящей воды. Ее было так много, что люди задыхались, лоя открытыми ртами перенасыщенный влагой воздух. Яростные порывы ветра обрушивали волны дождя, казалось, вся саванна будет неминуемо затоплена.

Однако, скоро сверканье молний прекратилось, дождь стих, и звездное небо раскинулось над равниной, густое благоухание невидимых трав, цветов и земли разлилось вокруг.

Во тьме завывли трупоеды, жалобно завопили их крылатые соперники – пмоки – помесь птеродактиля и вороны. Время от времени слышался шум раздвигаемой большим и быстрым телом травы, топот ночных животных. Иногда раздавались рев и визг, низкое гортанное рычание, клекот – трагедии жизни и смерти разыгрывались во мраке.

Стало светлее, на небосвод взошли три неразлучных луны. Угрюмо черневшие деревья и травы засеребрились, выделились черными силуэтами утесы у подножия гор, стоящие отдельно высокие деревья.

Все, кроме Анви, спали. Крепко сжимая копьё, чутко прислушиваясь к ночным звукам, он сидел у костра, изредка подбрасывая сучья в огонь.

Сонным взглядом в который раз окинул он саванну. Там и сям возвышались над ней черные холмы рощиц и кустарника. Вокруг этих холмов, словно вода вокруг островов, волновался, серебрясь в лунном свете, голубой ковыль.

Внезапно Анви насторожился и поднялся на ноги. Прислушался. Что-то грозное померещилось ему в ночи. Он постоял некоторое время, но услышанный звук не повторился. Анви нерешительно подсел к костру, затем снова вскочил, стал вглядываться во тьму. Рядом молча сел Фиолетовый.

– Кто-то бродит неподалеку, – прошептал Анви, припадая ухом к земле.

Фиолетовый тоже приник ухом к влажной почве. Первые мгновенья он слышал только собственное дыханье. Однако, немного погодя и гэйг уловил равномерно повторяющиеся звуки – словно легкое нервное постукивание пальцев по барабану: бум, бум, бум, бум! бум, бум, бум, бум!

Анви еще некоторое время слушал, прикладывая к земле то одно, то другое ухо, затем встал на колени и сказал:

– Вокруг лагеря бродит большой зверь... я не знаю, какой. Хищник. Надо разбудить всех.

Вскоре остальные мужчины стояли рядом с товарищами. За их спинами с арбалетами замерли Кина и Фаина. Даша пугливо жалась к матери.

Беглецы ждали. Топот тяжелых лап был слышен уже отчетливо за ближайшей группой деревьев. Бум, бум, бум, бум – он становился все ближе. И вот! Высокий, раскачивающийся силуэт серым призраком показался в лунном свете.

Мужчины стали полукругом, лицом к хищнику, контуры которого по мере приближения обозначались все яснее. Зверь

был молчалив, как сама ночь, за все время он не издал ни звука, и это более всего пугало беглецов.

Никто из них никогда не видел такого зверя. Массивные передние лапы его были длиннее задних, передняя половина туловища сильно возвышалась над крестцом, спина была поката. На толстой шее сидела тяжелая вытянутая голова ящера с широкими мощными челюстями. Нижняя выдавалась вперед, лоб был резко скошен, как у змеи. Кожа на загривке ходила складками. Короткий тяжелый хвост был поднят параллельно земле. Широкая грудь, плечи и загривок подавляли своей массивностью, буграми выпячивались под гладкой кожей могучие мускулы, громадные кривые когти взрывали землю.

Метрах в десяти от колючей изгороди, которой беглецы неизменно окружали свои стоянки, зверь остановился и поднял голову. Большие зеленые глаза чудовища горели хищным пламенем. Зверь шумно втянул в себя воздух и начал медленно приближаться. Огонь, по-видимому, не пугал его.

Глухо стукнули тетивы арбалетов, свистнули стрелы и впились в морду, плечо, шею и бока зверя. Чудовище на мгновение замерло и, издав хриплый вой, кинулось вперед. В миг была смята ограда, мощные зубы блеснули в лунном свете, четыре ножа-наконечника с хрустом впились в грудь и шею хищника. Однако, не остановили его. Зверь обладал исполинской силой, и люди не смогли сдержать напора. Упершись в массивные кости, копья вывернулись из рук, мужчины отлетели назад. Георгий, Андрей и Адиу были сбиты с ног, Анви подмят зверем. С копьями наперевес гэйги и Себастьян бросились на выручку товарищу. Искристый получил сокрушительный удар в бок и кубарем покатился по земле. Копье Фиолетового было выбито у него из рук, как обыкновенная палка.

Поднимаясь на ноги, Георгий слышал треск копья Себастьяна. Маленький человечек был придавлен зверем, зубастая пасть тянулась к нему; Анви вовсе не было видно. Вытаращив глаза, Себастьян из последних сил упирался в челюсть ночного страшилища, тщетно пытаясь отвлечь от себя смерть. Еще мгновения и он погиб бы. Подоспевшие Адиу и Георгий с размаху вонзили копья животному в шею. Оно взревело и, повернувшись к Георгию, шелкнуло зубами, не достало его, но вновь сбило этим движением с ног.

В сей же момент свистнула стрела и впилась точно в мерцающий глаз чудовища. Зверь запрокинул морду и раскрыл во всю ширь пасть – хриплый вой вырвался из его глотки. Георгий оглянулся, Кина быстро натягивала тетиву. Фэй целилась.

Никто не видел, как сбоку на спину монстра вскочил Андрей. Хладнокровно нацелившись, он размахнулся и обеими руками вонзил копьё ему под лопатку. Длинное широкое лезвие вошло до конца, зверь конвульсивно дернулся и, перекинувшись влево, попытался лапой достать Андрея, но не смог. А тот, втянув голову в высоко поднятые плечи, навалился всем весом на древко. Зверь рванулся, и в этот миг острие дошло до его сердца. Тяжелое тело задергалось в судорогах, передние лапы подогнулись, и зверь рухнул, уткнувшись мордой в землю. Задние лапы его еще двигались, когти скребли почву, под кожей сокращались мускулы, но хищник был уже мертв. Рядом с ним бездыханный с распоротым животом лежал Адиу.

Анви встал на колени возле тела и пригладил волосы брата.

– Мы похороним его утром, – сказал Георгий, кладя ему руку на плечо. – Он был отважным воином. Пойдем, нужно перевязать раны.

У Анви длинные когти кровавыми полосами прочертили спину. Бок Георгия вздулся и потемнел от удара, но ребра к счастью остались целы. Себастьян был цел, но основательно помят. Гэйги и Андрей отделались царапинами и ссадинами.

С помощью женщин мужчины перевязали друг друга. Кина и Фэй вскипятили воду и промыли раны. Достали из походных сумок сухие бальзамические листья и шарики целебной смолы. Размягчая смолу в воде, женщины обмазывали ею листья и, наложив на раны, закрепляли широкими полосками материи. Киберврачи со скаэров давно исчерпали свой запас и были выкинуты за ненадобностью.

Возбуждение битвы утихло и страшная усталость навалилась на беглецов, даже боль не могла пересилить ее. Мужчины легли и заснули мертвецким сном. Не спала лишь сторожившая их Кина. Подсев к Анви, она осторожно приподняла его голову и положила себе на колени. Его борода защекотала ей кожу на запястьях. Во сне разведчик перевернулся с боку на бок и, прижавшись щекой к ноге девушки, левой рукой обнял ее бедра. Она закрыла глаза и порывисто вздохнула. Тут

же испугавшись, что разбудит Анви неосторожным движением, замерла, затаив дыхание.

Похороны и увечья, полученные в схватке с чудовищем задержали беглецов на месте еще на два дня. Ни Георгий, ни Анви не могли сразу продолжить путь. Лишь двое суток спустя они почувствовали себя лучше, и маленький отряд двинулся дальше.

На четвертые сутки после сражения с ночным хищником путники без особых происшествий миновали саванну и вышли к горам. Здесь дорогу им преградило неожиданное препятствие – обширное зловонное болото, заросшее желто-белой травой и огромными малиновыми цветами-шарами на длинных ножках. Справа оно упиралось в скальный обрыв, слева, сколь далеко позволяли видеть глаза, уходило вглубь саванны. Прибрежные заросли, как муравейник, кишели змеями, ящерицами, всевозможными насекомыми. Скалы вдоль болота были круче и иззубреннее, но за ними угадывалось относительно ровное пространство, скорее всего небольшое плато, отделявшее предгорья от основного массива.

Фиолетовый и Себастьян отправились разведывать путь. Пройдя краем болота, взобрались на высокую гряду: с нее увидели, что полоса опоясывающей его берега коричневой травы, буйные кустарники и рощицы низкорослых деревьев темным зигзагом уходят в саванну, сливаясь на неразличимом для глаза расстоянии с ее голубизной.

Похоже, Дого им обмануть не удалось, подумал Фиолетовый. Зря они блуждали по травяным зарослям. Люди-пауки наверняка знали о болоте. Преследователи поймут: раз следов нет в горах, значит беглецы идут саванной. Загонщикам остается только напрямик спешить сюда и, устроив засады, дожидаться своих жертв. Фиолетовый невольно огляделся по сторонам, ища врагов, но никого, конечно, не увидел.

Если они тут, то замаскировались наверняка так, что пройдя в двух шагах, не обнаружишь их. Может быть гонец уже мчится к Главному Охотнику, чтобы сообщить новость. Фиолетовый представил злобную ухмылку Дого и выругался про себя. Нет, мы еще поборемся! Будем все равно искать путь через саванну, пусть твои паучата понервничают, побегают.

Они спустились к болоту и пошли через него. Вскоре кустарниковые заросли сменил сухой лес, островки да кочки с черными озерцами воды. Себастьян срубил жердь и осторож-

но, пробуя дорогу, легко перепрыгивал с кочки на корягу, с островка на островок. Фиолетовый последовал его примеру. Высокие мокрые кочки, торчащие из зацветшей воды, сминались под его тяжестью, уходили в трясины и вновь всплывали позади, отекая черной слизью.

Некоторое время спустя открылось небольшое черное озеро, заросшее по берегам густым сухостоем. Разведчики едва продрались через колючий бурелом, цепляющийся за одежду ломкими скрюченными ветвями. Они трещали и осыпались в мутную воду. Солнце стояло высоко, но в зарослях было угрюмо, неуютно. Над разогревшейся под жаркими лучами водой поднимался слоистый пар, вытягиваясь вдоль тонких стволов длинными запеленутыми в саваны фигурами.

Разведчики остановились перевести дух: сзади что-то булькало, вздыхало жутко, что-то огромное, лохматое, живое.

Наконец сухой лес кончился, и разведчики вышли на открытое место – зеленый луг, окаймленный зарослями болотной травы. Впереди, примерно в полукилометре, начинался новый сухостой. Себастьян взобрался на высокое дерево: сухостой, рощицы, луга чередовались без конца – болото было огромно. И Фиолетовый понял, что у них остался единственный путь – через горы.

«Что ж, – мысленно сказал он себе. – Это мы тоже предвидели. На голых склонах нам будет проще заметить их. Пусть посуеются: подойдут близко, будут раскрыты, слишком отстанут, потеряют след. Нет, Дого, партия еще не окончена».

Взошло солнце и загнало ночных тварей в узкие расщелины скал. Послышалось жужжание насекомых, этих спутников дня, появились птицы. С гор подул прохладный ветерок и за них, растворившись в бескрайней саванне.

Фиолетовый наклонился над Себастьяном и потряс его за плечо. Страхнув с себя сон, Себастьян, потягиваясь, вышел из тени нависшей скалы, под которой беглецы провели ночь. Растерев руками лицо, он украдкой глянул на Кину, калачиком свернувшуюся подле Анви, и пошел следом за гэйгом.

Уже третий день они были в горах. Первый прошел благополучно: плато, через которое лежал их путь покрывали песок и камни, изредка встречались маленькие озера, окруженные невысокими деревьями. К вечеру рельеф резко изменился, появились глубокие узкие ущелья, трещины и пропасти, острые пики и огромные осыпи из каменных блоков, пре-

граждавшие путь. На поиски его уходили все силы, солнце нещадно палило; пятеро человек продвигались от одного препятствия к другому, не зная порой, идут ли они вперед или назад. Георгий и Анви быстро выбивались из сил, раны и увечья давали о себе знать. Приходилось делать частые привалы.

Когда Фиолетовый и Себастьян отошли от места ночевки, гэйг промыслил:

«Анви и Искристый устали. Георгий тоже. Разведем дорогу».

Часа два карабкались они по скалам. Солнце поднялось уже высоко и жгло сквозь одежду. За очередной, вздыбленной хребтом ящера, грядой скал открылась большая котловина. Справа круто вверх уходил склон первого бастиона могучей горной страны – гигантская, отполированная солнцем, ветрами и дождями, черная стена. В дальнем конце котловины угадывался спуск к равнине. Из расщелины с большой высоты падала струя воды и исчезала за невидимым обрывом.

Стало еще жарче. Тени разведчиков все укорачивались и укорачивались, ступни проваливались в песок, оскальзывались на камнях. Фиолетовый и Себастьян шли молча, тяжело дыша, часто отирая пот со лба.

Найдя, наконец, место в тени, разведчики сели, достали фляги, стали жадно пить. Утолив жажду, долго отдыхали. Фиолетовый временами поглядывал на Себастьяна: глаза его были пусты и тоскливо покорны. Гэйгу стало жаль маленького человечка – он видел непрестанную борьбу рабской приниженности и пугливости со свободолобием, независимостью, происходившую в нем, знал об инциденте с Киной и заметил, как сегодня утром Себастьян украдкой ревниво посмотрел на нее.

«Надо пообщаться с Георгием, пусть объяснит Анви, не следует показывать свои отношения с Киной, – подумал Фиолетовый. – В нашем маленьком отряде не должно быть раздоров... И как-то поощрить Себастьяна, чтобы он не чувствовал себя последним из нас».

Фиолетовый с усилием поднялся на ноги, долгий и трудный путь давал о себе знать.

«Подожди меня здесь. Я пойду дальше, посмотрю, что там», – промыслил он и махнул рукой в сторону водопада.

Себастьян послушно наклонил голову. Фиолетовый двинулся вперед и вскоре исчез из виду. Затем появился вновь – маленькая фигурка, устало шагающая по каменистой почве.

Себастьян некоторое время провожал гэйга взглядом, потом у него заурчало в животе и его мысли переключились на иное. Он развел костерок, достал из котомки кусок завернутого в листья мяса. Разрезав его на мелкие куски, наткнул их на заостренный прут и присел на корточки возле огня. Прут обгорал, мясо шипело и плевалось жиром, и он обжигал пальцы, когда снимал кусок, чтобы съесть его. Мясо было нежное, горячее, лакомое. Себастьян блаженствовал, упивался разливавшейся во рту сладостью, глотал, звучно чавкая и чувствуя, как жадно сокращается его горло.

Наконец мясо было съедено. Он утер ладонями губы, поковырял ногтем в зубах. Затем откинул несколько больших камней и растянулся в тени. Он думал.

Спустя час вернулся Фиолетовый и разбудил задремавшего Себастьяна. Впереди действительно был спуск на равнину. Крутой зубчатый хребет дугой уходил вправо, другой кряж резко изгибался влево, клином врезаясь в саванну, преграждая путь болоту. Между ними лежала вытянутая долина, покрытая сухой выгоревшей травой. Вдали около отвесных утесов, с которых низвергался водопад, было немного зелени и маленькое озерцо. Водопад пробил в скале глубокое ущелье, через которое вода стекала на равнину – узкая полоса пышной растительности показывала направление потока в саванне. Левее шла каменистая осыпь, сглаживавшая уступы, лестницей спускавшиеся к равнине.

Вскоре весь отряд достиг озерка, или, вернее, пруда всего нескольких метров в диаметре, но достаточно глубокого, с чистой, не просоленной и не застоявшейся водой. Вокруг росло несколько невысоких деревьев, виднелись следы животных и птиц.

Какое блаженство! Георгий лег на край пруда и, черпая пригоршнями воду, лил ее себе на голову. Измученная Фаина опустилась рядом. Георгий бережно взял у нее заснувшую Дашу и отнес в тень под деревья.

Он вернулся к пруду и сел рядом с Фаиной. Она лежала подле самой воды, голова ее покоилась на сгибе руки, глаза были закрыты. Георгий положил руку на ее обожженную солнцем спину и тихо сказал:

– Пойдем, поспишь рядом с малышкой... в тени... Фаина открыла глаза, вздохнула и села.

– Все будет хорошо, – Георгий обнял ее и поцеловал в щеку.

Устроившись рядом с дочерью, Фаина мгновенно уснула. Кина, узнав, что они еще некоторое время пробудут здесь, отправилась к пруду мыть голову. Георгий и гэйги растянулись в тени. Они лежали молча и думали об одном и том же: удастся ли дойти до котловины? Какие хитроумные ловушки приготовил им Дого? Что они могут противопоставить ему, кроме ума и отчаянного желания вернуться на родину.

Думали, но не обсуждали эти вопросы. Им нечего было сказать друг другу, а повторять много раз переговоренное, только душу травить. Они и так были на пределе нервного напряжения, хотя внешне держались уверенно и спокойно. Но это была маска, которую они обязаны были носить ради остальных.

Небо проглядывало сквозь подвижное кружево листвы, неторопливые облачка плыли по нему, прохладная ласковая тень укрывала от знойного солнца. Земля и скалы тоже излучали только покой, воздух был неподвижен – жаркий сонный полдень... Может быть все обойдется?..

Подошла Кина и села рядом с Анви, пальцами расчесывая мокрые волосы. С них летели брызги, и Анви жмурился и морщил нос, когда они попадали на лицо.

Полузакрыв глаза, Георгий наблюдал за влюбленными. Смотреть на них было приятно и грустно одновременно. Чем бы обернулся его курортный роман с Фаиной, если бы не роботы?.. Не спрося у них, судьба заложила такой крутой вираж... А-а! Отвернувшись, Георгий опять стал думать о Дого, в который раз проигрывая все с самого начала и до конца.

К вечеру беглецы были уже далеко от болота. Вскоре должна была начаться полупустыня. Скалистые голые пики справа уступили место одетым густыми лесами горам.

К закату, не найдя хорошего места для ночлега, они возвратились на несколько километров назад к пещере, которую миновали ранее. Анви запалил сухую ветку, и люди вступили под ее своды. Пещера оказалась неглубокой. Вскоре стены резко сблизились, песчаный пол начал подниматься круто вверх, и беглецы уперлись в сплошную скалу. Анви поднял горящую ветвь. Пещера неровным конусом уходила ввысь, словно высверленная в горе.

– Провал, – сказал Георгий. – Труба. В древности по этой трубе стекала вода, она размывала более мягкие породы и образовала пещеру.

Анви обшарил, принохиваясь, все углы, но кроме старых костей и мусора ничего не обнаружил. В пещере давно никто не жил, можно было не опасаться ночного визита крупного хищника. Разве что случайно забредшего по их следу, учуявшего запах людей.

Ближе к утру Кина проснулась. Некоторое время она лежала, не двигаясь и не понимая еще, что разбудило ее. Но тут явственно услышала какой-то звук и сразу сообразила, что это было. Настало время караулить ее возлюбленному. Положив на колени арбалет, он сидел, подогнув под себя ноги, и еле слышно насвистывал. Кина окинула быстрым взглядом пещеру – все крепко спали.

Не шевелясь, она наблюдала за Анви. Костер пылал, окутанный багрянцем, сердцевина его была яркой – оранжево-желтой, по краям синие языки лизали недогоревшие головешки. Потрескивали и мерцали черно-красные угли, костер словно дышал сквозь них.

Кине вспомнилось виденное не раз. Бурдюки с перебродившим соком зеленых колючих лиан – одна из немногих радостей людей из племени Угрюмого. Все пространство перед входом в подземелье залито светом костра – он огромен, страшен, дик. Освещает могучие стволы, силуэты людей. Вот старуха, упав с бревна, лежит и сосет хмельной напиток. Грязные тощие ступни ее торчат вверх. Толстая Базула, привалившись к столбу навеса, сидит, обхватив себя руками, обнаженная до пояса. Голова ее запрокинута, рот разинут, она хохочет, и спутанные волосы трясутся на ее голой спине.

Другие мужчины и женщины, рассевшись, где попало, пьют из деревянных чаш. Острый кислый запах напитка разносится вокруг.

Общее буйство, пляски, песни постепенно затихают. Люди вспоминают о второй отраде тела, которая дана ему потому, что природа разделила их на два пола.

Рядом с Киной-подростком, уже понимающей все и страшащейся этих диких оргий, мужчина и женщина дерутся и обнимаются, хрипло вскрикивая. Другой мужчина бессмысленно ползает на четвереньках вокруг костра, ему уже не до женщин, ни до чего другого.

Кина убегает, прячется во тьме, чтобы не видеть этих вцепившихся друг в друга тел – их бесстыдство и ненасытная жадность страшат ее. Но от них негде скрыться – здесь под

сенью деревьев в тихом месте она встречает то же. Минста, пошатываясь и визгливо смеясь, бредет куда-то, опираясь на плечо Трога. Они останавливаются и долго глядят друг на друга. Минста, вскинув голову, смеется прямо в лицо Трогу и показывает ему язык, он что-то говорит ей скороговоркой. Потом сгребает в охапку и тесно прижимает к груди, они начинают бороться, тяжело дыша от усилий. Трог вцепляется Минсте в волосы и тянет так, что ее лицо запрокидывается, исказившись от боли. В ответ она впивается ногтями в его плечо и рвет так же больно, как он ее волосы. Тогда Трог притискивает ее к себе и, подставив колено, опрокидывает. Рука Минсты, вцепившаяся в плечо, ослабляет хватку и обнимает его. Тела их соединяются, напряженные, как тетива, другая рука женщины обвивает шею мужчины. Грудь ее бурно дышит, вздымаясь и опадая. Руки Трога обшаривают одежду Минсты. Он срывает ее и, издав звук, похожий на рычание, набрасывается на Минсту. Она начинает стонать и ухать, и голова ее беспрестанно ворочается из стороны в сторону. Они охотятся за наслаждением с напряженными и отрешенными лицами, молча, лишь изредка издавая отрывистые вскрики, стоны, вздохи.

Впившись пальцами в траву, в землю, Кина расширенными глазами смотрит на это открытое любому взгляду таинство природы. Оно и притягивает и отталкивает ее: в нем все перемешано – и прекрасное и отвратительное, и ослепительное наслажденье и гнусная похоть.

Кина прячет лицо в коленях, чтобы не видеть больше происходящего, но она слышит его, и воображение ее рисует яркие картины, заставляющие вздрагивать неуклюжее, худое тело...

Тряхнув головой, прогоняя воспоминания, Кина тихо поднялась, песок хрустнул под ее коленями, и Анви, перестав насвистывать, взглянул на нее. Какое-то время она стояла на коленях, глядя на возлюбленного, и его облик, мелькая, заставляли призрачные картины прошлого – мужчина и женщина, мужчина и женщина. Кровь на мочке уха женщины и кровь на плече мужчины.

Себя и Анви она представляла иначе. Как именно, не могла сказать, только чувствовала радость и нежность, частый стук сердца. Прошное удерживало ее на месте – она боялась, вдруг Анви набросится на нее, как зверь, и начнет пожирать ее тело, грубо и больно. Ведь он такой большой и сильный.

Наконец она преодолела свой страх и пошла к нему – Анви не спускал с девушки глаз. Кина подошла и опустилась на песок подле ног возлюбленного, прижалась щекой к колену. В плечо ей жестко уперся теплый большой камень, на котором сидел Анви. Рука Анви скользнула в ее густые волосы и легким движением запрокинула голову девушки. Он заглянул ей в глаза: из их глубины плеснуло такое восхищение, испуг, покорность, преданность, что ему стало страшно. Страшно за себя и за нее. Но Анви тут же усилием воли прогнал страх и, улыбнувшись, погладил Кину по голове. В ответ она по-кошачьи потерлась щекой о его колено и замерла.

Анви встал и, взяв Кину за запястья, поднял с земли и поставил перед собой. Она застыла напряженно, и на лице ее, на приоткрытых пухлых губах замер испуг. Он притянул девушку к себе, она послушно прильнула к нему, начал гладить спину, целовать щеки, шею. В следующий миг неожиданно они оказались на коленях, и Кина уже смело прижала его голову к груди. Сердце ее билось у самой его щеки. Анви приник к ней, обхватил обеими руками; они слились воедино, обыскивая средоточие, главный смысл своего существования. Огонь вспыхнул в их телах, и они предались ему целиком и полностью...

Анви и Кина лежали возле костра на теплом песке. Его расслабленная рука гладила изгиб ее спины, в этой нежной впадинке сосредоточилось все ее женское естество: округлость и нежность, молодая упругость и томная страсть. Его ладонь покоилась на изгибе спины, груди касались его груди, бедра его бедер, волосы лежали на плече – четыре прикосновения – в них она была вся.

Потом он неожиданно почувствовал, как слезы скатываются ему на руку; плечи Кины начали вздрагивать.

– Что с тобой? – встревожено шепнул Анви, ладонью поворачивая к себе ее лицо.

– Я боюсь, нас убьют или схватят. Мы не будем больше вместе, – ответила Кина. Слова вспархивали, как испуганные птицы, всхлипывания и рыдания вспугивали их.

– Не бойся, – сказал Анви. – Ничего с нами не случится. Все будет хорошо.

И Кина поверила ему, потому что хотела верить, но долго еще всхлипывала в его объятиях, пока, наконец, не уснула.

Потом, осторожно уложив ее, Анви сел на камень, спиной к угасающему костру, лицом к заваленному почти доверху

сучьями и колючими ветвями входу пещеры, и смотрел, как снаружи сквозь тьму проступает рассвет, слушал, как затихают на болоте ночные гады и подают голоса ранние птицы. Сидел, смотрел и думал о Кине, о погибшем брате. У него тоже могла быть своя Кина. Анви так не хватало его – они привыкли все делать вместе, все делить пополам – радости и беды...

Лес рос вместе с горами. Чем выше забирались беглецы, тем могучее становились стволы, тем сильнее сплетались ветви над головами, перевитые гигантскими канатами ползучих растений.

Лес был под стать горам.

Первое время еще часто встречались поляны, солнце слепило глаза после сумрака чащи, но необычайная густота растений заставляла беглецов огибать эти места. Невысокие бледно-зеленые деревца с закрученными спиралью стволами, простирали, как крылья, огромные перистые листья. Их чеканная листва образовывала тончайшие узоры в столбах солнечного света. Поляны изобиловали цветами, над ними в дикой путанице переплетались ползучие побеги. Неистовый гомон птиц на полянах был слышен еще издали.

Путники шли в молчании. При попытке заговорить голоса людей гулко раскатывались под зелеными сводами этого гигантского природой созданного собора. Серые лишай, белесые наросты и выступы покрывали стволы деревьев, зеленый ковер мхов укрывал громадные корни.

Один лишь раз дорогу пересек быстрый поток, кативший свои воды среди камней. На его берегу, открытом солнцу, путники присели отдохнуть.

Неожиданно небо потемнело, откуда-то из-за вершин деревьев напозла черно-сизая туча, пошел мелкий холодный дождь. Беглецы спрятались под деревом. Капли падали густо и быстро, тьма и печаль охватила природу. Но вот туча уплыла дальше в сторону саванны, и лучи солнца упали на мшистые камни, меж которых бежал набухший помутневший поток, и камни стали куриться паром. Заблестели мокрая трава и лужи. Деревья, словно звери, стряхивали с себя воду.

Весь день поднимались путники в гору. Чем выше, тем безопаснее, убеждали гэйги. Лес становился гуще и непроходимей, мрачнее и тише. Исчезали поляны, а с ними и солнце, и отряд вступил в царство вечного полумрака. Поваленные гигантские стволы загораживали дорогу; заросли кустарника и мелких деревьев, завесы лиан переплетались так, что прихо-

дилось местами пробираться на четвереньках или ползком по избороздившим склоны промоинам старых дождевых потоков.

Вместе с солнцем ушло тепло, сырость и прохлада царили в высокогорном лесу гигантов. Иногда беглецам казалось, что они попали в глубокое мрачное подземелье.

Когда стемнело, ни одна звезда не блеснула сквозь невидимый свод ветвей. Сильный ветер бушевал где-то высоко вверху, а здесь у подножия стояла тишина. Люди и гэйги долго лежали без сна у большого костра, тревожно прислушиваясь к лесному гулу, напоминавшему шум морского прибоя. Шелест листьев, стук ветвей, треск ломающихся под напором ветра сучьев сливались в безумолчный плеск набегающих на берег волн.

Рассвет не наступал долго, густой сырой туман, повисший меж стволов, не пропускал света. В сером сыром сумраке беглецы молча поели и двинулись дальше. Лишь к полудню невидимое солнце, наконец, одолело туман, и перед путниками предстало подавляющее, мрачное зрелище.

Стволы чудовищных деревьев с чешуйчатой серой корой утопали далекими вершинами в туманной молочной мгле, совершенно скрывавшей кроны. Лишайники и рыхлые клубки полупрозрачных с темной сердцевиной растений-паразитов длинными седыми бородами свисали со стволов и нижних ветвей. Пропитанные водой мхи, полусгнившие сучья, листья, побеги болотной кашей чавкали под ногами. Густые заросли кустарника с большими бледно-зелеными, словно выцветшими листьями, и крупные бледные цветы преграждали путь. Ячеистые шары цветов с множеством прозрачных пузырьков на поверхности тихо покачивались на длинных ножках.

Кучками росли крупные пятнистые грибы; они мерно пульсировали: раздуваясь, становились молочно-прозрачным и, опадая, наливались темной жидкостью. Волнами от них шел тяжелый запах разложения. Большие ядовитые слизи падали с ветвей. Попадая на обнаженное тело, оставляли красные полосы ожогов. Черные насекомые, размером с жабу, быстро сновали под ногами и по стволам. Их суставчатые, загнутые кверху хвосты, дрожали, показывая острое жало. Изредка в сумраке бесшумно мелькала тень зверя.

Окончательно выбившись из сил и смирившись, встретив очередной рассекающий лес поток, беглецы повернули обратно к саванне.

К вечеру лес поредел и вывел их на узкую заросшую кустарником лужайку. Черные скальные зубья торчали на ней там и сям. Казалось, лужайка была надета на их иззубренные острия.

У подножия скал расстилалась полупустыня, долгожданная полупустыня. Серая растрескавшаяся корка перемежалась с полями ярко-желтого песка, местами виднелись островки жесткой бурой травы. Пронизанные солнечным светом, как фантастические аквариумы, наполненные мутной водой, стояли на рыжих буфах странные растения. Георгий окрестил их кактусами, но более всего они походили на огромные полупрозрачные бананы, покрытые темными виноградинами наростов.

Одинокие утесы, причудливо выветренные и обтесанные солнцем и водой, ветром и песком, сторожевыми башнями теснились у подножия бастиона скал.

Начиналась самая опасная часть пути. Фаина, стоявшая подле Георгия, нащупала его руку и сжала пальцы. Он ответил ей легким, успокаивающим пожатием.

«Вы оставайтесь здесь, – промыслил Фиолетовый, – и ни в коем случае не показывайтесь на открытом месте, а мы с Анви пойдем, поглядим, что тут делается. Может быть увидим наших «друзей».

Прячась за кустами, они стали пробираться к краю обрыва, а когда заросли кончились, поползли.

«Мне не страшно, мне не страшно, я не боюсь!» – убеждал себя Анви, ползя по веревке вверх в дождливую тьму. Где-то в горах завывал ветер, грохотала гроза.

Страх не отступал, он поселился в нем. Холодными липкими лапами сжимал сердце, шевелился в желудке, вызывая тошноту.

В полуобморочном состоянии Анви с трудом отгонял желание разжать пальцы, вцепившиеся в веревку, и покончить с этой мукой. Стоит только сделать это и наступит покой.

Парень тихо заскулил от унижения и бессилия. Ничего он не боялся: ни людей-пауков, ни зверья, ни саванны, ни жутких лесов. Но когда пришлось ползти по скалам вдоль пропастей, перебираться через них по дрожащим стволам, спускаться и подниматься, раскачиваясь на веревке, по отвесным обрывам, вдруг обнаружил свою скрытую слабость – боязнь высоты.

Измотанный страхом и ненавистью к собственной трусости Анви бессмысленно перебирал руками. Там наверху его ждал Себастьян.

Вечером того дня, когда беглецы вышли на окраину леса, и стали присматривать место для ночлега, Андрей и Себастьян, пробиравшиеся впереди остальных по звериной тропе, услышали голоса. Едва они успели нырнуть в яму под корнями вывороченного грозой дерева, как мимо своей странной подпрыгивающей походкой прошли пятеро воинов-пауков. Это были рослые мускулистые мужчины с мрачными лицами. В руках они держали ружья, за их спинами висели арбалеты, у поясов мечи и ножи.

Быстро миновав место, где укрылись беглецы, они исчезли за поворотом. Топот ног и легкий треск сухих веток вскоре замерли вдали.

Ночью Фиолетовый и Андрей подползли к краю скалы и насчитали шесть костров, цепочкой протянувшихся поперек полупустыни. Почти под тем местом, где они скрывались, красноватые отблески ложились на песок, вверх поднимался запах дыма и жареного мяса. Там была пещера, в которой расположились враги.

Утром беглецы заметили вдали на границе полупустыни и саванны две группы всадников на бистонгах.

«Так... – промыслил Фиолетовый, – даже верховые патрули. Здорово обложили».

Поднявшись вверх по течению потока, вдоль которого спускались недавно с гор, беглецы углубились в лес. Идти решили ночами, когда можно было менее всего опасаться попасть в засаду или встретить патруль. Люди-пауки не отваживались бродить в темноте по диким местам, а их костры люди наверняка заметили бы издали.

Ночной лес был опасен, полон зверей, гадов, ядовитых растений и ям, но днем он был опасен вдвойне, потому что тогда на охоту выходили другие хищники – люди-пауки.

Под утро, когда тьма сменилась предрассветным серым сумраком, Фиолетовый и Андрей пробрались к обрыву: радость и надежда наполнила их сердца – впереди в туманной дымке виднелись четыре каменных столба и между ними пятый, повернутый ребром. Тем не менее гэйги сразу узнали в нем скалу-крыло.

По прямой до ущелья было рукой подать, каких-нибудь три-четыре километра; учитывая спуск – час-два пути; но по скалам с людьми, никогда не бывавшими в горах – это была опасная и долгая дорога. И она становилась еще длиннее от того, что идти беглецы могли лишь ночами, а помимо пропастей и ущелий их подстерегали засады Дого.

Как только взошли луны, Фиолетовый отправился вперед. Проверив участок пути, он возвратился и повел за собой остальных. Его сменил Искристый, и все повторилось сначала, потом еще раз и еще, и так до утра, пока беглецы в изнеможении не заснули под нависшей козырьком скалой.

Наступила вторая ночь подъемов и спусков. Фиолетовый и Искристый выбивались из сил. Наконец, поняв, что наступил предел их возможностям, они отправили вперед Андрея, а когда иссякли его недюжинные силы, Анви и Себастьяна, объяснив, каким путем они должны идти.

Это был риск, люди не могли услышать врагов, сидящих в засаде и обойти их, но выбирать не приходилось. Раны у Анви уже поджили, а опухоль на боку у Георгия не спадала. Лишь изменила цвет, превратившись в огромное черное пятно. Поэтому альпинист из него был никудышный, и по разведанной-то дороге он поднимался с трудом, с помощью товарищей. Хотя именно он нужен был там впереди. Начиналась самая трудная часть их шахматной партии со старейшиной Дого.

Сейчас он сидит где-то неподалеку и размышляет над несколькими загадками. Какую тактику они избрали: обход расставленных им постов по саванне или блужданье по горам? Саванна почти наверняка отпадала даже при самой хитрой игре: во-первых, слишком открытое место, во-вторых, звери, в-третьих, пройдя саванну, нужно миновать еще и полупустыню, в которой все просматривалось, как на ладони, пробраться мимо постов, укрыться от патрульных отрядов. Это реально только безлунной, либо ненастной ночью. Самый верный, но одновременно и самый трудный путь лежит через горы. Здесь беглецов обнаружить значительно сложнее. Однако, имея достаточно времени, можно расположить засады на всех карнизах и склонах, где способны пройти люди.

Какой вариант еще может представить Дого?.. Беглецы решили взять преследователей измором: Затаиться в горах, в лесу и жить там до тех пор, пока враги не убедятся, что люди просто не дошли, погибли где-то в саванне, в лесах, в горах. Затем, когда заслоны будут сняты – не может же Дого до бес-

конечности сидеть здесь сам и держать много воинов – спокойно спуститься. Но в этом варианте был свой подвариант: Дого мог заручиться поддержкой друзей из других городков.

Помимо этих трех основных задач, Дого придется решать еще две второстепенные. Первая – куда подевался отряд его воинов, посланный кружным путем. Может быть он преследует беглецов? Захвачен в плен и уничтожен «дикими»?

Вторая – почти копия первой. Отличная только в том, что место его соплеменников в ней занимали беглецы. Может быть они уже давно в плену у диких или погибли? Может быть прошли свой путь быстрее, чем предполагал Дого, и исчезли из этого мира с помощью своего звездного корабля? Может быть сбились с дороги и блуждают где-то в горах или тысячелетнем лесу, в саванне? А возможно, их обглоданные кости белеют в вечном сумраке среди гигантских корней и сырого мха?

Может быть, может быть, может быть...

Сколько раз с той памятной ночи, когда беглецы обнаружили в лесу останки разгромленного отряда пауков, Георгий и гэйги обсуждали все это. Ни один из пришедших в голову вариантов не давал надежду на успех. К тому же они понимали, их бегство безнадежно затянулось. За время его Дого мог организовать такую плотную и хитроумную систему заслонов, что они неизбежно попадутся. Несмотря на это Фиолетовый и Искристый считали, нужно продолжать неустанно двигаться вперед. Время работает против них. Любая задержка – подарок хищникам и врагам.

Можно перекрыть коридор между саванной и горами, можно поставить кордоны у входа в каждое ущелье, можно, наконец, устроить засады на карнизах и выступах скал. Но нельзя заблокировать каждую расщелину и все подходы сверху из леса. Их спасение в том, чтобы шаг за шагом подбираться ближе к цели и проникнуть в котловину, где спрятан корабль. Но не со стороны полупустыни, а спустившись по скалам в его дальнем конце.

Георгий отдавал предпочтение другому варианту, считая, что лучше всего выждать. Конечно, надо было устраивать лагерь раньше на равнине, где много дичи и воды, но и в горах можно прожить несколько недель и даже месяцев. Но говоря «можно», он сам видел, сколь неопределенна эта возможность. Хищники еще всерьез не брались за них, будто Всевышний отводил в сторону их алчные взоры. Но и при этом

они потеряли Адиу. Патрули, если они по-прежнему станут рыскать в округе, могут в конце концов наткнуться на следы отряда. Ведь далеко в горы беглецы не уйдут, там им не выжить. Все движется в одной узкой полосе. Да, не следует забывать и о «диких».

Да и действительно, возражали сами себе гэйги, неизвестно, как долго сможет держать здесь посты Дого. Кто кого возьмет измором? Может быть Георгий прав?..

Наконец Анви вскарабкался на широкий карниз и обессиленный распластался у ног Себастьяна, отдышавшись, встал.

– Спрячь веревку в расщелину, – прошептал он и двинулся вперед, бесшумно ступая мягкими кожаными подошвами по камням.

Этот карниз был самым удобным путем к котловине, он проходил над ущельем, ведшим в нее. Здесь можно было относительно легко спуститься вниз. Но по этой же самой причине Дого мог устроить здесь засаду.

Анви прошел шагов пятьдесят вдоль скальной стены и замер, услышав тихие голоса. Сзади часто дышал Себастьян.

Анви зажал ему рот рукой и застыл, как изваяние. Он слушал. Выяснив то, что хотел, легонько толкнул Себастьяна, давая понять, что надо идти назад.

Им повезло: тихо шумел дождь, скрадывая звуки, камни и песок не хрустели под ногами.

Когда они добрались до того места, где спрятали веревку, Анви прошептал:

– Мы шестером уьем их без шума. Я слышал – их только трое.

Себастьян молча кивнул.

Анви стал спускаться первым, вскоре под ними показалась расщелина, по которой можно было добраться до другого карниза, ведущего к пещерке, где скрывались остальные беглецы. Внезапно веревка вздрогнула, как порванная струна, и Анви, не проронив ни звука, рухнул вниз.

Фиолетовый огляделся.

«Дождь и тьма. Где-то часа три. Анви и Себастьян должны вот-вот вернуться. К рассвету, если все будет в порядке, спустимся в ущелье. И... путь окончен».

Фиолетовый посмотрел на спящих в обнимку Георгия и Фаину, послал мысленный сигнал Искристому и легонько

толкнул Георгия в плечо. Тот мгновенно открыл глаза, быстро осмотрелся, сел. Фаина тоже проснулась, подняла голову, длинные волосы свесились волной ей на плечо.

– Подвяжи волосы, – посоветовал Георгий, – будут мешать при спуске, лезть в лицо.

«Надо немножко подождать, парни должны вот-вот вернуться.»

«Ждать, – вздохнул Георгий, глядя во тьму. – Ждать, ждать, ждать...»

Через несколько минут их взяли воины Дого. Беглецы не оказали никакого сопротивления, так неожиданно и бесшумно было совершено нападение.

Черные силуэты выросли у входа в пещерку, наставив на людей и гэйгов ружья. Затем они расступились и, держа в руке факел, появился улыбающийся Дого с бластером в руке.

– Ну вот и все, мои дорогие, прогулка закончена, все мы в сборе, и я искренне этому рад, – сказал он и осклабился. Фиолетовый перевел.

– Интересуетесь, как я вас нашел. Предатель, всегда находится предатель. – Дого вытолкнул вперед трусливо сжавшегося Себастьяна.

«Где второй?» – промыслил Искристый, с ненавистью глядя на предателя.

– Неподалеку. Мы не стали его трогать. Он жив, но в плохом состоянии. Ваш друг, – Дого театральным жестом положил руку на затылок Себастьяна и погладил его, как собаку, – додумался перерезать веревку, когда они спускались к вам, и тот здоровый выродок свалился в расщелину. Вот, – Дого любовно улыбнулся. – Разве можно доверять такому типу. – Он неожиданно зло ударил Себастьяна по щеке.

Тот вскрикнул от боли, прижал ладонь к лицу и отпрянул в сторону, закрывая голову локтями.

– Внушительное приобретение для вашей компании. Трус. Инстинктивная реакция на удар – безошибочный признак этого.

Ну что ж... пойдете. Там наверху, куда вы стремились, у нас есть уютная пещерка. Теперь в ней можно будет развести огонь и не зябнуть в темноте и сырости. Кстати, по дороге заберем вашего приятеля. Давайте, – кивнул своим воинам Дого.

Анви, неестественно скорчившись, лежал разбитой кровоточащей щекой на остром обломке камня. Рот был открыт, правая нога нелепо задрана вверх. Медленно с максимальной осторожностью Георгий закатал штанину и, прикрыв глаза, отвернулся. Кость прорвала мышцы и кожу.

– Сложный перелом, – промыслил он гэйгам, мягким движением опустил ногу и ощупал ее ниже. – Господи! Еще один выше щиколотки. С парнем совсем скверно.

«Тут мы ничего не сможем сделать?» – спросил Фиолетовый.

«Ничего, абсолютно ничего. Сначала нужно его поднять», – Георгий выпрямился и мрачно посмотрел вверх.

– Каким образом вы собираетесь сделать это? – вмешался Дого. – С такой-то ногой. Он не выдержит. Это бессмысленно. Он умрет во время подъема от боли.

– Он умрет, если мы не сделаем этого, – твердо сказал Георгий и поглядел Дого прямо в глаза.

– Хорошо, – уступил старейшина, – я разрешу вам эту глупость. Но учтите, с такой ногой, если он выживет и будет когда-нибудь ходить, его ждет незавидная участь.

Снизу вдруг раздался громкий крик. Дого обернулся.

– Ах, спрут меня задери, забыл сообщить радостную новость своим ребятам. Ланк, махни им факелом, как договорились, а то они чего доброго решат, что это не мы, а кто-то другой, и начнут палить.

Воин, к которому обращался старейшина, поднял над головой факел и несколько раз махнул им крест-накрест, затем начертил в воздухе круг. Внизу в крошечной тьме зажегся огонь и задвигался из стороны в сторону, послышались радостные крики.

– Ну? – Дого обернулся к Георгию. – Как вы собираетесь поднимать его?

– Пусть ваши люди спустят две веревки, и когда я сделаю все, поднимут нас вместе.

– Старейшина запрокинул голову и громко сказал во тьму:

– Ты слышал, Анд?

– Слышал, — отозвался мрачный голос.

– Спусти им веревки.

Концы двух толстых веревок упали рядом.

Георгий дважды обернул одну вокруг пояса, вторую продел под мышцы Анви. Затем подхватил его и стал медленно поднимать.

– Тяни помаленьку! – крикнул он воину-пауку. Фиолетовый перевел.

Вскоре Анви висел, поднятый во весь рост. Несколько раз из его горла вырывались долгие дрожащие стоны. Георгий стиснул зубы. Беда состояла в том, что нельзя было перевязать ногу немедленно, это означало причинить парню безумную боль, стягивая налезшие друг на друга отломки кости. Георгий осторожно взял ногу Анви в руки и крикнул:

– Можно поднимать, только медленно и равномерно.

Это был ужасный подъем.

Надо отдать должное воинам Дого – они проделали все безукоризненно, но веревки не лифт, люди не машины. Иногда они слишком резко дергали, и Георгию с трудом удавалось удержать ногу Анви в ладонях. Их все время раскачивало, несколько раз ударяло о стену, и он ощущал, как движутся в его ладонях сломанные кости.

Анви был без сознания. Неподвижное, как у куклы лицо его, мокрое от дождя и крови, запрокинулось назад. Разбитая голова моталась из стороны в сторону.

Уже на краю карниза нога Анви задела за камень. Хриплый булькающий вскрик сорвался с его губ. Тело задрожало в конвульсиях под руками Георгия.

В пещере Георгий вправил все еще не пришедшему в сознание Анви отломки кости и наложил шины. Затем встал, потирая поясницу.

– Ну что ж, теперь можно и поговорить, – сказал он со зловещей интонацией.

– Вы мужественный человек, – отозвался Дого. – Не во всех ситуациях следует говорить правду. В данной, например, не стоило бы. Глупо вначале показывать врагу, что восхищаешься его мужеством, а потом стараться вытянуть из него нужную тебе информацию. Но и мне свойственны слабости.

Дого поднялся с камня, заменявшего ему стул, и встал к самому огню, протянул к пламени руки. Тень его изогнулась на стене, наградив старейшину горбом.

– Но вы ведь не сомневаетесь, – продолжая шевелить длинными пальцами, Дого глянул через плечо, – что мне удастся сделать это?.. Ведь правда?.. У меня много времени, достаточно выдумки и выдумщиков... и ваших друзей. – Дого перевел взгляд на Фаину и прижавшуюся к ней Дашу. Затем на лежащего на полу, укрытого плащом Анви.

Георгий напрягся, по спине прошла холодная волна. В душу его закралось сомнение, так ли уж прав был Фиолетовый, когда говорил, что люди-пауки никогда не применяют пытки, что таков их нравственный кодекс?

– Кстати, за делами и, наблюдая ваше благородство, я совсем забыл, ваш друг по имени Себастьян, так любезно содействовавший нашей встрече, просит за свою услугу небольшую награду. Вот эту молодую самочку.

Дого мерзко ослабился, глядя на Кину, и, вытянув в ее сторону руку, пошевелил пальцами, словно ощупывая девушку. Съездившись, она теснее прижалась к Фаине.

– Где корабль?

«Рядом в котловине за ущельем. Зачем этот вопрос? Он, – Фиолетовый кивнул в сторону Себастьяна, – наверняка уже рассказал вам. Если нет, то сделает это через минуту».

– Та-ак, – Дого отошел от костра и опустился на камень.

Фиолетовый подошел к Анви и склонился над ним. Тот уже пришел в сознание.

«Ну как ты, мальчик?» – промыслил гэйг ласково, глядя парня своей мохнатой рукой по лбу.

«Хорошо. Только холодно».

«Дого, дайте ему что-нибудь выпить».

– Да, конечно, – поглощенный своими мыслями старейшина машинально протянул гэйгу флягу. – Держите.

Фиолетовый откупорил ее и поднес к губам Анви. «Подкрепись, тебе потребуются силы». Анви отпил несколько глотков и сморщился. «Ничего, потерпи, – промыслил Фиолетовый. – Кина, сядь с ним».

Девушка бросилась к возлюбленному, рыдая, прижала его голову к груди. Анви покосился на старейшину и двух арбалетчиков, стоявших у закрытого шкурой входа, и взял гэйга за руку. Легонько двинул запястьем, и холодное острие ножа кольнуло Фиолетового между пальцев. Никакое движение чувств не отразилось на его лице. Мысли его были закрыты от врагов. Он поднялся и подошел к Дого. Протянул флягу.

«Благодарю».

– Ну что ж, вернемся к нашим делам. Я ценю вашу откровенность. Ущелье и котловину мы, конечно, найдем. Но мне бы хотелось еще войти в нее и выйти живым и невредимым, а также узнать, как действует скрытый там корабль. Получить бластеры, самодвижущиеся повозки, то, что исцеляет. ВСЕ! Я хочу ВСЕ!

Гэйги не отвечали, стояли, понутив головы. Затем Фиолетовый, нервно ломая руки, заходил по пещере.

– Решайте скорее, – голос Дого стал холоден и жесток.

Проходя мимо, Фиолетовый послал Георгию закрытую от врагов мыслеграмму:

«У Анви нож, иди к нему».

«Как?!» – мысленно воскликнул Георгий.

В этот миг Анви громко застонал. Георгий бросился к нему, стал рядом на колени.

– Что с тобой, мальчик?!

Одна рука его скользнула под затылок раненого, другая легла на запястье.

– Хватит! – рявкнул Дого и резко поднялся. Воины с арбалетами насторожились – двое у входа, один в дальнем углу пещеры. И неизвестно, сколько еще за пологом снаружи.

– Я уже сказал: мне надоела эта игра! Мы договоримся? Отвечайте только «да» или «нет»!

«Только нет!» – спокойно, почти нагло ответил Фиолетовый.

– Конечно, нет, – устало вздохнул старейшина. – О, конечно же, нет! Какое мужество. Насколько оно у вас длиннее, чем у прочих? И все-таки я настоятельно прошу вас подумать еще раз. – Дого подошел к Анви, сорвал плащ, укрывавший его, и прежде чем кто-либо догадался о его намерении, ударил ребром ладони по искалеченной ноге. Тело Анви содрогнулось в конвульсии, но он даже не застонал. Он был в полном сознании и улыбался старейшине. Кровь сбегала по подбородку из прокушенной губы. Кина бросилась на Дого, он отшвырнул ее в сторону. Прежде чем она попыталась подняться, один из воинов подскочил к девушке и, придавив ногой к полу, упер в грудь арбалет.

– Вы рассчитывали на наш обычай, не пытаться пленных. Но обычай меняется вместе с людьми. Там, в крепости я был скован этим трухлявым благодушием, здесь я свободен. И мои воины настроены так же, как я. Не надейтесь на легкую смерть.

– Вы не должны были так поступать, Дого, – произнес Георгий почти шепотом, прозвучавшим неестественно громко в полной тишине, повисшей в пещере. – Вы умрете за это, старейшина Дого.

– Так... – выслушав перевод Фиолетового, протянул Дого. – Да, я умру, – он снова ударил по сломанной ноге Анви и

снова безрезультатно. – Теперь мне придется умереть дважды. Этот выродок очень мужествен. Как вы, однако, дурно влияете на них. Но у Мохначей мягкие сердца, не так ли, мои дорогие. – Он обернулся к гэйгам. Его рука плавно скользнула вниз и обхватила ногу Анви за лодыжку. – В вашем распоряжении ровно столько времени, сколько мне потребуется, чтобы сосчитать до десяти. Вы должны подчиниться, иначе мне придется переставить ему шины.

Кина громко вскрикнула и попыталась вырваться из-под ноги воина-паука, но этой ей не удалось.

Дого обернулась к девушке.

– А если к моему глубокому сожалению этот юноша скончается, мы займемся ею. Затем, – он перевел взгляд на Фаину и Дашу, – наступит их черед. Надеюсь, узнав это, вы окажетесь сговорчивей...

«Не надо!» – рука Фиолетового легла на запястье Дого. Тот сразу же выпустил ногу Анви.

Они стояли, глядя друг другу в глаза. У их ног раздался хрип. Тело юноши билось в судорогах, рот открывался, как у выброшенной на берег рыбы.

Георгий рванулся к Анви, но Дого грубо рванул его за плечо.

– Воздержитесь от своего неумного милосердия. Ему помогут мои воины. Что надо сделать?

– У него судороги. Пусть один приподнимает его и поддерживает в полусидячем положении, а другой даст несколько глотков водки.

Фиолетовый перевел.

Дого вынул из блестящей кобуры бластер и кивнул воинам у входа.

– Я вас слушаю, наконец, – он повернулся к Фиолетовому.

Георгий проследил за воинами-пауками, как они подняли Анви и поднесли к губам флягу, потом подошел к Дого и Фиолетовому. Часовой, стоявший в дальнем углу пещеры, тоже приблизился. Теперь при удачном ударе Георгий мог достать его ногой в пах.

В этот миг раздался глухой стук сшибшихся лбов. Часовой молниеносно сделал полуоборот и спустил тетиву. Одновременно с ним Георгий вонзил переданный ему Анви нож под сердце Дого и выхватил у него бластер.

Часовой не успел раскрыть рта, чтобы позвать на помощь, как ослепительный луч пронзил его грудь. Двумя следующими

ми выстрелами Георгий прикончил оглушенных стражников, сидевших на полу возле Анви.

У входа кто-то пискнул, и маленькая тень юркнула за полог. Георгий ударил лучом по шкуре. За ней раздались дикие вопли, и внутрь пещеры рухнуло тело. Георгий бросился ко входу и, высунув наружу одну только кисть с бластером, полоснул лучом сначала влево, потом вправо вдоль карниза. И только после этого выглянул. Трупы в тлеющей одежде лежали с обеих сторон пещеры. Поодаль маленькая фигурка на четвереньках скоро-скоро ползла к углу скалы. Георгий прицелился и, нажав спуск, повел бластером. Предателя подбросило в воздух; почти разрубленный пополам огненной иглой, в горящей одежде он полетел вниз.

Вернувшись в пещеру, Георгий увидел Фаину и Кину, склонившихся над Анви. Гэйги, Андрей и Даша стояли рядом. Черное оперение арбалетной стрелы торчало из его груди. Кина тихо плакала. Парень сделал, что мог – жертвуя собой вывел из строя двух врагов и погиб.

Лицо Георгия на миг исказилось, но он тут же овладел собой.

– Бежим! – крикнул он.

Собрав веревки и оружие, люди и гэйги покинули пещеру.

Внизу у подножия горы металась суматошная огни. Раздалось несколько ружейных выстрелов, пули взвизгнули рикошетом о камень. Беглецы не отвечали на выстрелы, как могли быстро они продвигались по карнизу. Вот они миновали две скалы-башни, вот уже посеребренное светом трех лун показалось «птичье крыло». Только увидев его, Фиолетовый сообразил, что дождь кончился. И сразу же осознал еще одно – карниз тоже кончился.

Гэйг заметался. Нет, пути не было! Его взгляд взлетел вверх: черная стена поднималась, постепенно изгибаясь и нависая над ущельем. Вверх пути не было.

Фиолетовый лег на край карниза, свесил голову вниз. Скала была во многих местах рассечена трещинами, изобиловала уступами. Но как было угадать ночью, какая из трещин доходит до дна? Выбрав, наконец, одну наудачу, Фиолетовый решил спускаться. Закрепив веревку, он стал на колени, сполз в щель, которая оказалась как раз по ширине его тела и, упираясь локтями и коленями в выступы, начал спуск. Один за другим беглецы последовали за ним.

Достигнув дна, они побежали вглубь ущелья. До спасенья оставалось всего каких-нибудь несколько сотен шагов. Неожиданно навстречу свистнули стрелы, Георгий громко вскрикнул – одна из них пронзила его руку. Он крест-накрест полоснул по темноте лучом. Раздались истошные вопли, вспыхнувшая факелом фигура пробежала немного и рухнула на песок. Сзади послышался топот и воинственные крики. Но вот уже и котловина, в ней серебристо-черная луковицы корабля гэйгов. Фиолетовый и Искристый поспешили вперед. За ними бежала Фаина с Дашей на руках. Георгий, Кина и Андрей прикрывали их.

– Хватит с них! – Георгий схватил девушку за руку и повлек к кораблю, но она вырвалась и стала вновь натягивать тетиву.

– Убери ее! – крикнул Георгий Андрею, сам мстительно медленно повел лучом поперек ущелья. Огонь и душераздирающие крики разорвали ночную тьму.

Георгий обернулся, Андрей никак не мог совладать с Киной. В этот миг со стороны людей-пауков прилетела стрела и вонзилась ей в грудь. Девушка зашаталась и упала на руки Андрею.

– Неси ее к кораблю! – крикнул он. – Я буду прикрывать!

Из дыма и тьмы прыгнули три уродливые фигуры. Георгий бросился наземь. Свистнули стрелы, пронзив воздух в том месте, где несколько секунд назад находился он. Прицелившись Георгий вновь полоснул по врагам из бластера. Убедившись, что выстрел достиг цели, Георгий вскочил и понесся к кораблю. Его уже ждали. Вокруг звездолета разлилось зеленоватое сияние защитного поля, надежно отгородившего беглецов от беснующихся в бессильной злобе людей-пауков.

Минул день, и котловина опустела, «Пронзающий пространство» неся сквозь бездну космоса, все дальше и дальше от негостеприимной планеты.

Александр Писанко

Кювет на повороте

Фантастическая повесть

Безнравственность Мира – есть предтеча его безумия.

(Из манускрипта неизвестного древнего философа эпохи Дикого Преобразования, жившего, предположительно, на пороге третьего тысячелетия от Рождества Христова)

1

Странный это был звук – нудный, тонкий, писклявый и еще, наверное, – резкий, словно рвущаяся на части старая изношенная струна.

Распластанный у дверей парень с трудом приподнял голову, оглядел мрачную, с тяжелым затхлым воздухом камеру, прислушался – по лицу, скорее напоминавшему маску из тугих синяков и кровоточащих ссадин, пробежала судорога. Он застонал и снова уткнулся лбом в холодный шершавый бетон пола.

Через некоторое время звук вновь повторился. Но уже четче и резче, как будто сердясь и чего-то добиваясь.

Парень опять приподнялся и тяжело, через силу, повернул лицо в сторону пристроенного у самого потолка маленького зарешеченного окошка. Слабые, тусклые блики предрассветных звезд неохотно пробивались сверху.

Он не помнил, как сюда попал. Да и не старался вспомнить. Единственным его желанием было: забыться, спрятаться, уснуть – уснуть мертвым, беспробудным сном, чтобы не чувствовать изнуряющей усталости и глухой всепроникающей боли, казалось, в каждой частичке, в каждом атоме его разбитого, вконец истерзанного тела.

Звук исчез – и голова вновь опустилась на холодный камень. Однако сон не шел. А когда душераздирающий писк опять повторился, он вдруг понял, что это было. И – обрадовался. Сильно. До выступивших слез. И не понимал – почему. Почему?.. И неожиданно все объяснилось довольно-таки банально – просто где-то во дворе, за мощной кирпичной стеной, скрипела на ветру заржавленными, давно не смазанными навесами обыкновенная дверь, будто ненароком предупреждая своим утробным, зуборежущим звуком случайных прохожих об этом скверном, дурном месте.

Но уже в следующий миг он почти распознал свое, казалось, беспричинное чувство. Но только не умом – одной лишь интуицией, еле теплившимися внутри животными рефлексами. Так скрипят орудия пыток. Значит, его уже не пытаются – пронесло! Но – пытали?.. Господи, почему?!

Опираясь на руки, парень кое-как поднялся. Сильно кружилась голова. Но он устоял, не рухнул снова на пол – лишь оперся плечом о стену.

Он пока плохо понимал, где находится, вернее, сознание его еще не совсем обрело способность трезво, без болезненного переломления реальности, маниакального искажения виденного оценивать ситуацию. Мысли его катились автоматически, беспокоясь в первую очередь о сугубо конкретном, личном, а точнее – будут ли еще мучить, бить? И как стерпеть новые пытки? Как?!

Он сделал несколько осторожных шагов в сторону крепкой стальной двери с маленьким стеклянным глазком посередине – и вдруг, казалось только сейчас, догадался, где находится.

Парень удивленно осмотрелся, словно впервые увидел эти каменные стены, нагнулся, сморщился от сильных коликов в позвоночнике, потрогал ветхую, примятую солому под ногами, выпрямился – и уставился на небольшую деревянную бадью в углу. И как только резкий, отвратительный запах застоявшихся человеческих отходов дошел до его носа, он наконец понял – понял до конца, до выворачивающей душу обиды, горечи – куда занесла его судьба.

Парень растерянно заморгал, отчаянно скривился, мимолетно забыв про отвратительный дух из угла, и еле слышно простонал:

– Где я?..

Неожиданно у входа раздался звонкий металлический скрежет, затем дверь сердито проскрипела, отворилась – и на пороге появилась массивная фигура военного с нездорово красными, вздутыми щеками на лошадино-продолговатом лице. Настороженно-злые глазки с припухшими коричневатыми ободками внизу пробежали по камере и подозрительно остановились на пленнике.

– Очухался? – строго прохрипел сержант похмельным голосом, а увидев искаженное от боли, но, скорее всего, от душевного страдания лицо парня, уже мягче добавил: – Ничего, ничего, заживет... Не будешь выступать! – И отступив назад, закрыл за собой дверь. Но не на ключ – на засов.

Через минуту дверь снова с грохотом открылась и из ее черного проема вновь выдвинулась опухшая физиономия охранника.

– Выходи!

Парень несмело шагнул к двери, все так же непонимающе глянул на сержанта, и наконец, словно только сейчас осмыслил услышанное, переступил порог.

В лицо ударил резкий порыв опьяняюще свежего воздуха. Его прохладные ароматные струи неслись откуда-то из глубины прямого и довольно-таки чистого коридора со стройным рядом железных дверей по бокам.

Парень глубоко, со всхлипом, вдохнул – и голова у него закружилась, поплыла, приятно опьянела от непривычной дозы живительного кислорода. Однако это было отрезвляющее опьянение: в его мозгу, – как молния, как вспышка, а точнее, взрыв, – вдруг пронеслось что-то родное, далекое, и он даже, кажется, догадался, кто он и с какой целью прибыл сюда. Но уже в следующий миг вновь вспышка и – снова темнота, снова забвение, снова непонимание.

Он остановился, сморщив лоб и пытаясь вернуть ускользающее видение, но сзади грубо толкнули, нетерпеливо проворчав: «Топай, топай!» И призрачная картинка в голове испуганно колебнулась мутной рябью и – исчезла.

Парень отчаянно дернулся, торопливо огляделся, – но уже с заметным любопытством, – затем судорожно провел ладонью по лицу, еще раз глубоко вдохнул налетевший порыв свежего воздуха и неторопливо поплелся по длинному и, как оказалось, необычно узкому коридору.

И сразу же, словно подсказывая ему направление, в далеком темном торце замаячило светлое пятно, – обрамленная

изнутри веселыми ручейками дневного света, там виднелась полупрозрачная, слегка приоткрытая дверь.

Вскоре парень уткнулся в ее матово-стеклянную поверхность и остановился. Но сзади вновь сильно пихнули – и он, невольно вытянув руку вперед, резко открыл створку дверей вовнутрь кабинета.

Луч восходящего за окном солнце больно полоснул по глазам – парень зажмурился, машинально прикрывшись рукой.

– Проходи! – голос был не сержанта; пленник опустил руки и, прищурившись, бегло осмотрелся.

За массивным белым столом, выставив вперед костлявые рыжеволосые руки, сидел щупленький человек с блестящей лысиной на крупной продолговатой голове. Большие темные дуги у век четко и ясно подчеркивали его маленькие слезливые глазки.

Он кисло растянул бледные губы, равнодушным, безучастным взглядом пробежал по настороженному лицу пленника и вяло повторил:

– Проходи. – И откинулся на спинку стула.

Парень сделал два несмелых шага, и только было собрался облегченно опуститься на рядом стоящий стул, как неожиданно в глаза ему бросилось почему-то показавшееся странным и даже нелепым сочетание двух, нет – трех, составных интерьера кабинета, а точнее – двух портретов за спиной лысого и развернутого в углу красно-белого знамени с волнистыми черными полосками поперек.

Пленник недоуменно оглядел рисованные портреты, на одном из которых была изображена, по-видимому, коронованная особа, а на другом – напыщенный хлыщ с надменно-презрительным взглядом и квадратным подбородком вышибалы, потом перевел взгляд на флаг, закрывавший своим ярко разрисованным полотнищем почти полстены, затем – на лысину сидящего перед ним человека, и осторожно прислонил зад к замусоленному краешку стула.

– Встать! – рявкнул лысый, глаза его злобно, словно у хищной птицы, сверкнули. – Не к теще на блины пожаловал! – Он неожиданно скривился в улыбке, показав ряд неровных желтых зубов.

Пленник испуганно дернулся, вскочил и вновь уставился на человека за столом. Но теперь уже боязно, с утроенной настороженностью.

– Где сообщники? Отвечай! Быстро!.. – голос лысого сорвался, перешел на сип.

– Я н... не знаю... Я один, – сбивчиво забормотал парень и быстро заморгал.

– А фамилию свою знаешь, паршивая свинья!

– Н... нет! – вздрогнул тот и неожиданно опустился на стул.

Однако лысый вдруг успокоился, и на самовольный поступок пленника, казалось, не обратил внимания. Не спеша пошвырял с места на место бумаги на столе, встал, вышел вперед, пружинисто приблизился к парню, оглядел его внимательно, снова растянул в улыбке губы и процедил сквозь зубы, покачивая головой:

– Ах какой бедненький, ах какой несчастненький... Ты что, расквашенная рожа, издеваешься надо мной? – Глаза у плешивого помутнели, и над ухом парня вновь грозно прогрехотало: – Грязная свинья!.. Встать! – И резко, с разгону, поддел того за шиворот. Ворот рубахи сердито затрещал, пленник испуганно отпрянул в сторону, зацепился ногой за ножку стула и – что есть силы грохнулся на пол, оставляя в руке следователя разорванный пополам воротник.

Лысый зло выругался, швырнул остатки воротника в лицо парня, заложил руки за спину и, раскачиваясь с носков на пятки, уставился на распластанного у своих ног пленника.

А когда тот несмело поднялся, снова прорычал:

– Так ты будешь признаваться, ублюдок? Где сообщники? Говори!.. – И умело саданул ребром ладони по лицу ничего не понимающего парня.

Всплеснув руками, арестант неестественно вытянулся и снова рухнул на пол.

Лысый досадливо поморщился, не спеша обошел лежащего без чувств парня, кивнул стоящему у дверей сержанту и снова уселся за стол.

Сержант быстро сбегал за водой, опрокинул полведра на голову пленника, а когда тот подал признаки жизни, внимательно оглядел его, затем посмотрел на кислую физиономию своего шефа, отошел к двери и снова замер там статуей.

Как только парень поднялся и, утирая рукавом разбитые в кровь губы, затравленно глянул на своего истязателя, тот неожиданно смягчился, вздохнул устало, потискал ладонями виски и вполне миролюбиво пробурчал, махнув рукой:

– Садись!.. Сам виноват, сказал бы правду – и все было б в норме. – Он пожевал губами, откинулся на стуле и снова примирительно обронил: – Ладно, черт с тобой, пока повременим с этим. Скажи, как зовут – и ладно. – И уставил на пленника округло-рыбьи глазки.

Парень опять часто заморгал, лицо его нервно дернулось, глаза заблестели, и вдруг по изуродованным ссадинами щекам пробежали две маленькие, искрящиеся на солнце бисеринки – он заплакал, без всхлипов, тихо, спокойно, безысходно.

Кто я? Кто?! Он не знал. Память не хотела отдавать свою тайну. И он невольно поймал себя на мысли, – чудовищной, дикой, просто невысказанной здесь, в этом отвратительном кабинете, перед этим нелюдем, палачом! – что он рад, беспредельно рад от того, что не знает, не ведает, кто он и откуда. И не хотел сейчас этого знать. Не хотел! Чтобы не выдать. Невольно. Случайно. Не вытерпев избиений, пыток, унижений.

Но кого он мог выдать? Кого?! Однако надо что-то отвечать. Но – что?

Что?!

Где-то далеко, в пугающей бездне сознания, – еще не до конца очищенного от наплыва всевозможных псевдореальных наслоений, жестко скрученного физической и душевной болью, – вдруг стала появляться еле заметная светлая точка, готовая вот-вот осветить своим еще не окрепшим, совсем еще слабым огоньком ту неуловимую, скрытую бороздку в непросветной черной мгле памяти, в которой затаились долгожданные ответы на все терзавшие его вопросы. И в первую очередь они были нужны ему. Ему! А не этому бездушному, безмозглому животному.

Но такой ли он безмозглый?.. И что ему сказать, чтобы как-то смягчить эту мерзкую, поганую душонку, чтоб хотя бы немного удовлетворить его профессиональное и, по-видимому, переросшее в патологическую болезнь любопытство ищейки, и, наконец, хоть этим на какое-то время оттянуть миг развязки? Неминуемой развязки. По всей вероятности, пугающей развязки и, скорее всего, – трагической...

– Хочешь разжалобить меня своими соплями? – снова оскалился лысый и с явным удовольствием скрестил руки на груди. – Ну, ну, валяй. – Потом подался вперед, уперся о край стола своим жиденьким животиком и таким же булькающе-мерным голоском опять поинтересовался: – Так как тебя зовут, недоносок?

Пленник растерянно затряс головой, размазал по лицу слезы, шмыгнул распухшим, чуть свернутым в сторону носом и еле слышно проговорил:

– Н... не знаю, я... забыл...

– Не знаю! Забыл! – гундося, передразнил его лысый, быстро вынул из папки большую цветную фотокарточку и швырнул ее на стол. – А это что, знаешь? Не забыл?

Пленник настороженно вытянул вперед шею – на фото была запечатлена картина в массивной позолоченной рамке. А на картине – сидящий в роскошном плетеном кресле самодовольный молодой человек в ослепительно белой рубашке-манишке и светлых узких брюках конца прошлого века. Нога его с четко заостренным коленом была беззаботно перекинута на другую – и словно для того, чтобы безвестному художнику было легче изобразить, а может быть, и подчеркнуть его дорогие и сверхмодные в ту далекую пору ботинки.

– Так знаешь? – уже злее повторил следователь. Он вышел из-за стола, сунул фотокарточку под самый нос парню и рявкнул: – Или тоже забыл?!

Пленник удивленно округлил глаза, вновь часто захлопал ресницами, испуганно глянул на лысого и снова уставился на фото. Он узнал человека, изображенного на картине – это был он сам! Только чистенький, выхоленный, с надменным, жестким взглядом, и пленник подумал, что сходство с ним было, к сожалению, только поверхностным, контурным. И – неожиданно позавидовал своему безвестному двойнику. Но не его чистой и не заляпанной кровью и грязью одежде, нет. А его подчеркнуто независимому виду. Его гордому и, одновременно, неброскому, почти доброжелательному превосходству над всем окружающим. Его еле заметной усмешке на устах, и даже, казалось, чуждому здесь, на этой живописной, прекрасной картине, бесовскому огоньку снисходительного презрения в слегка прищуренных глазах.

Пленник неотрывно, почти не моргая, смотрел на фотографию и почему-то никак не мог оторвать взор от нее. И парню вдруг почудилось, что изображенный на картине юноша подмигнул ему. Конечно, это был бред. Однако внутри пленника, – где-то глубоко, в самом затаенном уголке его распирающей от частых и глухих ударов сердца груди, – неожиданно что-то сдвинулось. И сразу как будто что-то изменилось в его растоптанной, раздавленной душе. Словно резко открылась какая-то невидимая, запредельная задвижка, за которой

все время пряталось то давно затертое, то вконец забитое, – однако всегда неустанно теплившееся там, – которое зовется просто и понятно – человеческим достоинством.

Он отвел глаза от фотокарточки и теперь уже смело посмотрел на своего мучителя.

Уловив во взгляде пленника пока мало понятную ему перемену, он сразу же убрал с лица свою идиотскую ухмылочку и настороженно отступил назад. Скулы у следователя заострились, нервно заходили желваки и, как всегда в таких случаях, появилась растерянность.

Лысый судорожно передернул плечами, звучно проскрежетал зубами и отвел глаза в сторону.

– Свинья!.. – еле слышно процедил он чуть погодя, злясь, скорее, на себя, чем на пленника. И неожиданно вскинув кулаки, прокричал, разбрасывая слюни: – Где картина, сволочь?! Отвечай!..

Пленник невольно отстранился, ожидая удара. Но его не последовало. Следователь внезапно потух – на впалых щеках появились иссиня-желтые пятна, он хрипло задышал и устало оперся ладонями о стол. Затем осторожно опустился на стул, трясущимися руками спешно порылся в карманах, нашел там крохотную таблетку, бросил ее на язык и торопливо, обливаясь, судорожно двигая кадыком по красной жилистой шее, запил водой прямо через край графина.

Пленник облегченно выдохнул – еще раз пронесло. Его мозг лихорадочно работал, ища хоть какое-нибудь маломальское объяснение происходящему. Картина. Какая картина? Причем здесь картина? И причем здесь я?! Парень недоуменно глянул на вдруг изменившуюся рожу следователя, а точнее – на его бойко бегаящий кадык.

Пить. Пить! Казалось, полмира он отдал бы сейчас за глоток воды. Обыкновенной. Пускай теплой, приторной, хоть из лужи, хоть из болота. Любой! Но – воды! Воды!! А она была вот, рядом, так беспечно, так несправедливо текущая мимо губ, на подбородок, шею этого отвратительного, этого ненавистного ему человека. И течет – о ужас! – на пол.

Он сглотнул горькую горячую слюну, и взгляды их вновь встретились.

– Сволочи! – наконец просипел следователь. – Сдохнешь тут когда-нибудь из-за вас, подонков... – Тяжело выдохнул, поставил графин на место и обессилено откинулся на стуле.

Пленник невольно перевел взгляд на графин, на что сразу же отреагировал следователь.

– Пить хочешь, – не то спросил, не то утвердил он, сужая в тонкие щелки свои крысиные глазка, и вдруг протянул тому графин. – На, пей. – А когда парень привстал, собираясь схватить воду, резко бросил: – Но сначала скажи, где картина? – Ухмыльнулся и добавил: – И можешь его выхлебать хоть до дна...

Парень замер с протянутой рукой, немного подумал и через силу уронил:

– Я скажу, но сначала дайте попить...

– Хорошо, – неожиданно согласился плешивый слуга закона, и это было, скорее, неожиданнее для него самого, чем для пленника. Он давно уже был озлоблен на всех и вся, считая задержку в своем продвижении по службе виновным кого угодно, но только не себя. И все неудачи – и на службе, и в постели любовницы, и за удочкой у единственного в стране пруда – приписывал этим паршивым людишкам, этим недоноскам, ублюдкам, которые, вместо того, чтобы трепетать перед ним, беспредельно уважать его, верного защитника Закона, вместо того, чтобы лелеять и безумно любить эту Власть, восторгаться своими Вождями, фанатически оборонять вечные и незыблемые устои своей Великой Державы, наоборот, так и норовят укусить, ужалить, надсмеяться над всем этим!..

Пленник пил долго, жадно, взхлеб, вода увертывалась, упрямо, капризно стекала по подбородку, шее, груди, капала на пол, омывала его грязные, сбитые, но некогда – лет сто назад – модные и баснословно дорогие ботинки. И парню вдруг показалось, что весь смысл существования в этом непонятном и враждебном ему мире внезапно сфокусировался в одноединственное желание, – единственное и бесспорное, достойное внимания и преклонения, – это желание пить, пить бесконечно и много, всегда и всюду, пить и пить, только – пить.

Но когда жажда стала потихоньку удаляться, куда-то вглубь, в сторону, а сознание обрело способность реально оценивать обстановку, он с горечью и отчаянием подумал: а отвечать-то ему и нечего, а значит – снова будут бить. И он... обрадовался, опять обрадовался, как и в прошлый раз, – обрадовался тому, что не знает, о чем хочет дознаться этот отвратительный жандарм, ибо и теперь не был уверен в себе, в своей стойкости и выдержке к побоям, пыткам, унижению...

Однако мозг упорно не хотел сдаваться – сопротивлялся, искал выхода из ловушки: чудовищной, дикой, кошмарной! И когда из графина вытекли последние капли живой влаги, внезапно оборвав внутри гамму противоречивых чувств – от блаженства и безразличия до страха и безысходности, – он решил схитрить.

– Картину унес мой сообщник.

– Куда унес? – подался вперед следователь.

– Н... не знаю... Наверное, где-то спрятал. Прямо там... – И неопределенно кивнул куда-то в сторону.

Лысый вышел из-за стола, подошел к пленнику и, сверля его глазами, спросил:

– А как вы умудрились пронести в хранилище другую картину и даже незаметно вмонтировать ее в ту же рамку?

– Какую опять картину? – парень испуганно заморгал.

– Почти такую же, какую вы, идиоты, сперли, но только без твоей паршивой рожи! – Тонкая темная жилка под его левым глазом резко дернулась и замерла, перекосив слезящийся глаз; следователь прищурился, унимая нервный тик, затем быстро заложил руки за спину, приподнялся на носки и принялся монотонно, выжидающе раскачиваться взад-вперед. Был он намного ниже своего подопечного, и поэтому периодически почти вплотную приближался своим морщинистым лбом к его подбородку. И пленник каждый раз напрягался, ожидая удара головой в лицо.

Наконец парень не выдержал, отступил на шаг и проговорил:

– У нас не было никакой картины... – Лицо его выражало беспредельную искренность.

– Была, паршивый, была, – почти ласково не согласился с ним лысый. – И притом эксперта уверены, что она того же автора... – Его скулы вновь заострились, взгляд посуровел. – Но нам непонятно, куда девалась та, точно такая же, но с небольшой лишь разницей: на ней запечатлена еще и твоя вонючая физиономия... Только эта картина и имеет подлинную ценность! Решил спереть ее, чтобы хвастаться, мол с меня рисовали, да? Или продать?.. Дурак. Знаешь, сколько она стоит? Больше миллиарда! В нее вложено почти все состояние нашей великой республики! А ты, свинья, ее спер. Ведь все равно не продашь, некому...

Молодой человек судорожно сглотнул и несмело подал голос:

– Но... но если оставшаяся картина написана тем же автором, то и она, наверное, не меньше стоит...

Лысый скривил щеку, обронил:

– Смышленный. Просто гений. – И рявкнул: – Она ни хрена не стоит! Потому что ни в одном каталоге не значится!.. – И замер, вдруг обомлев, затем тихонько отошел в сторону, уткнулся взглядом в пол, потом резко повернулся к парню и бросил задумчиво, словно в пустоту: – А в этом что-то есть... Но нужно еще доказать ее авторство. – Он снова подошел к пленнику, уставился прямо ему в глаза и сказал: – Неплохо, неплохо... И если за нее дадут хотя бы миллион... – Поджал губы и дернул головой. – Неплохо! Но для этого нужна та картина. Только она! Пейзаж, изображенный на них, одинаковый. Даже, кажется, стул, на котором твой двойник сидит, точно такой же... И если сопоставить их, мы сможем смело доказать ее авторство. Непременно! Наше государство выиграет. Выиграет на целый миллион! А может быть и больше... – Он круто развернулся на пятках, прошел к столу, а когда уселся там, снова внимательно посмотрел на стоящего перед ним молодого человека и подумал: «А если выиграет государство – выиграю и я!»

Так ты говоришь, где-то там спрятал ее твой поделщик? – все так же не сводя с пленника своего острого взгляда, пробубнил он.

– Да, да, – с готовностью закивал парень, быстро смекнув, что если он клянет на это и повезет его куда-нибудь, то наверняка может подвернуться неплохой шанс удрать от них. Обрести свободу. Долгожданную свободу!.. Но для этого нужно, чтобы он непременно поверил ему, и пленник уже увереннее проговорил: – Кажется, я догадываюсь, куда он мог ее запрятать!

Лысый вскинул брови, пожевал губами, затем прищурил глаза и прохрипел:

– Сейчас мы это проверим...

Через полчаса они уже подъезжали к небольшому двухэтажному зданию, окруженному со всех сторон мощным бетонным забором.

Крупнолицый молодой стражник открыл заднюю дверцу патрульного газика – и пленник выпрыгнул наружу. День был солнечный, теплый, и он невольно улыбнулся ясному синему

небу, с удовольствием подставляя лицо под ласковые струи легкого освежающего ветерка.

Но недолго ему дали наслаждаться всем этим. Сзади грубо толкнули – и он, понутив голову, поплелся по узкой асфальтированной дорожке, ведущей к внушительной проходной будке с полуоткрытым верхним ярусом для торчащих в разные стороны пулеметов.

Следователь шел сзади, а по бокам пристроились два охранника с хмурыми, почти одинаковыми лицами, и хотя руки пленника находились в наручниках и все вокруг было чуждо, враждебно ему, мысль о побеге не покидала его ни на минуту.

У проходной их встретил вяло-сонный вахтер в полувоенной форме. Недовольным, придиричивым взглядом он обвел подошедших и настороженно задержался на парне в наручниках. Однако, когда следователь сунул ему под нос свое удостоверение, сразу же подтянулся и, козырнув, пропустил всех внутрь ограды.

Пройдя еще один пост у входа в здание, они зашли в помещение, где лысый сразу же снял с пленника наручники; затем они проследовали по темному мрачному коридору первого этажа и уткнулись в тяжелую стальную дверь с блестящим рядом секретных замков. Поколдовав с минуту возле них, они открыли дверь, спустились по крутой железной лестнице в подвальное помещение, там сели в лифт и опустили еще на два этажа ниже. Здесь их встретил юркий сухонький старичок, который сначала остолбенело уставился на пленника, но потом засуетился и с подчеркнутой готовностью сопроводил их дальше, всю дорогу, без усталости, твердя еле слышимым голосом: «Осторожно-с, ступенька, сюда-с...»

Примерно через минуту они очутились в тусклом, с низким потолком помещении, больше похожем на бомбоубежище, чем на хранилище бесценных государственных реликвий.

– Вот тут-с, – утробным гулом разнесся по углам интеллигентный говорок старика.

Следователь подошел к висящей на гладкой бледно-серой стене небольшой картине – примерно, сорок на пятьдесят сантиметров – притронулся к ее позолоченной рамке, осторожно, словно боясь обжечься, провел ладошкой по шероховатой, казалось, небрежно набросанной на холст краске, после резко обернулся, выкатил кругляшки глаз, сделавшиеся здесь иссиня-темными, и деловито-напыщенным голосом пророкотал:

– Итак, начнем. – Затем придвинулся вплотную к пленнику и осведомился, метнув взгляд на стену: – Она? – Его крючковатый палец с потрескавшимся, чуть удлинненным ногтем картинно взметнулся вверх, к полотну, а после так же быстро опустился до уровня груди пленника.

И вдруг что-то екнуло у того в груди, и тут же, будто вспышки молнии, – яркие, озаряющие, – засверкали где-то в стороне. Парень недоуменно приоткрыл рот и уперся глазами в изображение на картине. Он неожиданно почувствовал, как бы, дуновение легкого освежающего ветерка. Этот удивительный дых пушистого, нежнейшего локона обдал пленника разом, и, одновременно, ласкаясь и дразнясь своим невидимым телом, игольчато заискрился разноцветными огнями в его уставшем от тяжелых дум мозгу.

Это длилось несколько секунд, после эфемерный ветерок чего-то непонятного, таинственного еще раз обласкал парня и – ушел куда-то вглубь, казалось, в самую первоматерию. Но неожиданно вернулся – и вновь пыхнул по всему телу. Но теперь уже обдал не лицо, не кожу, а будто изнутри обжег – приятно, трепетно, игриво... Да, именно так он и представлял ее – эту загадочную картину.

Тревожно, сладко, интригуяще засвербило у парня в голове, и глубоко, чудовищно глубоко щекотнуло, чуть ли ни по самым затворкам подсознания, а может – и глубже.

И пленник прищурился. Но не от света – от непонятной силы, исходящей от холста. Он никак не мог оторвать глаз от завораживающего пейзажа гениального художника. Хотя, на первый взгляд, ничего сверхъестественного там не было. На фоне далеких, посеребренных снегом гор, за которыми только что скрылось жаркое летнее солнце, оставившее четкие кровавые мазки на разбросанных по горизонту клочковатых облаках, стояло в окружении каких-то реденьких облезлых кустов и двух скрюченных березок старомодное плетеное кресло. Вот, собственно, и все, что было запечатлено на этом, казалось, малопримечательном, неброском полотне.

Но почему все это ему пугающе знакомо? Знакомо – до испепеляющего душу чувства. А точнее – ужаса непонимания! Будто только что он сам был там, в том далеком, давно ушедшем мире, дышал тем воздухом – чистым, живительным; казалось, что только вчера он сам был неделимой, цельной частью той романтической и по-своему совершенной эпохи, где, в конце концов, – непонятно, немислимо как?! – он, вроде

бы, и нашел свое настоящее, подлинное счастье. Счастье – неожиданно материализовавшееся в простых масляных красках, незадачливых ее мазках, но каким-то чудом сумевших сгруппироваться в четкую, конкретную форму обыденного вечернего фона вокруг легкого плетеного кресла, с которого было удобно и спокойно созерцать чуть пренебрежительным, слегка надменным взглядом весь этот прошлый и, хотелось бы, будущий мир...

– Да, – наконец выдавил парень и растерянно посмотрел на лысого.

– Что – да! – разозлился тот. – Это твоя картина?

– Нет... то есть, это та картина, которую мы повесили вместо пропавшей.

– И зачем вам нужен был этот спектакль? – искренне удивился лысый. – Ну, сперли – и все... А подменять-то зачем?

– Нам так посоветовали.

– Кто посоветовал?

– Друзья... – шмыгнул носом парень, взглянул на следователя и спросил: – Можно я подойду поближе?..

– Нет! – рявкнул тот. – Хватить болтать! Куда вы спрятали ту картину и где достали эту? Отвечай! – И грозно уставился на пленника.

Но парень уже не слышал этих слов – его неумолимо тянуло, влекло, тащило к этому странному полотну. Как будто какая-то неведомая, дьявольская сила вдруг связала их невидимыми нитями и теперь нахально пихала туда, приговаривая – сладко, заморожено, магически: иди сюда, парень, иди, здесь твое спасение...

Пленник неожиданно для своих грозных охранников резко шагнул вперед – и те не успели опомниться, как он уже притронулся указательным пальцем к тому месту на картине, где было изображено кресло и в котором до недавнего времени восседал его неизвестный двойник.

Голова пленника приятно закружилась, тело обмякло, превратилось, как бы в пушинку, а возникший тут же легкий щекотливый ветерок тотчас подхватил ее и, обернув миниатюрным, выразительно точным рисунком, водрузил на полотно великого живописца, а точнее – в удобное плетеное кресло на нем.

Бывший узник неторопливо перекинул ногу на ногу и насмешливо-презрительным взглядом уставился на ошеломленные физиономии своих недавних мучителей.

У него даже не было страха. Потому что он уже не принадлежал этому миру – ему принадлежала лишь эта картина. Теперь он мог спокойно, без лишних эмоций, поразмышлять: кто он – картина или живая плоть? Рисунок или человек? Человек, сумевший силой гения художника перепрыгнуть через непробиваемую скалу времени? Но – зачем? Увидеть к чему, в конце концов, пришло человечество? А к чему оно пришло?.. А может, этой изумительной картине просто-напросто надоело висеть здесь, в этой глухой, отвратительной темнице, и олицетворять, вернее, концентрировать в себе чье-то богатство, могущество, и ей захотелось вырваться наружу, к людям, к солнцу, принять облик простого, ничем не примечательного человека?

Да, наверное, ей до чертиков опостылело принадлежать этому убогому, не понятному ей миру, и она при первой же возможности, вобрав в себя облик человека, ринулась отсюда, в надежде убраться подальше, в более подходящее более симпатичное ей место. Но вот – куда именно? И с какой все же целью? Может быть – бороться? Но с кем? И можно ли здесь кого-нибудь когда-нибудь победить? Ведь тут, кажется, уже давно все побежденные и покоренные, и, видать, – вместе с победителями...

Голоса, топот мечущихся ног он не слышал. Развернувшееся перед ним действие казалось немым, словно было отгорожено глухой прозрачной стеной. Бегающие вокруг люди были возбуждены, нет – они были на грани истерики; их перекошенные рты то и дело раскрывались – судорожно, как у выброшенной из воды рыбы, хватали воздух, и бывший пленник не на шутку забеспокоился: как бы с кем чего не случилось? Он, казалось, уже все забыл – и побои, и пытки, и издевательства, и унижения. А отметив это, удовлетворенно вздохнул, хотя вздохом это назвать было нельзя – в пространстве картины были свои законы.

И вдруг парню почему-то стало жалко этих людей. Жалко и обидно. За них, за этих, по-видимому, все же несчастных людей. А правильно ли это было – он не знал. Да и не хотел почему-то задумываться над этим.

Через некоторое время беглец обрадовано заметил, что возбуждение вокруг картины, а точнее, вокруг его внезапного исчезновения, стало потихоньку спадать, а по лицам своих недавних пленителей – понял, что все, кажется, кончается для него не так уж плохо. И все, вроде бы, довольны таким не-

ожиданным, поистине чудотворным исходом. Ведь картина-то нашлась! Вернее – восстановилась! И гордость государства, его бесценное сокровище, а точнее – игрушка, ласкающая уже столько лет болезненное воображение правителей, водружена на место, в бронированный подвал, подальше от посторонних, завистливых глаз. В общем, можно было незамедлительно и с чистой совестью рапортовать об успешном завершении особо важного задания.

Полчаса спустя подвал опустел. Свет потух, тяжелая массивная дверь из сверхпрочной стали неохотно сдвинулась и беззвучно захлопнулась. Картина осталась одна в глухой щемящей темноте.

2

Интуитивно почувствовав, что шаги за дверью удалились, а беготня и говор наверху смолкли, бывший пленник попытался соскользнуть с картины. И – кажется, получилось! Он облегченно вздохнул и настороженно прислушался. Все было тихо – до звона в ушах. А значит – пока безопасно.

Но зачем он сошел с картины? Пленник не знал. Скорее, подсознательно чувствовал, что нужно вернуться сюда, в этот мир. Жестокий мир. Но вернуться так, чтобы опять не угодить в лапы служителей закона. Дьявольского закона.

Однако, очутившись здесь, на бетонном полу подвале, он вновь почувствовал неуверенность и страх. Ибо снова стал человеком. А для людей этого мира боязнь, ущемленность – были нормой. И как только окончательно осознал это – испуг неожиданно притупился, ушел, растворился где-то глубоко внутри, слился воедино с телом, сделался обыденным, привычным, но – обострил зрение и слух до предела.

Он осторожно, на цыпочках, подкрался к двери, прислушался, затем вернулся к картине, снял ее со стены и пристроил под мышкой. Теперь, решил парень, она должна всегда быть рядом.

Беглец снова подошел к двери и легонько постучал. Делал это он почти неосознанно, будто во сне, однако вполне реально ощущал, что все время настойчиво и упрямо преодолагает себя, через силу приглушая внутри неумный, предательский озноб страха. А спасительной отдушиной от этого ненавистного ему чувства теперь было одно – возможность быстрого и

безболезненного отступления во чрево картины; побег туда, в неведомое, но, по-видимому, – все же безопасное.

И даже когда слышались приближающиеся шаги, у него еще не было готового плана побега. Но теперь уже было одно неумное, всепоглощающее желание – желание действия, немедленного, срочного; да еще была, наверное, дикая, всепроникающая злоба, вдруг вылезшая откуда-то из нутра и неожиданно разлившаяся по телу тугими наэлектризованными струями.

Шаги замерли за дверью – и пленник снова постучал.

Замки мягко щелкнули, дверь еле слышно скрипнула – и в открывшемся сумрачном проеме показалось настороженное личико старика. Глаза его прищурю ощупали темноту, а в следующий миг, уже немного по привыкннув, удивленно остановились на пленнике.

Сухое морщинистое лицо старика перекосила гримаса страха – и он тотчас рванулся назад, спешно прикрывая дверь за собой. Однако, парень успел выкинуть ногу в проем двери и схватить старика за рукав, и тот, к удивлению пленника, не стал вырываться.

– Это вы?.. Опять вы?! – сдавленно проклокотало в горле пожилого охранника. – Как так можно? Как?!

– Вы знали меня раньше? – Пленник чуть ослабил пальцы на его пиджаке.

– Знал? – опешил старик. – Да я же вас отсюда тот раз выпускал!.. Вы что – забыли?

– Да, забыл, наверное... – смущенно пробормотал парень и уточнил, сморщившись: – Они у меня все мозги отбили: – Он отпустил рукав старика и нервно потер ладонями свои виски.

– Это они умеют, – задумчиво заметил охранник и вздохнул.

– Значит, это вы помогли мне – а я и не помню... – Пленник поджал губы и замотал головой.

– Да, я – кто же еще? Я тут и охранником, и истопником служу, за канализацией, сантехникой присматриваю, в общем, мастер на все руки... Однако вас поймали?

– Поймали где-то...

– Меня тоже допытывали. Но я им ничегошеньки толком не сказал. Все про эту чертову картину твердили – кто ее подменил? А я почему знаю?.. Спасибо племяшу – вырвал от этих нехристей, будь они неладны... Он в горрегистрауре сидит. Какой-никакой – а начальник.

Пленник опять взял старика за рукав, но теперь уже доверительно, по-товарищески, и сдавленным голосом обронил:

– Скажите, кто я?

Бледноватая кожа на лице старика шевельнулась, изменила оттенок, покрылась тонкой сетью новых морщинок, складки у губ стали глубже, жестче, и он, выдохнув, тихо проговорил:

– Вот и тот раз вы точно так же меня спросили... А кто вы – одному Богу ведомо. Если он послал вас сюда, значит так ему нужно. Чего уж тут поделаешь? А послать он мог, по моему, только человека. Это точно. Значит вы – человек. Вот и будьте им, уважаемый. Смотришь, со временем все и узнаете... – Он немного помолчал в задумчивости, затем тихо добавил: – Я снова помогу вам, молодой человек.

– Спасибо, отец. Но куда мне пойти?

– Я дам адрес. Надежный адрес, будьте уверены.

– А если я возьму с собой картину?.. – вдруг вырвалось у парня. Он повернулся боком, выставляя вперед полотно, а через пару секунд продолжил: – ...то вам, наверное, придется туго? – И скинул глаза на старика.

Тот пожевал губами, покивал головой и выдохнул:

– Ничего, молодой человек, ничего... Я уже свое отжил, спрос с меня невелик, найду чем отбрехаться. После всех этих чудес-расчудес они в растерянности. И даже в страхе. Еще в каком страхе – ручаюсь! Всему поверят, чего ни наговорю. Все примут за чистую монету. Так что не тревожьтесь за меня, старого, забирайте свою картину – и с Богом!

Беглец осторожно приоткрыл калитку, поправил под мышкой завернутую в замусоленную газету картину и вошел внутрь обширного неухоженного двора, небрежно огороженного со всех сторон забором из старых сосновых досок.

Тропинка, ведущая к большому рубленному дому с полуогнившей драночной крышей, проходила мимо ветхой собачьей будки. Бывший пленник несмело огляделся, а затем торопливо засеменял по тропинке.

Из будки тотчас высунулась лохматая заспанная физиономия собаки. Пес покосился на чужака красным слезящимся глазом, зевнул и снова спрятался.

Это очень удивило и даже немного развеселило парня. Ведь когда он, казалось, чудом выбрался из того трижды проклятого подземелья и направился на поиски указанного стариком адреса, где, как ему объяснили, он мог побыть какое-то

время в безопасности, его всю дорогу одолевали собаки. Злые, голодные, просящие. Почти как он.

Они были везде, в каждом проулке, в каждом закутке, и складывалось впечатление, что кроме озверелого захлебного лая, доносившегося будто из самой пустоты, а точнее, из вонючего помойного воздуха, и хищных оскаленных рож, то и дело высовывающихся из всевозможных дворов, щелей, ям, здесь ничего другого и не было. Город собак, страна псов. Но ведь и они бывают разные! Разные – и плохие, и хорошие. Как люди.

За весь его долгий путь по бесчисленным лабиринтам всевозможных улочек, перекрестков ему повстречалось лишь несколько человек, да и то каких-то странных – сгорбленных, пришибленных. Но, в то же время, вся грудь которых была увешана какими-то яркими, петушинно-крикливыми знаками отличия, – то ли медалями, то ли орденами, – и к кому бы он не обращался, все; как один, – кто испуганно, а кто заискивающе, – зыркали в ответ и молча, кто кивком головы, кто взмахом руки, указывали ему дальнейший путь.

А здесь была миролюбивая и даже где-то симпатичная мордашка, без всякого намека на агрессивность, на немедленную защиту своей территории от непрошенного гостя.

Беглец с благодарностью глянул на собачью будку и прошел к веранде. Покрутился по сторонам, в надежде увидеть кого-нибудь из хозяев, но двор и прилегающий к нему маленький огороδικ были пустыми. Тоша он тихо постучал в дверь.

Легкая жиденькая дверь негромко задребезжала и, скрипнув, отворилась внутрь веранды. Парень раздвинул шторы из простенького голубоватого материала, просунул голову и вполголоса проговорил:

– Кто-нибудь есть?

Ответом было молчание. Тогда он шагнул внутрь, огляделся, увидел небольшой столик у окна, положил на него картину, немного подумал и открыл следующую дверь, ведущую в дом.

И как только переступил порог, откуда-то из больших цветастых занавесок, отгораживающих прихожую, донесся слабый хрипловатый старушечий голос:

– Кто там?..

Беглец отвернул занавеску и прошел в комнату.

– Это я, бабушка, здравствуйте.

– Это кто же ты? – Старуха приподнялась на постели, еле заметные брови дрогнули, зашевелились, глубокие темные борозды на сероватом лбу ожили, передвинулись, почти безгубый рот что-то быстро пожевал, чуть приоткрылся и показал два сиротливо торчащих желтых зуба.

– Я по рекомендации Пантелея Елизаровича. Он здесь написал... – И протянул ей маленький клочок бумажки.

– Садись, милый, садись... – Она опустила голову на солидную гору подушек и, вздохнув, удовлетворенно проговорила: – От Пантелея – это хорошо... А записку спрячь, сейчас придет внучка – ей и отдашь. Я совсем ничегошеньки не вижу, скоро, видать, ослепну вконец, Господи... И все болею, болею... – Лицо ее вдруг сморщилось, сразу увеличив и без того несчетное количество морщинок, а по вздрагивающим грубоватым щекам неожиданно пробежали две крупные мутноватые слезинки. – Так и не доживу, наверное, до того чудного дня, когда внучка под венец пойдет, Господи...

– Вам плохо, бабушка? – забеспокоился парень.

– Ничего, сынок, ничего. Катится вода из глаз без причины...

В прихожей послышались легкие, быстрые шаги – и дом тотчас наполнился звонким девичьим голосом:

– А вот и я, бабуля! Сейчас мы!.. – И оборвался на полуслове. Увидев облаченного в какую-то странную, изрядно помятую и грязную одежду молодого человека, лицо которого было обильно усеяно синяками и ссадинами, девушка на секунду опешила и отступила назад.

Парень обернулся, встал быстро и сказал:

– Здравствуйте. Я по поручению... извините, по рекомендации Пантелея Елизаровича... – И смущенно заморгал глазами.

– Галинка, – подала голос бабка, – накорми гостя и прочти у него записку. Чего там старый нацарапал...

– Да, да, бабушка, – с готовностью протараторила девушка, взяла у парня бумажку, быстро пробежала по ней глазами и сообщила: – Ничего особенного не пишет, бабуля. Сегодня вечером обещал зайти. Просит устроить этого молодого человека на день-два... – И оценивающе осмотрев беглеца, улыбнулась одними глазами. Затем еще раз взглянула на записку и бросила, не поднимая глаза: – Неприспособленец?

Парень непонимающе вскинул брови, пожал плечами и пробормотал:

– Не знаю...

– Понятно, – вздохнув, кивнула девушка и уже тоном хозяйки распорядилась: – Ну чего стоите – мойте руки! Обедать будем!

– Ну ты, стрекоза, помягче-то с гостем, – опять подала голос старуха и, повернувшись к внучке, ворчливо поинтересовалась: – Лекарства-то достала?

– Достала, – махнула рукой девушка, – да не все, вечером придется снова идти.

– Ну слава Богу, хоть что-то есть... – Бабка опять уставилась в потолок, ее светлые, по-молодому блестящие глаза, казалось, что-то вновь увидели там – только ей доступное, только ей понятное.

А через несколько минут, проглотив принесенную внучкой таблетку, она прикрыла свои иссиние-темные веки и, кажется, уснула.

Сумерки наступили внезапно. Падающее за горизонт солнце стремительно закрыла надвигающаяся из-за далеких серебристо-синих гор черная туча и – будто враз приблизила вечер. Однако, Пантелея Елизаровича пока не было.

Галинка еще полчаса подождала, невесело поглядела в окошко и тихо обронила:

– Ну ладно, пойду, а то скоро стемнеет.

– А знаете, – несмело отозвался беглец, – пойдемте вместе? Ведь все же как-то безопаснее для вас.

– Для меня? – Девушка всплеснула руками и грустно улыбнулась. – Господи, да вас же, наверное, сейчас даже на кладбище ищут!

– Наверное, – вздыхая, согласился парень и отвел глаза в сторону. – Но если мне переодеться?.. – И снова посмотрел на нее.

– Он дело говорит, – послышался скрипучий бабкин голос. – Скоро на дворе темень будет. А сейчас что ни день, то грабеж или убийство – Бога на них нету, антихристы... А он все же мужик! Пусть нацепит дедовы отличия...

– Ладно, уговорили, – Галинка подошла к шкафу, вынула темно-серые брюки и такого же цвета пиджак, лацканы которого были сплошь увешаны какими-то золочено-серебряными побрякушками, – то ли медалями, то ли орденами, – и подала их гостю. – Одевайтесь в это, так безопаснее.

Беглец повертел в руках довольно-таки необычную для него одежду, недоуменно взглянул на девушку, хотел что-то спросить, но не решился, и принялся молча переодеваться.

Они шли по улице уже минут пятнадцать. Скоро совсем стемнело, и лица попадавшихся навстречу людям были почти не заметны. Хотя настороженность, отчужденность все же угадывалась. Теперь это проявлялось в походке, в произвольных жестах, в неестественной торопливости и еще в чем-то неуловимом, чего беглец, казалось, не видел, но явственно чувствовал, однако – не мог понять, не мог осмыслить.

Медали и ордена, безмятежно болтавшиеся у него на груди, теперь оповещали о себе лишь своим ритмичным, в такт шага, позвякиванием да еще иногда тусклыми, пугающими темноту бликами драгоценного металла. Однако парень до сих пор не мог отделаться от того жгучего, выворачивающего душу впечатления, которое он испытал, выйдя на улицу с этими необычными и непонятными для него «аксессуарами» на груди. Особенно – когда увидел лицо первого повстречавшегося ему прохожего. Оно было неестественным: и почти-тельным, и насмешливым, и растерянным. И все это – вперемешку со страхом и завистью. То же самое, или что-то похожее он машинально улавливал в глазах почти всех попадавшихся ему по дороге людей.

Но спросить Галинку об этом, пока совершенно не понятном, прямо обескураживающем его обстоятельстве, не решался. Почти весь путь она была какая-то хмурая, задумчивая и... недоступная.

Имелись и другие без конца терзавшие его вопросы, которые скопились в истерзанной сомнениями душе беглеца, и которые беспрерывно толпились и тусовались где-то внутри. Мучили и пытали, но – не покидали разум, не разряжали напряженность мысли каким-нибудь, пусть даже не самым лучшим, не самым приемлемым для него объяснением. Но все же – объяснением! Но – нет. Этого, к сожалению, не происходило.

И все это, естественно, сказывалось на его внутреннем мире, на его вконец расстроенной психике, затуманенном парадоксами сознании, отражаясь пока лишь в виде своеобразных сомнений, терзаний, разочарований, но которые, как это ни странно, сейчас прочно лепили его характер, делали его тверже, основательнее, со всеми своими неожиданными, противоречивыми особенностями, и в конечном итоге рождали в

нем все то оригинальное, все то уникальное, чем, собственно, и выделялся каждый отдельно взятый человек из массы себе подобных. А имея такое непростое и практически еще ничем не заполненное пространство познания, он уже произвольно, словно по течению, попадал в своеобразный живительный поток беспрерывного обновления своих беспокойных мыслей, целительный поток очищения своего нутра, а значит – и изменения всего внутреннего мира, что, в конце концов, и делало его душу устойчивее, а личность – неповторимее.

И лишь только когда они подошли к большому пятиэтажному дому, и Галинка, мотнув головой в сторону одного из немногих тускло светящихся квадратов вверху, остановилась и настороженно сообщила, что это здесь, в том окне, он, наконец, осмелился задать ей первый вопрос:

– Скажите, Галя, почему у вас здесь такое преувеличенное, вернее... э-э... какое-то искаженное преклонение перед поощрительными знаками?

– Перед чем? – не поняла девушка и удивленно повела бровью.

– Ну, перед этими, как их... наградами, что ли? – то ли спросил, то ли пояснил он, неожиданно потупившись, и одновременно радуясь тому, что из-за темноты Галинка не видит этого.

– А у вас? – ее глаза блеснули в ночи озорным огоньком.

– У нас? – в свою очередь удивился беглец. – Н... не знаю.

– Вот и не спрашивайте. Идемте!

Они прошли ко второму подъезду, поднялись на третий этаж, Галинка, не раздумывая, позвонила в одну из дверей.

Дверь почти сразу же отворилась, и в ярко освещенном проеме появилась фигура мужчины в черной кожаной куртке и пепельного цвета брюках. Плотно сжатые губы еще заметно дрогнули, выдавая волнение, а большие роговые очки с затемненными стеклами быстро пробежали по кричащей серебром и золотом груди парня и настороженно замерли на уровне лиц молодых людей. Мужчина отступил в сторону и кивком пригласил войти.

Но Галинка вдруг резко отпрянула, скоропалительно бросив:

– Ой, извините, мы ошиблись подъездом!.. – Схватила парня за руку и потянула назад, к лестнице.

– Нет, постойте! – Человек в кожанке переступил порог и попытался их задержать. Однако беглец неожиданным пово-

ротом плеча отстранил девушку в сторону и резким выпадом колена ударил в пах незнакомца.

Тот охнул, скрючился и повалился на пол. А молодые люди через несколько секунд уже были на улице. Бежали они молча и долго.

– Ой, кажется, мы заблудились... – вдруг услышал он запыхавшийся голос девушки. Она остановилась, пошарила в темноте рукой и, не найдя своего спутника, тихо позвала: – Где вы? Идите сюда...

Беглец шагнул на голос, наткнулся на Галинкину руку, взял ее в свою ладонь. Грудь раздирало бешено колотившееся сердце, и он отчетливо почувствовал по часто пульсирующей жилке на запястье девушки, что и она не меньше его устала.

– Кто это был? – наконец немного отдышавшись, любопытствовал парень.

– Мрак, – выдохнула Галинка и обессилено опустила на землю.

– Мрак?.. Кто это?

– Господи! – вдруг разозлилась девушка, резко вскакивая. – Ты что – с неба свалился?! Ничего не знаешь: ни про награды, ни про мраков, ни про... – Голос ее внезапно оборвался, сорвавшись с шепота на крик, и, испуганно пригнувшись, она с силой прижала к губам ладони.

– И про Неприспособленцев, – тихо подсказал парень шутливым тоном.

Разгоряченное, покрасневшее лицо девушки не умело долго быть сердитым, и если бы сейчас было светло, беглец бы увидел – оно дрогнуло в улыбке и неожиданно стало еще привлекательнее, еще милее.

– Поди же, ему еще и весело, – беззлобно огрызнулась Галинка. – Вот попадетесь – тогда узнаете...

– Уже узнал, – сдавленно обронил бывший пленник.

– Тем более, – осуждающе заметила девушка и, потянув его за рукав, примирительно прошептала: – Идемте, я, кажется, сориентировалась... А по дороге постараюсь ответить на все ваши, – она вновь улыбнулась, – животрепещущие вопросы. Хотя не пойму: почему вы этого не знаете? – И в ее голосе уже прозвучали нотки явной обескураженности и – даже неверия.

– Может, вы из Чужаков? – спросила она минуту спустя, когда они вышли на твердый ровный грунт дороги. И это было обращение, скорее, не к своему спутнику, а к себе самой. –

Но тогда, – продолжала задумчиво девушка, – вы, наоборот, должны знать намного больше, чем, например, я – местная. – И приостановилась, глянув на беглеца. Глаза ее заинтригованно вспыхнули в темноте, отразив на мгновение тусклые блики редких звезд.

– Не... не знаю, – растерянно повел плечами парень и нервно дернул головой. Но девушка, казалось, не обратила на это никакого внимания, вернее не увидела, она слегка прижалась к руке своего спутника и деланно поучительным тоном проговорила, снова увлекая его за собой:

– Значит так, первое, Неприспособленцы, – это люди, которые не могут жить ни здесь, ни за столбами.

– А где это – за столбами?

Девушка резко отстранилась, развернулась к нему, всплеснула руками и бросила сквозь смех:

– Нет, вы невыносимы!

После снова поддела его руку, потянула за собой и доверительным голосом поинтересовалась:

– Признавайтесь: представляетесь?

– Нет, к сожалению... – Он замедлил шаг, легонько сжал ее руку и проговорил: – Поверьте, я совершенно не знаком с вашей жизнью. Это – правда. Как будто только вчера родился!.. – Голос его сорвался.

– Ой, тише! – девушка дернула парня за руку. – Пойдемте, пойдемте... Хорошо, я вам верю и все расскажу...

И они быстро зашагали по еле заметной обочине дороги. Ночь была безлунной, облачной – лишь кое-где просвечивались тусклые немигающие точки далеких созвездий. Темные квадраты домов мрачной шеренгой вытянулись вдоль их маршрута. Нище не проглядывалось даже слабого огонька, и, казалось, что город вымер, вымер давно и безнадежно.

– Значит так, – продолжала Галинка, – Неприспособленцы, как я уже говорила, – это категория людей, которые не могут приспособиться, вернее, примириться с существующими законами.

– А почему?

– Не знаю. Наверное, в силу своего характера...

– И что с ними делают?

Девушка вздохнула и с желчью в голосе бросила:

– А вы не догадываетесь?

– Н... нет, – замылся парень. – Их сажают?

Она грустно усмехнулась и бесцветно обронила:

– Дезинфицируют, так это у нас называется. – И чуть погодя глухо добавила: – Вернее, у них...

Несколько минут они шли молча, затем беглец осторожно напомнил ей:

– А мраки?

– Тайная полиция, – буркнула себе под нос Галинка и резко мотнула головой: – Еще будут вопросы?

– Будут, – улыбнулся парень в ответ и прибавил: – Ну что вы злитесь?

– Я не злюсь. Мне просто непонятно: как нельзя не знать таких простых элементарных вещей?! О которых, наверно, известно каждому ребенку, каждому пацану?!

– Значит – я хуже пацана. – Беглец тяжело вздохнул, высвободил руку и нервно провел ладонью по лицу.

– Так уж и хуже!.. – голос у нее дрогнул, она снова нашла его локоть, слегка сжала его и тихо проговорила: – Извините меня, дуру, мелю всякую чепуху...

– Ну что вы! – он даже чуть приостановился. – Это вы меня извините...

Немного погодя, как бы между прочим, она подсказала ему:

– Вы, кажется, интересовались и про награды? – Беглец молча кивнул. – Так вот, чем больше у человека медалей, орденов, различных профессиональных знаков поощрения – тем больше к нему уважения, доверия, а значит – почитания, славы. А у кого все это есть – у них, нередко, и власть, и деньги. И притом – бешеные. Отсюда: и страх, и зависть, и ненависть, и прочее...

– Значит, эти люди заслуживают этого?

– Наверное. – Она поджала губы, повела плечами.

– Почему – наверное? Что – бывают и случайные, недостойные?

– Не знаю я... Раньше, во времена бабушкиной юности, когда было еще единое государство, говорят, награждали только особо отличившихся, а сейчас.

– А сейчас?

Она чуть приостановилась, повернулась к нему лицом – беглец неожиданно встретился с отраженным в ее глазах тусклым бликом какого-то огонька, внезапного и настороженного, вдруг промелькнувшего где-то вдалеке, за черными навалами домов, у самого горизонта.

– А сейчас у кого много денег – у того много и наград.
– Интересно, – парень дернул головой, и они снова зашагали в прежнем темпе. – Значит, эти побрякушки, – он пробежал пальцами по лацкану пиджака, – синонимы богатства и власти?

– Выходит, – вздыхая, подтвердила девушка.

– Но почему же они не помогли, когда мы встретились с тем вашим браком?

– Они, может быть, и помогли бы... Да я испугалась, побежала...

– Пойдите! Ведь их же можно и самому изготовить, вручную?

– Можно. Но для этого нужен драгоценный металл. А его достают только за большие деньги. А у кого есть деньги, тот, как правило, не утруждает себя этой кропотливой работой – просто покупает их на черном рынке. И документы к ним.

– Это карается законом? – допытывался парень.

– Конечно. Смертная казнь – обычный приговор. И в основном преследуются те, кто изготавливает их и продает. Даже если ты продал свои законные. Но я еще ни разу не слышала, чтобы наказали того, кто купил.

– Ясно, – буркнул беглец, вздохнул, мрачно огляделся, сбавляя шаг, и поплелся дальше. А немного погодя, когда они пересекли очередной перекресток и свернули налево, на широкую улицу, освещенную одиноко здравствующим окошком на самом верху девятиэтажного дома, вновь обратился к ней: – Вы говорили про какие-то столбы. Что это?

Девушка неожиданно потянула его на середину дороги, сказав полупшепотом:

– Пойдемте на ту сторону – там не так заметно. А то еще нарвемся на какой-нибудь случайный патруль... – А когда они перебежали улицу и пошагали по узкому каменному тротуару, огороженному рядом маленьких пушистых елочек, продолжила таким же тихим голосом, отвечая на его вопрос: – Столбы – это граница нашей Республики. Она проходит здесь недалеко. Два ряда двухметровых столбов, стоящих, примерно, метрах в тридцати друг от друга, очерчивают полосу, разделяющую одну республику от другой. Ширина этой полосы всего четверть километра, но чтобы перейти ее... – Она замолчала, покачала головой, поджала губы, потом глухо проронила: – Это опасно.

– Опасно?.. Почему?

– Зона в этой местности подвергается какому-то воздействию. – Голос у нее сломался.

– Там стоят генераторы излучений?.. пси... психотронных... Психотронных?! – Беглец приостановился и коснулся ладонями своих висков – он неожиданно что-то вспомнил. Очень важное. Необычное. Однако слабый, еле светящийся огонек каких-то блеклых воспоминаний дрогнул, колыхнулся где-то глубоко в мозгу и – погас. Вместе с этим странным, непонятным ему словом.

– Психотронных? А что это такое?.. – девушка бросила на своего спутника удивленный взгляд. А увидев, как тот напряженно тискает свои виски, обеспокоенно спросила: – Что с вами?.. Вам плохо?

– Ничего, так просто... – Он с силой выдохнул. – ...вдруг что-то вспомнилось... Так там стоят генераторы?

– Ничего там нет, – поникшим голосом ответила Галинка, – ни машин, ни людей. Одни голые деревянные столбы. Но, рассказывают, переходить эту полосу очень опасно.

– Кто рассказывает?

– Люди, – простой, немудреной фразой пояснила она и, чуть помолчав, задумчиво прибавила: – Говорят, кто перейдет ее – сразу меняется...

– Кто меняется – человек?

– Ну, наверно! Кто же еще?.. – Девушка, кажется, опять рассердилась, и беглец понял, что она, наверняка, сама толком ничего не знает – потому и злится. А может – чего-то и не понимает.

Тогда он увел разговор чуть в сторону, спросив:

– И далеко уходит эта линия столбов?

– Да нет, как обычно. Ведь город разделен практически на равные территории...

– Что?! – Беглец остановился как вкопанный и резко, всем корпусом, развернулся к девушке. – Ты хочешь сказать, что здесь, в этом городе, разместилось несколько самостоятельных республик?!

– Конечно. А что тут удивительного? – Она качнула головой, вытянула губки и заинтересованно глянула на беглеца. – Все наше некогда до абсурда огромное государство вот уже более четверти века расчленено, примерно, на тысячу отдельных, строго изолированных друг от друга республик. И, думаю, это правильно. Хотя со многим, конечно, я не согласна... Или не знал? – И лукаво повела бровями. Однако парень этого

не заметил – и не только из-за темноты. Он обескуражено кивнул, машинально взял девушку под руку и молча, казалось, через силу волооча ноги, побрел дальше.

Привел его в себя разочарованный выдох Галинки, неожиданно раздавшийся возле самого уха:

– Вот мы и дома.

Беглец недоуменно повертел головой и с трудом обнаружил недалеко от себя темный силуэт знакомой ограды.

Они подошли ближе, к калитке, и свет, струившийся сквозь крохотную дырочку в плотно зашторенном окошке, неожиданно упал бледным расплывчатым пятном на лицо Галинки. Парень посмотрел в опечаленные глаза своей очаровательной спутницы – и вдруг понял: она огорчена не только тем, что не смогла достать лекарства, но и еще чем-то. Может быть тем, что их необычной прогулке подошел конец и сейчас они должны, к сожалению, расстаться, вернее, разойтись по разным комнатам? Он боялся в это поверить, – вдруг ему это просто показалось?

Парень осторожно дотронулся до плеча девушки и хрипло отозвался:

– Да, мы у дома... – И только было хотел притянуть ее, приласкать, как она, словно разгадав намерения спутника, быстро протараторила, увертываясь в сторону:

– А что мы скажем бабушке насчет лекарства? – И игриво сверкнула отраженными в глазах огоньками.

Беглец тряхнул головой, шумно выдохнул, пожал плечами, буркнул:

– Не знаю... – И не искушая себя больше, торопливо прошагал в калитку.

Лысый небрежно приклепнул большой массивной папкой полудохлую жирную муху на столе, скривился и подумал, тяжело вздыхая: «Если бы так просто можно было разделаться и с тем удравшим ублюдком! Эх, если б... Что же теперь докладывать Первому? Этот чертов боров меня же сотрет в порошок, смешает с дерьмом!..»

Он хмуро оглядел вытянувшихся перед ним громил, – высокого широкоплечего парня в полувоенной форме и среднего роста детину в черной кожаной куртке, – и сишло проворчал:

– Так что же, недотепы, будем делать?

«Недотепы» враз судорожно сглотнули и вновь замерли в тревожном ожидании. Однако их, казалось, заплесневелые

мозги были не такими уж протухшими – они лихорадочно работали, стараясь мгновенно предугадать в тоне какого-нибудь случайного слова или незначительного жеста даже малейший нюанс, даже крохотный перепад в настроении своего грозного и безжалостного начальника, характер которого уже был досконально ими изучен, и главное теперь заключалось лишь в одном: не упустить тот момент, – во что бы то ни стало предугадать, предвосхитить его! – чтобы сразу же, как только ярость патрона достигнет «критической массы», отвести удар от себя, то есть – предложить ему то, что, по их интуитивному предположению, только-только начинало созревать в его, опять же по их глубокому убеждению, чугунной башке.

И один из них, кажется, уловил этот опаснейший миг, подобострастно обронив:

– По-моему, необходимо срочно усилить охрану припограничной зоны недавно созданным отрядом «поиск-икс».

– И немедленно ввести туда особые пропуска!.. – мгновенно примазался другой.

– Тогда мы будем абсолютно уверены, что картина не ускользнет к соседям! – скоропалительно перебивая, закончил первый и, увидев, как размякли жесткие морщинки в уголках плотно сжатых губ его властного патрона, понял, что попал, кажется, в точку.

Лысый уперся руками в край стола, затем резко оттолкнулся от него, откидываясь на спинку стула, довольно пожевал губами, а после снисходительно изрек:

– Да, это решение в данный момент, наверное, самое оптимальное... Он не должен от нас уйти. – И с размаху саданув ладонью по столу, сердито подчеркнул: – Не должен! – Покачался на задних ножках стула и уже миролюбиво проворковал: – Ну а дед-то что-нибудь показал?

– Никак нет, шеф!

– Значит, молчит, старая коряга... – И скривил в подобие улыбки свою бледноватую щеку.

– Теперь уже вряд ли заговорит, – вдруг разоткровенничался второй.

– Перестарались? – грозно сверкнул глазами лысый и... неожиданно горестно вздохнул. В груди у него непонятно защемило, и он изумленно подумал: «Господи! Что это я, жалею его, что ли? Этого старикашку? Этого прохвоста, предателя?! Нет. Нет!.. Не дай Бог еще перевертышем стать. Нет.

Нет! Не хочу!.. Все больше ноги моей там не будет, на этой дьявольской границе! Все!..»

– Он был совсем дохлый, шеф... – стал плаксиво оправдываться первый; его неестественно узко посаженные глазки лихорадочно забегали, но уже в следующий момент, учуяв несерьезность опасности, стеснительно уткнулись в красный коврик дорожки.

Лысый свел гармошкой лоб, коснулся ладонью затылка, поправил там скудные остатки некогда роскошных локонов, дернул головой:

– Выходит, так мы и не узнаем, как этот паршивый тип устроил нам цирк с подменной картины и тайным ходом для беглеца? – И не спеша, изучающе, обвел взглядом своих ретивых сотрудников. Помолчал, поиграл желваками, а затем рывкнул, разбрасывая слюни: – Что я буду сегодня вечером докладывать Первому, а?! – Он бешено выкатил на них свои наливишиеся кровью глаза и грозно распорядился: – Чтобы к трем часам дня этот мерзавец стоял у меня здесь! – И резко выкинул руку в сторону замерших по стойке смирно, обезумевших от страха мраков; перевел дых, смачно высморкался в огромный белый платок и уже спокойнее прибавил: – А картина лежала тут! – И с силой ткнул длинным корявым пальцем в гладкий пластик стола.

Галинка и беглец молча прошли за занавеску, к старухе. Но та уже спала, сипло, со свистом, посапывая и изредка со стоном что-то бормоча во сне. Они, конечно, не стали ее будить, хотя им и интересно было узнать, приходил ли Пантелей Елизарович, Галинка осторожно поправила сползшее на пол одеяло, и они тихо, на цыпочках, вышли из спальни.

Девушка постелила гостю на веранде, а сама устроилась на диване, в прихожей. Примерно в полночь в дверь веранды тихо, но настойчиво постучали.

Беглец тотчас проснулся, вернее, сразу же открыл глаза, так как почти не спал, а находился где-то на грани забытья – между явью и сном, постоянно ощущая свое присутствие, как бы в двух измерениях: здесь, в этой, на первый взгляд, странной, интригующей реальности, нелепо материализованной в виде добротного деревянного жилища, его хозяев – и еще не совсем ему понятных, но, по-видимому, хороших, милых людей, и в другой – неосязаемой, выраженной блеклыми виде-

ниями чего-то далекого, доброго, мучительно знакомого и желанного...

Парень оторвал от подушки голову, прислушался, затем резко приподнялся, вскочил на ноги и подбежал к двери.

– Кто там?

– Свои, – раздался тихий хриловатый голос.

Беглец быстро отпер засовы, осторожно приоткрыл дверь и увидел перед собой толстого низенького человека, закутанного в длинный, до пят, плащ. Его большие оттопыренные уши, неестественно выделявшиеся на белой, с реденьким пушком миниатюрной головке, в свою очередь основательно посаженной на тройной, без шеи, подбородок, наострились и, кажется, даже слегка колыхнулись в поиске подозрительных звуков. А маленькие круглые глазки в обрамлении тонких паутинок морщин, которые неожиданно обрывались у основания приплюснутого шарика, заменяющего нос, настороженно дрогнули, часто захлопали мясистыми веками и недоуменно перлились в лицо парня.

– Кто вы? – спросил толстяк, чуть приоткрыв розовые, будто у женщины губы.

– Я?.. – опешил беглец. – По-моему, этот вопрос должен исходить от меня.

– Где Галинка? – не обращая на его реплику, опять поинтересовался незнакомец.

– Спит. – И чуть помедлив, добавил уже дружелюбно: – Да вы проходите.

Толстяк тотчас, не медля, внес свое объемистое тело внутрь веранды, сделав ее сразу намного меньше и теснее.

– Разбудить нужно! – ни то попросил, ни то приказал незнакомец и виновато уперся взглядом в парня.

Секунду-другую тот упорно размышлял, – делать это, или не стоит, – и, наконец, решился:

– Хорошо. – И исчез за дверью прихожей. А через минуту вернулся с Галинкой: на ее заспанном, но уже чуточку ухоженном лице застыла тень тревоги и озабоченности.

– Что случилось? – спросила она, хмуро оглядывая незнакомца, однако в следующую секунду уже узнала его: – Маркелыч? Вы?..

– Вам нужно немедленно скрыться! – с ходу выпалил толстяк.

– Почему? Что случилось?..

Маркелыч развел в стороны свои маленькие пухлые руки, пожал плечами, проговорил быстро:

– Только что мне звонил племянник Пантелея Елизаровича и сказал, что его дядя арестован. Вчера вечером его вызывали в Главное Управление, расспрашивали о Пантелее. Он сумел добиться с ним свидания. И вот... – Толстяк запнулся на полуслове, посмотрел на парня, а затем вдруг упавшим голосом подытожил: – Вот, собственно, и все.

– Спасибо, – задумчиво обронила девушка, немного постояла, глядя прямо себе под ноги, затем подняла на беглеца блестящие тревожным огоньком глаза и, встретившись с его вопросительным взглядом, тихо проговорила: – Надо уходить. – И, неожиданно встрепенувшись, стала быстро собираться.

Однако скоро остановилась и, потупившись, опустила на стул:

– А как же бабушка? – И подняла на мужчин вдруг опечаленные глаза.

Маркелыч шагнул к ней, участливо положил руку на плечо:

– Не беспокойся, дочка, я помогу...

Несколько мгновений она колебалась, но потом решительно мотнула головой и принялась вновь суетиться.

Через полчаса они уже шли по заросшей тропинке, ведущей через их скромный сад на соседнюю улицу. На востоке только-только забрезжил рассвет, пока лишь чуточку приглушив, вернее, размазав бледноватыми мазками яркость соседствующих по горизонту звезд, и поэтому на улице было еще довольно-таки темно.

Беглец шел след в след за Галинкой, ориентируясь в основном по ее светлой косынке, мельтешившей впереди белыми бликами, да еще – по торопливому хлесту девичьих туфель о мокрую и липкую траву.

Вскоре они вышли на открытую местность и огляделись.

– Кажется, там есть проход, – шепнула девушка, вытягивая руку в сторону тусклого просвета между темных силуэтов приземистых зданий, – пошли...

Беглец пошевелил онемело застывшими пальцами в насквозь промокших и раскисших от росы ботинках, – некогда, века полтора назад, сверхмодных и баснословно дорогих, а теперь попросту смешных, карикатурных, – перекинул под мышкой завернутую в тряпку картину и, неприятно чмокая

сырыми носками о скользкие подошвы, поплелся за своей спутницей.

Выйдя на твердую, укатанную кромку дороги, они прошли несколько одноэтажных домиков, скорее напоминавших дачи, чем постоянное жилье, и остановились возле одного из них.

– Здесь живет моя хорошая знакомая, – сказала девушка сиплым, вздрагивающим голосом, и беглец понял: или она все еще не оправилась от испуга, или – и это скорее всего – просто сильно продрогла.

– Вы не бойтесь, – на всякий случай поддержал ее парень, – я с вами...

Глаза девушки неожиданно блеснули в темноте озорным огоньком – и беглец догадался, что она улыбнулась. А затем послышался уже более четкий, с легкой иронией голос:

– Ну если вы со мной – тогда идемте.

– Идемте, – отозвался парень и тоже улыбнулся.

Россыпь звезд на небе уже основательно притухла, и восток теперь вполне ясно заявил о скором рассвете. Галинка отодвинула задвижку в заборе, открыла калитку и только было собралась пройти, как раздалось негромкое тьяканье собаки.

Девушка отступила на шаг, посмотрела на своего спутника, но тот, напрягая зрение, глядел куда-то в сторону.

– Смотри! – наконец бросил он и настороженно прислонился к забору. – Машина какая-то!..

Галинка резко обернулась – и в этот момент в их сторону ударил яркий луч автомобильных фар.

– Бежим! – испуганно дернулась она и, пригнувшись, кинулась обратно, вдоль ограды.

Но не пробежав и десятка метров, путь им преградили два человека с автоматами наперевес. Они бросились назад – однако и там выросло несколько фигур с выставленным вперед оружием.

Беглец от досады сплюнул, а девушка неожиданно зло чертыхнулась.

– Как некрасиво, – послышался ехидный голосок, и следом грозный рык: – А ну-ка ручки кверху, паршивые интеллигентшишки!

Девушка чуть помедлила, но исполнила приказ, а парень в отчаянном бессилии проскрежетал зубами и нехотя, не спеша, поднял лишь одну руку – под мышкой второй была картина.

– Бросай сверток, недоносок! – донесся простуженный хрип откуда-то сбоку и тут же тупой холодный металл ствола уперся ему под лопатку.

Беглец осторожно опустил картину на мокрую липкую землю и все так же нехотя поднял вторую руку.

Их быстро, грубо тиская, обыскали, подобрали картину, затем спешно запихнули в наглухо крытый фургон и куда-то повезли.

Дорога была плохая, с ухабами, и пленников непрерывно кидало из одного угла в другой. Наконец машину перестало трясти, и через некоторое время, набрав скорость, она помчалась по ровному, по-видимому асфальтированному, покрытию дороги.

Парень пошарил в темноте рукой – и наткнулся на плечо девушки.

– Галинка, – позвал он, подсаживаясь ближе и не заметно для себя переходя на ты: – Как себя чувствуешь?

– Прекрасно, – усмехнулся девичий голос, – лучше не придумаешь...

– А куда нас везут, случайно не знаешь?

– Точно не могу сказать, – уже серьезным тоном отозвалась девушка, – но вот в какую сторону, кажется, догадываюсь... – И неожиданно замолкла.

– Куда же? – нетерпеливо дернулся беглец.

– По-моему, в сторону границы... – тихо дрогнул у нее голос; она быстро нашла его руку, крепко сжала ее и выдохом закончила: – Мне почему-то страшно, боюсь я этого места...

Парень доверительно коснулся свободной ладонью мягких девичьих локонов, искрящихся в темноте на ее хрупких плечах и маленьких упругих бугорках груди серебряными нитями, и взволнованно прошептал:

– Все обойдется, Галинка, вот увидишь! Мы же вместе!..

Он и не заметил, как эта, на вид невзрачная, чуть грубоватая девчонка стала для него совсем близкой и – даже родной; и он вдруг почувствовал к ней уже совсем не то влечение, которое на какой-то миг испытал вчера, там, у калитки. Сейчас оно было намного глубже и... непонятнее, таинственнее. И это странное чувство – взбудораживающее душу чувство! – сладко мучило его, щекотливо интриговало.

Девушка была рядом – вот ее вздрагивающие ладони, только стоит сделать небольшое усилие, чуть придвинуться, обнять – осторожно, незаметно; прижаться к этому мягкому,

хрупкому, но почему-то безрассудно манящему телу, утонуть в нем – безумно, сломя голову...

Но что-то сдерживало, останавливало, заставляло думать совсем о другом, лихорадочно искать выхода из этой чертовой ловушки, в которую они с Галинкой так глупо попали – непростительно глупо, до смешного легкомысленно, как несмышлениши, как дети!

И вдруг понял, что рад, очень рад, что она словно ребенок доверилась ему – пусть пока интуитивно, просто так, ища защиту у более сильного; пусть это всего лишь легкое, невинное прикосновение – к нему, к его руке, еще не сильной руке, но – мужской; однако все равно он был рад, беспредельно рад этому, ибо теперь почувствовал ответственность не только за больную, беспомощную бабуку, за доброго и мудрого Пантелея Елизаровича, за простого добродушного толстяка Маркельча, за неизвестного ему племянника, но и за нее – эту хрупкую милую девушку. Он должен, он обязан защитить ее! А значит – и всех, связанных с нею. Но в первую очередь – ее! Да – ее!

Беглец крепче сжал руку девушки и повторил уже громче, увереннее:

– Не бойся, Галинка, все обойдется. Обойдется!

В ответ девушка прильнула к нему плечом, заставив сердце парня колотиться еще сильнее. А по еле заметному отсвету ее глаз он понял – Галинка повернулась к нему лицом. Поцелуй их был долгий и страстный. И не прервали его даже раздавшиеся где-то совсем рядом звучные хлопки выстрелов. Лишь душераздирающий визг шин и резкая, с крутым виражом остановка заставили молодых людей разомкнуть горячие уста.

Беглец замер. После легонько отстранил девушку, встал, прислушался. Затем подскочил к заднему борту и что есть силы надавил на дверцу. В этот момент раздался мощный, с оглушительным треском взрыв. Машину подкинуло и повалило набок.

Галинка еще не успела по-настоящему испугаться, как резкий толчок в спину вышвырнул ее в открывшуюся от удара дверцу.

Девушка ойкнула, приземляясь на сухую жесткую траву, машинально потеряла ушибленный бок, подняла голову и – увидела разбегающихся от машины людей. А чуть ближе – стремительно мчавшегося в ее сторону беглеца. В разорванной штанине, с перемазанным лицом, с возбужденными, ре-

шительными глазами он походил на одержимого безумца, вдруг вырвавшегося на свободу, но неожиданно потерявшего что-то очень важное, бесценное, дорогое.

Уже совсем рассвело. Однако солнца не было видно – небо покрылось тугой свинцовой пленкой, готовой вот-вот лопнуть и обрушиться на землю поток холодного затяжного дождя.

Они огляделись. Фургон горел, намереваясь через секунду-другую взорваться и потревожить глухую окрестность близ города красочным фейерверком шального огня. А пока – лишь приземисто клубился черным едким дымом над обширной марью, сплошь и рядом усеянной желтоватыми плешинами кочек да синегато-бледной россыпью голубики.

Раздумывать было некогда, и беглец рванулся к машине. С ходу выбил остатки переднего стекла кабины, из которой тотчас вывалилась рука убитого водителя, брезгливо отпихнул ее в сторону и бросился назад. Горячее дыхание взрывной волны догнало его скоро – подхватила, приподняла и резко опустила почти у самых ног обезумевшей от страха девушки.

– Господи! – оборвалось у нее внутри. – Ты что – спятил?!

– Картина... – только и смог вымолвить парень, счастливо улыбаясь.

– Нашел из-за чего рисковать, – осуждающе мотнула головой Галинка. – Нужно самим спас... – И прикусила язык, растерянно глянула на сияющую физиономию своего спутника и изумленно простонала: – О-ой, да мы же за столбами?!.

– Где? – не понял беглец, мгновенно убирая с лица улыбочку.

– Машина пересекла границу, – шепотом пояснила Галинка. – Мы на чужой территории, в соседней республике... – И кивнув потемневшим то ли от гари, то ли от изумления лицом в сторону черной от дыма равнины, указала рукой: – Смотри, вон идут два ряда пограничных столбов.

– Значит, на нас напали пограничники?

Галинка чуть помедлила и закачала головой:

– Вряд ли, те бы не убежали. А эти... эти удрали. И вроде бы на нашу территорию. – Она уже немного успокоилась, и в ее глазах засветился привычный огонек живого любопытства.

– Выходит, они хотели нас догнать?

– Выходит, – вздохнула Галинка. – Но, наверно, не успели, кинули вдогонку гранату уже у самой границы...

Девушка старательно отряхнулась, осторожно, словно крадясь, вышла на середину широкого и прямого как линейка шоссе, придирчиво осмотрела незнакомую местность и совсем обыденным голосом обронила:

– Вот я и за границей. Всю жизнь мечтала... – И грустно улыбнулась.

– И ничего с тобой не случилось, – задумчиво заметил беглец. – Как и со мной...

Взгляд Галинки вдруг посерьезнел и она проговорила:

– Да, действительно, нам всю жизнь трендили: если пересечешь эту зону, то сразу же изменишься. Превратишься в дебила, идиота. А то и вовсе погибнешь. А тут, – она поджала губки, повела плечами, – как было, так все и осталось...

– А может все же что-то изменилось? – Парень подошел к девушке вплотную и взял ее за руку.

– Может быть, – ответила она, чуть помедлив; подняла глаза, с интересом глянула на беглеца и повторила, кивнув: – Может быть.

Небо над ними совсем почернело, послышался тяжелый кашель приближающейся грозы. А когда стал накрапывать мелкий, нарастающий дождичек, они быстро, не раздумывая, пошагали, обратно, в сторону границы. Однако скоро сзади послышался подозрительный гул. Оглянувшись, они увидели приближающийся вездеход.

Он обогнал их, резко развернулся и устоялся на путников фыркающим радиатором. Несколько человек в грязно-зеленых, с белыми разводами комбинезонах выбрались из машины, потоптались на месте, словно пробуя на прочность слегка почерневший от дождя асфальт, затем один из них тихо, вразвалочку, то и дело поправляя небрежно висящий на шее автомат, направился навстречу молодым людям.

– Ой, кажется, пограничники! – испуганно дернулась Галинка. – Это конец!..

Однако парень так не считал. Он быстро развернул держашую под мышкой картину, швырнул ее на дорогу, схватил девушку за руку и, резко дернув на себя, шагнул вместе с ней на живописное полотно неизвестного гениального художника.

3

Тело девушки вдруг куда-то поплыло, затем резко рухнуло вниз, стремительно полетело в пугающую бездну разры-

вающегося вглубь и вширь пылающего желто-красным вихрем пространства, – кувыркаясь и замирая, Галинка то и дело широко открывала рот, чтобы закричать, замолить о помощи, однако звука не было, все было тщетно, – и наконец, мгновенно сбросив с себя вес и всевозможные ощущения реального мира, безболезненно сжалось и идеально вписалось в картину, аккуратно пристроившись за спину уже сидящего там в старомодном плетеном кресле молодого человека.

Страх исчез, осталось только любопытство и удивление, и Галинка с интересом принялась наблюдать за растерянно мечущимися вокруг людьми.

Недоуменно озираясь, шныряя по кустам, запинаясь о кочки, пиная камни, палки, комья слипшейся глины, непрерывно заглядывая под вездеход и даже под картину, все так же спокойно лежащую на мокром липком асфальте, они, конечно, были удивлены, вернее, изумлены неожиданным исчезновением перебежчиков.

Наконец один из пограничников, по-видимому офицер, на какое-то мгновение задержался у картины, но после все же прошагал мимо – вальяжно, не торопясь – однако через минуту вдруг вернулся и снова остановился возле нее, пренебрежительно выставив вперед, под самую рамку, тупой подкованный передок своего мощного новенького сапога.

Темные квадраты модных очков покрутились по сторонам, а затем уже не без любопытства уткнулись на валявшееся под ногами живописное полотно. Он осторожно коснулся носком массивной позолоченной рамки, внимательно оглядел ее, нервно выстукивая подошвой сапога какой-то модный ритм, потом легким пинком передвинул картину на более чистое место. А когда опустился на корточки и снял очки, то Галинку обдал цепкий въедливый прищур больших холодных глаз.

Рука стала приближаться, несоизмеримо увеличиваясь одними пальцами – длинными, гибкими, музыкальными, с аккуратно подрезанными ногтями, но все равно похожими на клещи, – отчего девушке снова сделалось нестерпимо страшно, до содрогания жутко.

Она попыталась отпрянуть, однако невидимая сила прочно удерживала ее в этой, казалось, естественной, почти не скованной позе, и поэтому, когда гигантские пальцы ловко подхватили картину, вознесли вверх, прямо к вздутому пупырчатому носу, по сторонам которого вытянулись леденя-

щие душу водоемы глаз, Галинка лишь внутренне сжалась, не сумев даже вздрогнуть, вскрикнуть, зажмуриться.

Офицер внимательно осмотрел находку, отряхнул с полотна капельки влаги, постучал пальцем по рамке, оглянулся, позвал солдата, что-то сказал ему и отдал картину. Тот быстро обтер ее рукавом, расстегнул комбинезон, сунул за пазуху и побежал к вездеходу.

Вокруг по-прежнему резво бегали люди, оживленно разговаривали, бойко жестикулировали друг другу; их мимика была резкой, подчеркнутой, казалась неестественно выразительной, похожей на детскую – наивную, неподдельную, искреннюю. Но как только где-то проскальзывала фальшь, наигранность, там сразу же улавливался страх, просматривалась неприкрытая трусость, откровенная боязнь. Боязнь перед непонятым, необъяснимым, таинственным, вдруг, некстати, свалившимся на их, вроде бы, всегда удачливые головы.

Со стороны все это выглядело бы нормально, естественно, если бы ни одно, на первый взгляд, незначительное обстоятельство – для находившихся в пространстве картины людей данная сцена протекала в абсолютной тишине. Как в немом кино. И поэтому чувства Галинки смешались, казалось, в противоестественном сочетании. И страх, и восторг, и любопытство, и презрение – все перемешалось в ее клокочущей от возбуждения душе. Но когда их небрежно сунули в кабину вездехода и через некоторое время доставили к высокой, со смотровыми щелями вверху проходной будке, а потом провезли через раздвинувшиеся железные ворота на ровную забетонированную территорию, к большому пятиэтажному зданию, по бокам которого пристроились два приземистых барака, в свою очередь огороженных мощным каменным забором, – в ней владало лишь два чувства: страх и любопытство.

Через несколько минут картина уже лежала на столе одного из многочисленных кабинетов этого огромного мрачного заведения.

Глядеть пленникам в окружающую сферу было неудобно – все просматривалось как бы в одной плоскости, будто на экране какого-то супергигантского телевизора. Однако беглец все же смог рассмотреть кабинет. И первое, что отметил – с горечью и проклятием! – он опять попал в лапы лысого. Но ведь этого же не может быть! Не может!! Ведь они же совершенно в другом месте! В другой республике!..

Однако кабинет был, кажется, тот; стоял такой же массивный, с матовым покрытием стол, виднелся красно-белый флаг в стороне, а над развернутым в полстены полотнищем – два красочных портрета: важная особа в пышной аристократической одежде, смахивающей на царскую, и надутый широкомордый тип с лихо оттопыренными ушами.

Только приглядевшись повнимательней, беглец все же обнаружил кое-какие различия. Например, флаг – здесь пересекающие его поперек волнистые черные линии были более угловатыми, более четкими, более резкими. И у него отлегло на сердце. Они находятся в другом месте. В другом! И словно в подтверждение этого в кабинет вошел лихим, стремительным шагом не лысый – вошел другой человек, с огромной рыжей шевелюрой на вытянутой яйцеподобной голове.

Его слезливые, с припухшими веками глазки заинтересованно пробежали по картине, оглядели рамку и прищуро замерли. Нижняя губа отвисла, рука дрогнула, нерешительно приподнялась и осторожно ковырнула сломанным ногтем жирный мазок краски совсем рядом с лицом Галинки, затем провела ладонью по полотну и ритмично протарабанила пальцами по рамке. Желваки на лице нервно заиграли. Он выпрямился, потом вдруг схватил в горсть свою рыжую шевелюру, содрал ее с головы и со злостью швырнул на стул.

Беглец был так потрясен увиденным, что, если бы это было возможно, у него бы полезли глаза на лоб. Однако микровакуумное поле шифроблока неведомой сверхцивилизации прочно удерживало в себе человека, и поэтому лицо и тело оставались неподвижными, замершими, как и положено быть рисунку на картине.

Галинка же к этому обстоятельству, а точнее к человеку, скинувшему парик, отнеслась довольно-таки спокойно. Ведь она никогда раньше не видела лысого. Того – лысого. А если бы видела, то, конечно, была бы не менее изумлена. Ибо последний представлял собой точную копию первого.

Лысый что-то промышчал себе под нос, заложил руки за спину, прошелся по кабинету, то и дело бросая косой взгляд на картину, после остановился возле стола, поразмышлял о чем-то, раскачиваясь на носках и покусывая нижнюю губу, затем резко нахлобучил парик на лысину, сгреб картину, выскочил из кабинета и помчался подлинному узкому коридору мимо стройной шеренги однообразных дверей. А когда подошел к предпоследней, с ходу пнул ее, ввалился внутрь и не-

брежно, даже со злостью бросил картину на стол, хрипло, с надрывом, поинтересовавшись:

– Как это понимать?

Розовощекий рыхлый человек с широким ровным пробормом на жиденьких, аккуратно прилизанных волосах нехотя оторвал тяжелый зад от мягкого, роскошного кресла, недоуменно посмотрел сквозь толстые круглые линзы очков на рыжего, вернее, на лысого, затем перевел взгляд на картину, приподнял очки, вскинул белесые брови и в свою очередь полюбопытствовал:

– Та самая?

– Наверняка.

– Может, подделка? – растерянно буркнул розовощекий и вновь приподнял очки, но теперь уже в сторону вошедшего.

Рыжий недобро усмехнулся, уселся в кресло напротив, перекинул ногу на ногу.

– М-да, – тяжело выдохнул очкарик и тоже опустил в кресло. – Но рисунок изменен?

– В этом нет ничего странного – по описи в наших сверхсекретных каталогах она это частенько вытворяет.

– Кто – она? – не понял розовощекий.

– Картина! – рявкнул рыжий и вскочил. – Не понятно другое: как она могла к нам попасть?! Украсть ее практически невозможно! Это все равно, что стащить золотой запас страны?!

– Но мне докладывали, что в зоне столбов были какие-то люди...

– Были да сплыли! – бросил рыжий и вновь уселся в кресло.

– Их до сих пор не задержали? – насторожился очкарик.

– Увы, они исчезли бесследно.

С минуту помолчали, изредка, с напряжением, поглядывая на лежащий перед ними таинственный шедевр. Но видели они там не картину, нет. Вместо нее на столе лежала груда золота, которая могла бы стать их личной собственностью, не будь эта, на первый взгляд, невзрачная штукovina так хорошо известна в их мире – раздробленном, враждебном, издыхающем, но едином одним желанием: завладеть ею.

Картину нельзя было сбыть, продать, обменять, и поэтому вопрос стал однозначно: как выгоднее для себя, для своей карьеры, наконец, для своего отдела реализовать ее, а точнее – преподнести данный факт власть имущим?

– Кто пойдет докладывать Первому? – осторожно поинтересовался розовощекий и скосил кругляшки стекол на рыжего.

– Разумеется, я, – небрежно обронил тот, деланно вздыхая и недовольно кривя рожу.

«Проныра плешивая! – с ненавистью ругнулся про себя розовощекий, еще сильнее багровея. – Все себе тянет, себе!.. Лысый черт!» Однако внешне отреагировал вполне миролюбиво.

– Конечно тебе нужно докладывать. Кому же еще?.. Но необходимо, хотя бы, маломальское объяснение этому...

– Объяснение? – искренне удивился рыжий.

– Да! – уже увереннее, в надежде на то, что и ему что-нибудь перепадет от неожиданно свалившейся на их головы удачи, подал голос розовощекий.

– Объяснение уже найдено, – спокойно сообщил тому рыжий и усмехнулся. – Это отлично проведенная операция.

– Операция? – настала очередь удивляться собеседнику. – Какая? И кем проведенная?

– Обижаешь, коллега, обижаешь, – скривил губы рыжий. – Моим отделом проведенная операция, моим... – И как ни в чем не бывало отчеканил: – По захвату и переброске в нашу несравненную Республику этого бесценного реликвия! — И резко встал.

«Лисья рожа! – снова мысленно выругался очкарик и нервно заиграл желваками. – Опять хороший куш отхватит. А повышение – это уж точно!» И в сердцах проклиная свою чертову службу, свой опостылевший отдел и весь этот идиотский мир, отчаянно проскрежетал зубами.

А рыжий, не торопясь, подошел к столу, артистично поддел картину, небрежно сунул ее под мышку, глянул на розовощекого, едва заметно ухмыльнулся и злорадно подумал: «Ну что, переспелая хрюшка, получил?» И чинно прошагал из кабинета – провожающий взгляд коллеги по Управлению был откровенно недобрый, завистливым, злым.

И только когда закрылась дверь, розовощекий неожиданно подумал: «А ведь мог и не приходиться. А пришел... Зачем? Наверное, все же чего-то боится, на всякий случай ищет козла отпущения... Дудки! Я ничего не видел и ничего не знаю!»

Все это время беглец и Галинка напряженно наблюдали за происходящим. И хотя разговор окружающих их людей не был им слышан, все же по жестам, мимике, темпераменту они

многое понимали, то и дело удивляясь одному и поражаясь другому. Но более всего развернувшееся вокруг действие ошеломило, конечно, Галинку, и особенно – то, что многое из увиденного было, как бы, скопировано с ее родины, с ее зоны-государства.

Все было пугающе знакомо, до жути похоже: и люди, и здания, и даже местность, все – что успела она разглядеть или случайно заметить по пути сюда, хотя состояние неестественности, нездоровой взвинченности, какой-то ирреальности, даже мистики не покидало ее. И только теперь, уже чуть успокоившись, немного придя в себя, но еще находясь там, в том пространстве, – ограниченном, непонятном, таинственном, однако сознанием принятым, телом не отвергнутым, – она вдруг сумела сравнить, осмыслить увиденное и сделать этот неожиданный, потрясший душу вывод.

Это удивляло, ошеломяло, но, одновременно... и подавляло, вводило в недоумение, тупик, заставляло отвергать происходящее, принимать все виденное за тяжелый необузданный бред, нездоровый сон, за гипертрофированное воображение уставшего, измученного парадоксами мозга.

И вскоре Галинка окончательно растерялась. Растерялась от мельтешивших перед ее глазами потолков, дверей, стен, от многочисленных лозунгов на них, от всевозможных портретов там и тут, от хаотически скользящих вверх, вниз, взад, вперед разнообразных рук, ног, глаз, губ, неожиданно, внезапно превращавшихся в лица, головы, тела – удивительно знакомые, на кого-то похожие. До умопомрачения, безумия. Но на кого? На кого так похожие?!

И еще одно обстоятельство напоминало об ее реальном мире, об ее Республике, об ее родине – не менее важное, не менее ошеломяющее. До жгучей разрывающей боли где-то внутри ее крохотного, псевдоматериального тела она чувствовала, она видела своим обостренным до крайности сверхчутким восприятием, что и духовная, что и нравственная жизнь этих клоунов-людей мало чем отличалась. А если и отличалась, то только в деталях – в одежде, в лозунгах, в призывах...

Рыжий почтительно пригнулся и принялся подобострастным голоском бесконечно преданного служаки докладывать о последних событиях какому-то важному хмуро-надутому вельможе. Сидел этот представительный тип за огромным искусно выделанным столом, посередине большой, блестящей

серебром и золотом комнаты, стены которой были сплошь и рядом увешаны огромными транспарантами попеременно с флагами разных расцветок и не менее красочными портретами таких же, как и хозяин кабинета, напыщенно-строгих морд.

– Это все? – пошевелил отвислой губой обладатель роскошных палат.

– Так точно, экселенц, – услужливо кивнул рыжий и осторожно просеменил к троподобному месту, положил на стол картину, неслышно отступил назад.

Первый вскочил, нетерпеливо схватился за рамку, жадно впился маленькими едкими глазками в полотно, довольно пожевал губами, потискал ямочку на подбородке, удовлетворенно хмыкнул и изрек, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Значит, теперь можно смело и во всеуслышанье оповещать всех своих друзей и врагов, что эта удивительная вещица является нашей законной собственностью, да? Прекрасно!.. – И хитро прищурился в сторону рыжего. Но взгляд был устремлен мимо, за его спину, к окошку и – дальше, куда-то вглубь, в пространство.

– Да, теперь у нас есть неплохая возможность диктовать свои условия соседям, – осмелился высказаться рыжий.

– Прекрасно, прекрасно, – задергал головой Первый, словно сбрасывая с нее какую-то липкую паутину и, казалось, совсем не обращая внимания на слова подчиненного. – Прекрасно... Представляю рожу у соседней. Ха-а!.. – И плюхнулся в кресло, довольно растянув влажные губы, затем вдруг встрепенулся, сжал до посинения кулаки, саданул ими по подлокотникам и грозно прорычал куда-то в сторону: – Теперь я покажу этим свиньям!

Наверное, с минуту он сидел не шевелясь, стиснув пальцы в тугие кулаки и уткнувшись взглядом в пустоту, после резко скинул голову, посмотрел на замершего в полунаклоне рыжего и озабоченно поинтересовался:

– А она не подведет?

– Никак нет, экселенц! Рисунок на картине изменен. А это значит, что в течение нескольких месяцев мы можем субсенсорно влиять на окружающих нас людей, действуя ментально на их подсознание.

– А радиус действия?

– Несколько километров, как и указано в каталоге!..

– Прекрасно, прекрасно! Вполне достаточно для этих многочисленных засранных Республик!.. Рисунок изменен давно?

– По данным нашей разведки еще несколько дней назад он был прежним, стоял на мертвой точке.

– Прекрасно! – вновь проворковал вельможа; звонко хлопнул своими пухлыми ладошками по коленкам, встал, вышел из-за стола, размеренно прошагал к рыжему. – Я благодарю вас! Вы можете смело готовить три дырочки: на лацкане пиджака и на погонах военного кителя! – И доверительно коснулся толстым коротким пальцем щупленького плеча подчиненного.

Водянистые глаза верного служаки радостно вспыхнули и – на какое-то мгновение очеловечились. Но огонек этот был недолгим: не успев окрепнуть – погас, растворился в глазах, не смог удержаться, разгореться там – сильнее, ярче. Увы, не получилось. Лишь слабой, беззащитной искоркой в бескрайнем, вечно сыром поле метнул он в последнем издыхании тонкий лучик света и – потух, исчез, уйдя куда-то внутрь, в черную холодную бездну.

Припухшие веки рыжего дрогнули, побелели, а еще через секунду – полуприкрылись, и все его лицо обрело прежнее, подобострастное выражение. Он вскинул голову и быстро отчеканил:

– Всегда служу Республике!

Темнота становилась нестерпимой, и беглец попытался пошевелиться. Однако это ему, разумеется, не удалось. Он лишь почувствовал во всем теле всепоглощающую безысходность и глухоту. Глухоту мрака, давящего на сознание, мозг – и ему стало страшно. Не за себя – за свою спутницу. Выдержит ли?

Беглец умел сходить с картины. Но делал это машинально, вслепую, повинуюсь скорее какому-то инстинкту, чем разуму. И когда картину водрузили на стену в глухо закрытом, без окон, помещении, и за человеком, повесившим ее, закрылись двери, первое, что пришло ему в голову, было: немедленно сойти, тут же спрыгнуть, тотчас уйти, спешно убежать из этого плоского, неудобного, спирающего душу пространства.

Но что-то мешало, останавливало, – может, все тот же инстинкт? – и он заставил себя еще несколько часов находиться там. Чтобы быть абсолютно уверенным, что за ними не следят и что тайна их появления здесь останется не раскрытой. Ибо если это случится, исчезнет последний шанс убежать отсюда,

убежать снова и, хотелось бы, навсегда. Иначе – гибель, смерть.

Труднее приходилось Галинке. Она не понимала, почему ее спутник тянет, не уходит с полотна, не помогает ей сойти, освободиться, снова очутиться в привычном ей мире, хоть и опасном, хоть и враждебном, но – своем, родном. Сама же она не могла этого сделать. Как и не могла сказать ему об этом.

Только когда по подсчетам беглеца наступила ночь, он сделал над собой небольшое усилие – и его плоское изображение осторожно соскользнуло в сторону, затем плавно, словно невиданное резиновое изваяние, надулось, наполнилось осязаемой материей, увеличилось в размерах до нормального и мерно опустилось на каменный пол.

– Галинка, иди сюда! – позвал он тихо, шаря в темноте руками.

Девушка ойкнула, и ее тело, проделало тот же пируэт, очутилось рядом с парнем.

Когда глаза немного попривыкли к темноте, они смогли уже основательнее осмотреться. Комната, где находились пленники, была небольшой, стены представляли собой идеально гладкие плиты, выпиленные, по-видимому, из какого-то прочного камня и которые упирались в крутой сферический потолок, зловеще напоминавший своды древних захоронений. А небольшая железная дверь, крепко посаженная в углу, быстро отогнала мысль о скором и легком освобождении.

Однако, подойдя ближе, они обнаружили еле заметный лучик света, с трудом пробивающийся между косяком и ржавой петлей навеса. Из чего нетрудно было сделать вывод, что где-то рядом горел свет, а значит – недалеко охрана, вернее, стража.

Беглец взял Галинку за руку – и сразу же уловил учащенный, встревоженный пульс на ее запястье. Стараясь успокоить девушку, он легонько сжал ей ладонь и тотчас почувствовал ответное пожатие.

Она была беспредельно благодарна ему, благодарна за то, что он ни на минуту не забывал о ней. И благодарность эту хорошо чувствовал парень. Чувствовал – и неизмеримо радовался. Окрылялся этой благодарностью, она придавала ему сил, и все это – что удивительно! – уже не казалось ему таким странным, необычным. Как совсем еще недавно. Странным и необычным теперь было другое – ощущение надвигающегося

неземного счастья, пугающего счастья, доселе, вроде бы, никогда не испытанного им.

Беглец отпустил руку девушки, отошел в сторону, ощупал стены, поморщился, потом тихо, на цыпочках, подкрался к двери и прислушался. Затем слегка надавил на нее плечом – дверь даже не скрипнула. Тогда он осторожно постучал по ней кулаком. Звук получился тупой, глуховатый. Парень отступил на шаг, пошарил ногой по полу, наткнулся на небольшой камень и намерился было взять его.

Но беглеца остановил встревоженный голос девушки:

– Может, не надо?..

Парень замер в полусогнутом виде, после выпрямился, повернулся к Галинке, дотронулся до ее плеча и сказал как можно бодрее:

– Не беспокойся, все будет нормально, вот увидишь...

Галинка вздохнула и молча отошла к стенке.

Беглец поднял камень, перекинул из руки в руку, немного помедлил, а затем вполсилы саданул по двери.

Раздался резкий ноющий звук, прокатившийся стонущим эхом по мрачным и, казалось, уже давно всеми забытым коридорам этого древнего подземного хранилища.

Наверное, минуты три они стояли не шелохнувшись, прислушиваясь к гнетущей, звенящей в ушах тишине. Но за дверью по-прежнему оставалось безмолвно. Тогда парень снова, но уже несколько раз и настойчивее, с большей силой, протарабанил по тяжелым железным навесам.

Как только эхо умолкло, нехотя, с капризом, растворившись по лабиринтам этого зловещего подzemелья, пленники уловили еле слышный цокот ботинок. А когда шаги поравнялись с дверью и собрались было проследовать дальше, парень вновь постучал. Но уже осторожно и не камнем – костяшками пальцев.

Шаги замерли, а через секунду – послышалось лязганье запоров. Дверь несмело, чуть-чуть, приоткрылась – и в образовавшемся проеме-щели появилась худенькая фигурка пожилого охранника.

Он прищурю оглядел помещение, вытянув вперед шею, но ничего не увидел – близорукие старческие глазки еще не привыкли к темноте. Тоца старик еще немного и уже смелее распахнул дверь. А увидев невесть откуда взявшихся людей, испуганно отпрянул и ошарашено округлил глаза. Рот перекоси-

ла судорожная гримаса, он замахал руками, будто отгоняя назойливых мух, и попятился назад.

– Спокойно, спокойно, – проворковал беглец, выставя носок ботинка в проем двери и хватая старика за рукав. – Спокойно, папаша, мы не призраки, мы – люди... – И сразу же следом удивленно воскликнул: – Бог мой, вот так встреча! Здравствуйте!.. Вы не узнаете меня?

Галинка же вдруг резко шагнула вперед, изумленно оглядела охранника, ткнула ладошкой в блестящие пуговицы его новенького кителя и выдавила чуть не плача:

– Что это? Вы?.. Вы – в форме мрака?!

Старик продолжал обалдело пялиться на незнакомцев и ничего не мог внятно выговорить – лишь то и дело широко открывал свой беззубый рот, шлепая бледными потрескавшимися губами и испуская вместе с чесночным запахом подобие собачьего плача.

Но вскоре, убедившись, что неведомые «призраки» не собираются причинять вреда его драгоценной жизни, старик выдал что-то членораздельное:

– Я... я... меня заставили! – И сорвался на крик.

– Пантелей Елизарович, как вы сюда попали? – голос у девушки стал мягче, спокойнее.

– Я... я здесь служу, давно... – Взгляд его остановился на Галинке и принял более осмысленное выражение.

– Но почему вы в форме мрака? – вновь повторила она, но уже не так оторопело.

– Мрака? – вздрогнул старик; часто заморгал, с левого глаза соскользнула на грубую небритую щеку мутная слезинка. – А что это?..

– Это форма охраны, – выдохнула девушка, бросила на него осуждающий взгляд и брезгливо добавила: – Самая что ни на есть отвратительная, Пантелей Елизарович!

– Постойте, откуда вы меня знаете? – неожиданно сердито спросил старик, обретая, кажется, свое естественное состояние.

– Да вы что?!, – снова опешила девушка и только было собралась все ему объяснить, как почувствовала на своем локте руку беглеца.

– Не надо ничего говорить, – шепнул он. – По всей вероятности, он действительно видит нас впервые.

Она недоуменно, с вызовом, посмотрела на своего спутника, а встретившись с его настороженным, чутьчку расте-

рянным взглядом, неожиданно успокоилась и отошла в сторону.

– Послушайте, – обратился беглец к старику, продолжавшему насупливо, с опаской, поглядывать на незнакомцев. – Вы поможете нам?

Охранник вновь быстро заморгал, затем неожиданно глянул мимо плеча парня и вдруг – глаза у него округло полезли из орбит. Он решительно переступил порог, остановился в двух шагах от висящей на стене картины, резко, неестественно для его возраста, оглянулся, удивленно вскинул ершистые, с проседью брови и хрипло прокричал:

– А где!.. Где картина?!

– Какая? – машинально вырвалось у Галинки, и она приблизилась к охраннику.

– Которая висела на стене! – рявкнул старик со всхлипом и, отпихнув девушку в сторону, подскочил вплотную к картине, чуть ли не воткнувшись в нее носом. Он внимательно оглядел полотно, казалось даже принюхиваясь к давно засохшей краске, затем растерянным, даже немного плаксивым голосом прибавил: – Которую поручили мне охранять?..

– Еще есть охрана? – круто сменил тему беглец. Лицо старика сделалось матовым, желваки на его обвислых щеках часто заходили, и он обомлело прохрипел:

– Вы ее сперли?!

– Да нет, – поспешил успокоить его парень. – Эта та самая картина.

– Та самая?! – Он пошатнулся и вновь оторопело уставился на полотно. – Врешь, на той были парень и девка! А на этой – только кресло и... и эта чертова мазня! Где та картина, олухи? Сейчас прибежит охрана и...

– Не беспокойтесь, – оборвала его излияния Галинка, вздохнула, печально улыбнулась. – Эта та картина. Только без нас. Мы сошли с нее. Приглядитесь к нам...

– Что?! – испуганно дернулся старик, опять заморгал, но все же подошел ближе, внимательно, с опаской, оглядел их с ног до головы, – точно так же принюхиваясь, как и недавно к картине, и тыча носом чуть ли не в лица, – после резко отпрянул, замахал руками, словно отгоняя видения, и простонал еле слышно: – Господи!.. И впрямь похожи! Что же это?!

– Успокойтесь, – беглец коснулся локтя старика. – Мы действительно с картины сошли. Но мы люди, не духи... Ус-

покойтесь. – Помедлил, пока тот придет в себя, и продолжил:
– Скажите, тут много охраны?

Пантелей Елизарович обалдело вылупил глаза, наверное, с полминуты смотрел на незнакомца не моргая, затем замотал головой и кое-как выдавил:

– Много!.. Очень много! – Потом торопливо затараторил:
– Но я вам помогу!.. Помогу!.. Обязательно помогу! Подождите!.. – И попятился к двери.

Заперев ее, он какое-то время стоял не шевелясь, словно к чему-то прислушиваясь, а может быть, переводя дух и благодаря Бога, что выбрался из этого жуткого помещения живым и невредимым; после осторожно, будто не веря только что увиденному, постучал в дверь и просипел:

– Вы здесь?

А получив удовлетворительный ответ, растянул в подобие улыбки губы, довольно хмыкнул и, цокая по коридору стальными подковами сапог, быстро поковылял к секретному лифту – единственной ниточке, соединяющей это мрачное подземелье с внешним миром.

Снова наступила зловещая тишина, лишь где-то далеко за дверью монотонно капала вода, наполняя воздух каменного каземата почти осязаемой, ощутимо вязкой, дурно вонючей, до удушья сжатой, нудно-звонящей глухотой.

Галинка опустила на корточки, прислонилась спиной к холодной сыроватой стене. Беглец тоже присел, дотронулся до рук девушки. Так и сидели они минут десять – молча, опустив головы, прислушиваясь к малейшему стуку, шороху за дверью, иногда путая свое гулко колотившееся сердце с тяжелыми шагами по коридору.

А когда стало совсем невмоготу, – и не потому, что ноги онемели, а от тяжелого, томительного ожидания, – они, не сговариваясь, враз поднялись и все так же, не выпуская друг у друга рук, направились снова к той ненавистой двери. И в этот момент послышалось приближающееся шарканье шагов. Однако в характерный для старика ритм ходьбы вмешался еще один, совсем незнакомый звук.

Беглец первым уловил этот посторонний цок – парень прижал палец к губам и легонько, на цыпочках, потянул Галинку в сторону, к стене. Железные засовы резко лязгнули, дверь жалобно скрипнула и нехотя отворилась. В проеме оказалась плотная фигура незнакомца в черной кожаной куртке и ослепительно белых брюках, броско контра-

стирующих с блестящими темно-коричневыми туфлями на высоком заостренном каблуке.

Он настороженно пошарил по углам слегка затемненными стекляшками очков, быстро обнаружил у стены прижавшихся друг к другу молодых людей, уколол их удивленным взглядом, сморщился в улыбку, обернулся к стоящему сзади по стойке смирно старику, еле заметно кивнул ему и отошел в сторону.

Охранник встрепнулся, услужливо оскалился, шагнул вперед и начальственно распорядился: – Выходите!

Беглец отстранился от девушки, шагнул к двери и сказал:
– Нам нужно обязательно взять с собой картину.

Глаза у старика обеспокоенно забегали, он закачал головой, но человек в кожаной куртке не дал ему что-либо возразить, проговорив:

– Хорошо, возьмите ее.

А когда беглец переступал порог, взгляды их неожиданно встретились. И он узнал человека в кожанке! Это был тот, на кого они с Галинкой напоролись, когда заходили в дом за лекарством для старухи,

«Что же это?.. Государства-близнецы с людьми-близнецами?! – ошалело пронеслось у него в голове. – Невероятно! Бред, да и только!..»

Парень еще раз оглянулся. Да, это был он. Или его точная копия. И телесная, и, вероятно, духовная. Но так ли это? Например, старик был внешне похож на того, за столбами, но вот поведение его – подозрительное. Там он помог. А здесь? В этом мире?..

Из-за терзавших душу догадок он было совсем забыл о своей спутнице, вернее, не забыл, – просто увлекся, ушел в себя, задумался. Сейчас же, уже втиснутый вместе с конвоирами в подъемный лифт, он еще сильнее сжал ее маленькую теплую ладонь. А почувствовав ответное пожатие, машинально посмотрел на девушку. И – не узнал.

Губы у Галинки дрожали, лицо побледнело, а на вдруг появившейся мелкой сеточке морщинок у наполненных страхом и растерянностью глаз выступили маленькие блестящие бисеринки пота. И беглец понял: она тоже узнала его.

Он осторожно взял девушку за плечи – она доверительно прильнула к нему. И не понятно было парню: или вздрагивает от подъема этот допотопный, давно не смазанный лифт, или бьется мелкой дрожью хрупкое девичье тело.

Минут через пять они уже подходили к кабинету следователя. И как беглец не пытался заговорить со стариком и спросить, что все это значит, тот лишь хрипло отнекивался и ехидно скалился.

Таким циничным, таким подлым предательством, такой чудовищной изменой некогда доброго, умного, честнейшего человека Галинка была потрясена до основания.

Однако, было ли здесь предательство, если это был, по видимому, совершенно другой человек?

Этого она не знала. Не могла знать. Об этом, кажется, догадывался только беглец. И поэтому не был так удручен происшедшим.

А когда в кабинет вошел все тот же лысый-рыжий и предложил им сесть, то теперь Галинка приняла это уже как должное – ее основательно перебудораженное сознание просто не могло ни на что реагировать; она устала удивляться, ее нервы уже адаптировались ко всем этим невероятным перевоплощениям, эмоции притупились, ушли, исчезли.

Галинка была спокойна. Даже слишком. Что не ускользнуло от внимания следователя.

– Вам... вам плохо? – забеспокоился он, устремляя на нее свои колючие глазки.

Однако девушка, казалось, ничего не видела и ничего не слышала – она по-прежнему тупо смотрела куда-то вперед. Отреагировал на вопрос беглец, ибо уловил в этих словах что-то искреннее, ненаигранное.

Парень тряхнул Галинку за рукав – та встрепенулась, удивленно, будто только сейчас вошла в эту комнату, осмотрелась, затем остановила взгляд на следователе и вдруг с иронией в голосе проговорила:

– Нет, мне очень хорошо, даже слишком...

Беглец улыбнулся, удовлетворенно посмотрел на девушку. Да, она уже оправилась от потрясения и теперь, кажется, проявляет свой характер. Это хорошо и – плохо. Ведь сейчас нужно быть предельно осторожным.

Однако, как ни странно, улыбнулся и лысый. Это еще раз, и теперь уже намного сильнее удивило парня – что-что, а такого раньше за его двойником не наблюдалось.

Беглец недоуменно вскинул голову, а встретив прямой доброжелательный взгляд следователя, вдруг потупился и уткнулся в ковровую дорожку под ногами. Невероятно! Непо-

стижимо! Снится ему все это, что ли? Если он так умело играет – то этот мир потерял гениального актера!

Между тем лысый без тени притворства заметил:

– Ну и прекрасно. – Кивнул старику и рядом стоящему помощнику в кожаной куртке. – А вы можете идти. – И откинулся в кресле.

Кожаная куртка сразу исчезла за дверью, старый же охранник затоптался у порога, пробурчав:

– Они хотели убежать... Они просили меня...

– Идите! – резко оборвал его откровения лысый. А когда тот испуганно ретировался, проскрежетал зубами, нервно дернул шевелюрой парика, почесал переносицу, переложил стопку бумаг с места на место, крепко, словно унимая дрожь в теле, стиснул руки на животе, вмяв его чуть ли ни до позвоночника, после поднял на пленников покрасневшие от усталости глаза и проговорил уже вполне добродушно: – Так откуда же вы, братцы, пожаловали к нам? – И шумно выдохнул полной грудью.

– Странный вопрос, – колыхнул плечами беглец, – разумеется, из вашей гостеприимной подземной гостиницы.

– Но как вы туда попали? – почти равнодушно бросил следователь. – Я, кажется, вас туда не поселял. – Бледноватые губы дернулись в усмешке, он поднялся и вышел из-за стола.

Беглец внимательно посмотрел на лысого и – вдруг решился:

– Вам, наверное, это покажется странным, нет – невероятным! даже диким! но мы, – он взял Галинку за руку, – мы сошли с этого полотна, – и кивнул в сторону лежащей на столе картины.

Однако лысый среагировал на это признание довольно-таки холодно. Он, казалось, безучастным взглядом скользнул по лицам незнакомцев, подошел к картине, посмотрел на нее, слегка вскинув брови, и отодвинул от себя – резко, едва касаясь, как будто что-то колючее, опасное, затем недовольно сморщил лоб и о чем-то напряженно задумался.

Минуту спустя, пробарабанив пальцами по столу, он незаметным движением поправил парик и хмуро обронил:

– Кажется, это действительно правда...

Беглец набрался было смелости поинтересоваться: что – правда, как тот резко вскинул голову, пристально посмотрел в их сторону и спросил:

– Вы кому-нибудь еще об этом говорили?

– Только Пантелею Елизаровичу, – тихо и чуть виновато отозвалась девушка.

– Пантелею Елизаровичу?.. Кто это?

Видя, что его подруга застыла с открытым ртом, беглец пояснил:

– Ну, этот... старик. – И кивнул на дверь.

– А-а, – протянул следователь, – наш старший охранник... – И пожевал губу. – Это плохо, очень плохо. – О чем-то поразмышлял, а затем промолвил: – Ну да ничего, как-нибудь договоримся с этим... – Внезапно замолк, внимательно посмотрел на пленников и неожиданно признался, кисло улыбувшись: – А я и не знал, как зовут эту мерзкую личность.

– Неправда! – гневно выкрикнула Галинка. – Он хороший человек!

Лысый грустно улыбнулся, показал головой:

– Увы, прекрасная незнакомка... Если бы вы попали к моему заместителю, то сейчас, наверняка, этот «хороший человек» с большим удовольствием помогал бы ему «работать» с вами в камере признаний. А вы знаете, что такое камера признаний? – И уперся холодным взглядом в девушку.

Та отчаянно замотала головой, закрыла лицо руками, сорвалась на крик:

– Ну как же так?!

Беглец осторожно взял ее за плечи и попытался успокоить. Но она сердито отстранилась и вновь, теперь уже сквозь слезы, спросила:

– Ну как же так?! Я ничего не понимаю!.. – И с мольбой в глазах уставилась на следователя.

– Успокойтесь! – бросил тот стальным голосом. – Ничего тут непонятного нет. Просто этот человек рьяно, сверхдобросовестно выполняет свои обязанности! Лучше скажите, почему вы назвали его по имени-отчеству? Вы что – знали его раньше?

Галинка неожиданно перестала всхлипывать, смахнула со щек слезы и неприязненно, даже с ненавистью, глянула на следователя. Но беглец не растерялся, уловив перемену в девушке, и быстро среагировал:

– Он нам представился...

– Даже так? – брови у следователя поползли вверх. – Скажите, какой вежливый! – Он усмехнулся, подозрительно оглядел пленников, потом вдруг махнул рукой и, скорее для самого себя, подметил: – Да это и неважно.

Лысый опять повернулся к картине, легонько пробарабанил по полотну ладонью и, не поднимая головы, вновь заинтересовался, но – не настойчиво, словно вскользь:

– И все же ответьте: кто вы такие, откуда и с какой целью прибыли к нам через эту... эту чертову картину?

– А почему вы решили, что она «чертова»? – увернулся от вопроса беглец.

– Ну как же? – искренне удивился следователь. – Ведь вы же сошли с нее... – Обеспокоенно пробежал взглядом по картине и добавил, стрельнув на незнакомцев своими въедливыми глазками: – Или не так?

Беглец чуть помедлил, пристально всматриваясь в так хорошо знакомые черты лица этого странного человека и пытается разгадать его затаенные мысли, – притворяется или на самом деле ничего не знает? – затем сдержанно ответил:

– Нет, не так. Мы действительно сошли с картины. Точнее, я один материализовался в вашем пока не совсем мне понятном мире. Я и до сих пор не до конца понимаю себя, не до конца знаю, кто я такой? где моя родина? что я делаю здесь?.. Спутница же моя – из вашей действительности. – Помолчал и уточнил: – Я ее взял туда, в заблокированный континуум пространства, чтобы убежать от ваших вездесущих охранников... Однако я, да и, наверное, Галинка удивлены не сколько вашим необычным поведением, а тем, что вы так быстро поверили нам. Почему?

Но лысый, казалось, не обратил внимания на последние слова парня, он, как бы обрадовано всплеснул руками, округлил свои слезящиеся глазки, широко улыбнулся и удовлетворенно проворковал:

– Так-так, значит, это за вами гонялись на границе? – Быстро прошагал к столу, уселся, выдвинул нижний ящичек, достал сигареты, предложил незнакомцам, но, получив отказ – удивленный от девушки, ухмыляющийся от беглеца, – бросил обратно, признавшись, что и сам не курит, а держит так, на всякий случай, для гостей, затем с довольной миной повторил: – Значит, это за вами гонялись... – Насупил брови и задумчиво прибавил: – ...и не поймали. А я уж грешным делом подумал, что это мои люди продырявились... – И кольнув взглядом молодых людей, неожиданно проговорил зычным, порывистым голоском: – Вы, кажется, говорили о моем необычном поведении?

– Да, – решительно мотнул головой парень, – говорили. – Чуть помедлил и резко кивнул ему прямо в лицо: – Я знал вас совершенно другим!

– Другим?.. Я, по-моему, все время такой. Да и с вами, кажется, встречаюсь впервые, разве не так? – Однако в голосе лысого отчетливо проскользнули откровенно фальшивые нотки, и нетрудно было догадаться, что врать этот человек не умеет, или – не любит.

– С вами – нет, не встречались, – спокойно проронил беглец, – но вот с вашим двойником – приходилось. Это абсолютная противоположность...

Следователь поджал губы, повел головой, вздохнул и словно нехотя поинтересовался:

– И где же этот тип проживает, а?

– Здесь, не далеко, – глядя прямо тому в глаза, ответил парень, – за линией границы, а точнее – за столбами, как принято у вас говорить.

– Нет, – качнул головой лысый, – у нас так не принято. – И сухо прибавил: – У нас говорят: за бугром зеркальной зоны.

– Значит, вам все же кое-что известно?

Лысый как-то странно посмотрел на парня – ни то с укором, ни то с осуждением, – после уткнулся себе под ноги и выдохнул:

– Не кое-что, а – все! – И снова вперил свой колючий взгляд на замерших от удивления незнакомцев.

– Но тогда почему вы не объединитесь? – подался корпусом беглец. – Ведь они же, по существу, ваши братья!

– Этого делать нельзя, – спокойно ответил следователь и, морщась, потер ладонями виски. – Произойдет непоправимое... – Он вдруг поднял голову и огорошил его вопросом: – Что такое аннигиляция, знаете?

– Аннигиляция? Есть такое физическое понятие...

– Не только физическое, – сдержанно заметил лысый, помолчал и неожиданно бросил прямо в лоб: – Произойдет взрыв!

Беглец задержал дыхание, улыбнулся, мотнул головой:

– Абсурд, чистой воды абсурд...

– Конечно! – решительно поддержала его Галинка. Но интуитивно почувствовав неуверенность этого утверждения, повторила уже не так эмоционально: – Конечно, абсурд...

– Вы не так меня поняли, – устало отозвался лысый. – Произойдет психосубсенсорный взрыв сознания людей.

Беглец вскинул брови и проговорил чуть ли не задыхаясь:

– Но как... как же тогда здесь люди живут, если знают, что там, – он, распаяясь, сорвался на крик, – там, совсем рядом, есть их зеркальные двойники?!

– Они не знают, – буркнул следователь, снова уткнувшись взглядом в пол.

– Но вы же сказали!..

– Знают те, – жестко перебил его лысый, – кому это положено!

– По должности?

– Нет. – Чуть помедлил и пояснил: – По категории допуска...

Парень поджал губы, покачал головой и тихо обронил, глядя куда-то в сторону, в пустоту:

– Странный мир, странный...

– Для вас, может быть, и странный, для нас же – обыденный, привычный. – Лысый поднял голову, перевел взгляд на Галинку и одарил ее улыбкой: – Правильно я говорю, соседка по государству, а?

Та дернула плечами, сказала:

– Не знаю... Наверно.

– Это было всегда? – беглец вновь принялся сверлить лысого глазами.

– Нет. – Следователь выпрямился на стуле. – Это произошло около тридцати лет назад, во времена, так называемого, «информационного коллапса», вызванного в основном из-за умышленного дефицита правды о незримо присутствующем на Земле уже многие сотни лет Иноразуме. Кстати, возможно это и спасло всех нас. А как такое случилось?.. – Он поджал губы, шевельнул бровями. – Объяснений было много. И сдвиг параллельных пространств, и соприкосновение нашей части Вселенной с газопылевым облаком из антиматерии, и даже вмешательство потусторонних сил. В общем, всякого было наговорено. Однако, самое правдоподобное, на мой взгляд, объяснение – это резкий всплеск экспрессивных излучений одновременно у всех живущих на планете людей. Ну а в итоге, говоря словами одного из ученых, – парадоксальное расслоение континуума пространства на ряд различных координат с общей исходной точкой в пространстве-времени...

– Но почему этот всплеск произошел сразу, одновременно? – не унимался парень.

Лысый грустно улыбнулся, поиграл желваками.

– Да потому, молодой человек, что в то время все человечество, все люди, от мала до велика, были вовлечены, я бы сказал, в гигантский, в чудовищный эксперимент, социальный эксперимент, а точнее – социальный конфликт. Общество было политизировано до такой степени, что в какой-то момент, по-видимому, произошло слияние всех биоизлучений в один мощный, в сто крат увеличенный резонансом пучок-импульс... Между прочим, именно тогда-то и поползли первые слухи об этой удивительной картине.

– Значит, вы знали об ее необычных свойствах? – тут же вернул беглец.

Лысый пошевелил бровями, заерзал на стуле.

– Лично я многому не верил, да и сейчас не верю. Ведь вокруг нее было столько всяких сплетен, сказок, мифов!..

– Каких, например?

– Ну, хотя бы, что она является посланницей самого Всевышнего и что через нее он исцеляет нашу несчастную Землю. Или совершенно противоположное – мол, она и есть виновница всех наших бед. Или уже более реальное: эта картина есть продукт вмешательства в нашу цивилизацию чужого разума.

– Доброго или злого? – усмехнулся парень.

– Не знаю, – сердито пробурчал лысый и вновь потер виски, – но этот миф более вероятный.

– Значит, вы только сейчас убедились в ее реальном существовании?

– Наверное, – пожал плечами он и шумно вздохнул. Затем поднял глаза, колюче уставился на молодых людей и ворчливо бросил: – Может, хватит вопросов, а? А то непонятно, кто здесь подследственный, а кто... – И умолкнув, казалось, недобро скользнул по ним строгим взглядом.

Однако, беглец не опешил, не смутился и вполне искренне проговорил:

– Может, и хватит, не знаю...

Следователь тяжело выдохнул, взор его неожиданно потух, он облокотился на стол и тихо, с хрипотцой, признался:

– Вот и я не знаю.

Наступившую паузу нарушил сдавленный голос Галинки:

– Что вы намерены с нами делать?

– Отпустить, – просто, без какой-либо игры, словно невзначай, мимоходом, кинул ей эту фразу лысый, затем поднялся, вышел из-за стола, не спеша прошелся по кабинету, опустив

голову и заложив руки за спину, после остановился напротив пленников, резко тряхнул своим рыжим париком и со злостью в голосе проговорил, разводя руками: – Но как это сделать – не знаю!

Он снова прошагал к столу, опустился на стул, немного посидел, изредка бросая колючие взгляды на замерших в тревожном ожидании пленников, после снова потискал пальцами виски, – теперь уже рьяно, сердито, – поморщился, вздохнул и, звонко хлопая по лежащей перед ним папке, объявил:

– В общем, так. Сейчас вас отведут в камеру, а я постараюсь подготовить побег.

– А старик? – напомнил беглец.

– А старик... он скоро сменится, стражник будет другой. Да и не это сейчас важное... – Он махнул рукой и о чем-то задумался, механически бросив: – С этого здания так просто не убежать.

– Но тогда – как?

– Пока не знаю, – хмуро буркнул лысый и снова поднялся, вышел из-за стола. – Но побег нужно осуществить как можно быстрее. – И помолчав, прибавил: – Пока о вас не доложили Первому.

Беглец встал, подошел к следователю и крепко пожал ему руку. Галинка же робко чмокнула его в щеку. Лысый потупился, пробормотал:

– Ну что вы, что вы... – Чуть помедлил и спросил: – А как быть с картиной?

– Мы ее возьмем с собой, – твердо проговорил парень, а затем добавил, вздыхая: – Это, к сожалению, единственное в вашем жестоком мире пристанище, где мы можем, более-менее, чувствовать себя в безопасности. Жаль только, не имеем возможности оставаться там долго...

– А почему? – встрепелась Галинка. – Хоть в ней и не слишком комфортабельно, все же это, по-моему, было бы наиболее правильное решение в данной ситуации. Убежать, спрятать картину где-нибудь, войти в нее и переждать, пока все ни поутихнет, правда?

– Конечно, – согласился беглец, дернув щекой, – неплохо было бы таким образом удрать от этих псов... да и хорошо бы было все обдумать, осмыслить, отдохнуть, наконец... – Он свел гармошкой лоб, потер переносицу, а уже после возбужденно продолжил: – Но я чувствую, чувствую подсознательно, всем своим нутром, что после разгерметизации шифроблока,

то есть, после внедрения в его структуру, в его сугубо индивидуальное поле инородного тела, в данном случае твоего, Галинка, вторичный заход туда безопасен только на определенное время. И, кажется, очень ограниченное! Почему – я не знаю... – Он поднял на девушку полные печали и жгучего отчаяния глаза, затем перевел взгляд на лысого и неожиданно срывающимся голосом спросил: – Господи, да кто же я – робот или человек?!

Галинка сразу же подскочила к нему, прижалась, нежно прошептала: «Да человек ты, человек!..» А следователь смущенно отвернулся, отступил к столу, но затем все же вернулся, взял его за плечо и тихо, с надрывом, выдал:

– Все будет нормально, парень... поверь! Должно быть нормально! Иначе, зачем мы все живем... – И улыбнулся почти одними глазами – приветливо, искренне. – А свою картину, конечно, возьмите. Иначе – как?.. Хотя это и осложнит несколько ситуацию...

– Почему? – забеспокоился беглец.

– К сожалению, о ней известно не только нам с вами. – Помолчал и бросил: – Если бы можно было повернуть время вспять!.. – Он скрипнул зубами и резко всплеснул на своих побледневших щеках желваками. – Я ведь хотел использовать эту картину для того, чтобы столкнуть лбами двух враждующих между собой лидеров, и на этой волне скорректировать ход развития нескольких соседних республик. А точнее – попытаться их объединить... – Он отчаянно махнул рукой и отвернулся.

– Что же тогда делать? – опешил парень.

– А ничего, – губы лысого снова дрогнули в улыбке. – Просто нужно ускорить ваш побег. – Печально посмотрел на них и уточнил: – Это необходимо сделать в ближайшие часы... – Вдохнул, пожевал губу, а затем тихо добавил, возвращаясь к прежней теме: – Вряд ли эта волшебная штуковина, – он кивнул на картину, – помогла бы нам объединиться. Я это, кажется, понял, только сейчас. В первую очередь нужно переделать наше сознание, наше мироощущение, нутро наше поганое очистить, а уж потом... И никакие здесь чудеса не помогут!

А перед тем, как войти охранникам, – но теперь уже другим, – и снова увести их, опять под землю, опять в тот мрачный, трижды проклятый сырой каземат, беглец шагнул к столу, взял картину, на секунду задержался, о чем-то задумав-

шись, затем оглянулся на лысого и вдруг проговорил дрогнувшим голосом:

– У меня сложилось впечатление, что вы решили нам сразу же помочь, как только увидели здесь, в своем кабинете. Почему?

Следователь замер, уставившись на парня, потом опустил голову, уткнулся в ковровую дорожку и тихо обронил:

– Не знаю... – Чуть помедлил и продолжил: – Может, потому, что, наверное, еще не совсем потерял совесть, а может... – Он запнулся, повздыхал тяжело, обреченно, затем поднял на беглеца наполненные болью и отчаянием глаза и глухо закончил: – А может потому – и это, по-моему, правильное всего будет – что вы, дорогие мои таинственные незнакомцы, каким-то образом помогли мне понять – понять четче и острее – всю безнадежность, всю бессмысленность этого идиотского мира, и я вдруг уверовал, кажется, в возможность более целенаправленной, более достойной, более справедливой жизни...

4

И снова их окутала звенящая и выворачивающая душу глухота подземелья. Галинка прижалась к сырой холодной стене и замерла, блаженно прикрыв глаза, – после нестерпимой духоты кабинета и испепеляющих лучей горячего солнца во дворе Управления эта каменная прохлада показалась ей сказочным подарком.

Однако уже через несколько минут спина у нее озябла, и она обхватив себя за плечи, отстранилась от стены, присела на корточки. Беглец же мрачно огляделся, вздохнул, аккуратно пристроил картину в углу и принялся молча, не спеша мерить шагами бетонный пол камеры – шесть шагов от дверей до стены и обратно.

Ни о чем не хотелось думать, говорить, и он был благодарен Галинке, что и она молчала, уткнувшись под ноги.

Однако мысли сами наплывали, упорно лезли, давили, не давали дышать. Откуда они? Откуда?! А вдруг из этого холодного равнодушного бетона?! Может, за долгие, страшные годы своего существования это подземелье сумело как-то впитать, замуровать их в себя – оставить там навсегда, навечно? Вместе с кровью, вместе с душами замученных, растерзанных? И только сейчас они каким-то образом сумели освободиться и, наконец, обрести свое настоящее, достойное дня

них пристанище, а именно – мозг человека? Но – человек ли он? Почему, для какой цели он очутился здесь, в этом кошмарном, диком, непонятном ему мире? И если он все же человек, то было ли у него прошлое? И какое оно – прошлое?.. Так кто же он? Кто?!

А может, это даже и хорошо, что он ничего не помнит. Так лучше, проще, спокойнее, – жить, делать свое будущее. Но жить ли это – без прошлого? Скорее всего – нет, так себе – существование. И кроме того, с каждым своим новым сходом с картины он что-то вспоминает... Вот и сейчас, вернее, сегодняшней ночью, когда они материализовались вместе с Галинкой здесь, в этом подземном каземате, он неожиданно вспомнил название этого загадочного прибора, так искусно имитированного кем-то под старинную живописную картину. А теперь... а теперь все чаще и чаще перед его взором стали появляться какие-то странные видения. Не кошмарные, не пугающие, наоборот – манящие, притягивающие, притягивающие своей необычностью, оригинальностью, интригующие своей диковинностью, необыкновенной загадкой, щемящей тайной...

Однако удержать их в своем возбужденном сознании он не мог, лишь интуитивно чувствовал, каким-то внутренним зрением улавливал, что это ему дорого, самозабвенно, мучительно дорого и – необходимо. Особенно сейчас. И вдруг четко и ясно он увидел перед собой глаза – спокойные и умные, любящие и понимающие.

Беглец остановился, яростно сжал ладонями виски – и этот удивительный образ проявился более отчетливо, более реально. Перед ним всплыло лицо пожилой женщины, ее добрая, с грустинкой улыбка была неподдельной, живой, а мягкие печальные глаза, казалось, все понимали и... прощали. Его прощали! Но – за что? За что?! Губы женщины неувовимо дрогнули – и он отчетливо услышал: сынок, возвращайся, возвращайся, сынок... Мама. Мама!!

Беглец вскрикнул и повалился на пол. Галинка вздрогнула – и тотчас бросилась к нему.

– Что с тобой?.. – Но увидев улыбку на лице парня, выдохом пробормотала: – Господи! Как ты напугал меня!..

Беглец сел, обхватил колени, посмотрел на девушку – счастливо, дурашливо, совсем неестественно для этой, откровенно не праздной для них обстановки, и восторженно проговорил:

– Я вспомнил!.. Я почти все вспомнил! Я вспомнил лицо мамы!.. Лицо мамы перед каким то... то ли полетом, то ли стартом, то ли прыжком в какой-то долгий, чертовски долгий и опасный путь! – Помолчал немного, мотая головой, потом провел ладонью по лицу, словно сбрасывая с него невидимую паутину, бросил лихорадочный взгляд на замершую девушку, глаза которой наполнились счастливыми слезами, и вдруг пояснил: – Кажется, перед хромостартом в Ретровселенную... – Снова помолчал, опустил голову и тихим, срывающимся голосом добавил: – И аварию вспомнил!.. Дикую, чудовищно дикую... и никем не предвиденную!.. Дикую до умопомрачения – именно такую, какая только и может быть при хромокатастрофе! Аварию, вызванную, вроде бы, от внезапного всплеска мозгового излучения практически всех аборигенов одного из миров! Аварию, которую без помощи Центра нельзя было устранить!.. – Мотнул головой, тупо уставился между ног и уже с горечью прибавил: – А также неудачную попытку прорваться через опасную зону чужого времени при помощи какого-то сверхмощного шифроблока одного из секретных посольств этого хромопояса...

Возбуждение беглеца передалось и девушке. Она пристроилась рядом и, кажется, впервые за последние сутки счастливо, без притворства, улыбнулась.

– Я рада, очень рада за тебя!

Неожиданно в коридоре послышался приглушенный говор, а следом – приближающийся цокот тяжелых подкованных сапог.

– Выходите! – утробно прогудел кряжистый надзиратель, приоткрыв на четверть проема двери. – И быстро вперед!..

Пленники не заставили себя долго ждать. Пройдя по коридору метров двадцать, они свернули направо, где их сразу же встретил скуластый верзила с бычьей шеей и огромным красным шрамом на лбу.

Верзила бегло оглядел пленников и негромким простуженным голосом спросил, указывая на квадратный щиток под мышкой у парня:

– А это чо?

– Это? Это нам разрешили... – растерянно пробормотал беглец, не решаясь сказать точнее.

– Ясненько, – удовлетворенно прохрипел их новый сопровождающий. – Следуйте за мной! – И зыркнув по лицам пленников, строго прибавил: – Только тихо!..

Пройдя еще метров двадцать, они подошли к большой массивной двери, напоминающей своим внушительным видом скорее дверцу огромного сейфа, чем вход в помещение.

Верзила предупреждающе приподнял руку, осторожно прислонил ухо к стальному косяку, затем чуть-чуть приоткрыл дверь, заглянул туда, повертел по сторонам головой, потом оглянулся, кивнул своим спутникам и шагнул внутрь.

Они очутились в просторной, совершенно пустой и без окон комнате. Четыре продолговатых плоских светильника, незаметно пристроенных по овальным и идеально гладким углам, струили сквозь свои матовые стекла мягкую, искрящуюся бледно-серебристыми пылинками россыпь дневного света.

Дверь сзади приглушенно цокнула хорошо отработанной пневматикой и... сразу же исчезла. Беглец резко оглянулся, не почувствовав за собой привычного, вернее, удручающего скрипа тюремных дверей, и – недоуменно уставился на ровное, почти зеркальное полотно стены, потом посмотрел на осунувшееся лицо Галинки, а затем – уже вопросительно – на хмыляющуюся рожу сопровождающего их верзилы.

Тот снисходительно ослабился, но ничего не сказал – отошел в сторону. И в это время раздался чудовищный скрежет рвущейся на части стены. А потом – нудный, выворачивающий душу свист все той же, невесть откуда взявшейся здесь пневматики.

Сначала беглец ничего не понял, лишь тревожно завертел головой, но когда посмотрел вперед, то увидел перед собой, точнее, в нижней части задней стены ровный, диаметром в человеческий рост, зияющий круг. Развернувшееся перед ним темное мрачное пространство уходило куда-то вглубь, в чрево стены.

Галинка от неожиданности вскрикнула, отступила назад, к парню, и онемело застыла. Беглец тоже оцепенело замер перед вдруг распахнувшимся таинственным люком, но почувствовав освежающее дуновение легкого сквознячка, встрепнулся и хрипло обронил, вновь поворачиваясь к верзиле:

– Что... что это?

– Вход в туннель, – лениво прошлепал тот мокрыми, презрительно растянутыми губами, после немного помолчал и значительно, словно вручая награду, добавил: – Особо секретный туннель. – Подошел к люку, засунул руку внутрь и что-то там надавил. Яркий луч мощного прожектора игриво осветил

заиндевелые стены огромной, полого уходящей металлическими ступеньками вверх железобетонной трубы. Верзила деланно-почтительным наклоном головы указал на люк, вновь расплылся в ехидной улыбочке и процедил сквозь зубы: – Путь на свободу открыт, дорогие господа-товарищи!

– Послушайте! – растерянно выкрикнула Галинка, видя, что ее спутник продолжает молча глазеть на эту сырую дыру. – А куда мы попадем?

– Не радуйся, не в постельку, – гыкнул верзила. – Потерпи чуть-чуть, еще успеешь. – И легонько шлепнул ее по заду.

– Что вы себе позволяете! – взревел беглец и сделал несколько решительных шагов к наглецу. Но Галинка тотчас преградила ему путь, потянув парня за рукав назад, и у того вывалось: – Будь моя воля!..

– Ну ладно, ладно, будет... – примирительно пробормотал верзила и снова, но уже вяло, небрежно кивнул на люк: – Вон, гляньте, свобода рядом...

Парень перевел дыхание, проскрежетал зубами и сипло, подавляя гнев, спросил:

– Так куда же ведет этот туннель?

– Наверх. Куда же еще?.. – Верзила хитро прищурился и скривил щеку.

– А конкретнее? – бросила Галинка и сердито стрельнула в его сторону глазами.

– А конкретнее – в республику Странных. – И ухмыльнувшись, добавил: – Там вам и место.

Но беглец, казалось, не обратил внимания на выпад верзилы и снова полюбопытствовал:

– Значит, туннель пересекает границу?

– Две, – буркнул тот, морщась, и пояснил: – Туннель проходит под территорией соседнего государства, граничащего с нами по южной стороне небольшим крючковатым выступом. С этой вонючей республикой Странных мы, слава Богу, а скорей всего – черту, не имеем общих границ.

– Выходит, туннель довольно-таки большой? Тогда как же мы?.. – И замолк, вопросительно уставившись на верзилу.

– Не бойтесь, господа-товарищи, спокойно драпайте. По ширине выступ с ноготок, маленький, и поэтому туннель всего каких-то полтора километра – махом на той стороне будете.

– Но почему именно в эту республику вы хотите переправить нас? – резко переменяя тему, поинтересовался беглец.

– Не я, а следовательно, – кисло уточнил верзила. – Я бы вас переправил... – И злобно сверкнул своими вороватыми глазами.

– И все же? – настаивал парень.

Тот что-то пробубнил себе под нос и неожиданно выпучил глаза:

– Откуда мне знать, мать вашу?! Вам виднее!.. Мне хорошо заплатили, а остальное – до лампочки!

– Понятно, – сдержанно мотнул головой беглец и снова спросил: – А для чего используется этот туннель?

– Для чего, для чего... – проворчал недовольно верзила и со злостью кинул: – ...для разведки, конечно! – И вновь презрительно скривился.

– И последнее, – не унимался парень. – Почему эту республику называют Странной?

– Вот у них и спросите! – рывкнул тот и, неожиданно прыснув, добавил: – Наверное, потому что там обитают такие же дебилы, как и вы... Так что – идете или нет? – И снова зловеще выгаращился.

Беглец вопросительно глянул на Галинку – та решительно кивнула в ответ. Тогда он живо поправил под мышкой картину, взял девушку за руку и первым шагнул в зияющий круг туннеля.

– У вас, господа хорошие, только тридцать минут, – услышал он сзади хрипловатый голос верзилы. – После я вырублю свет...

5

Они шли уже минут пятнадцать. Приглушенный звук топких шагов вначале пути постепенно перерос в оглушительно громящую канонаду разлетающегося по трубе эха.

Все чаще и чаще на пути попадались камни и неизвестно как очутившиеся здесь коряги. Дорога осложнялась еще и тем, что под ногами стал часто появляться песок, а вскоре – и ил. И если теперь их не оглушало многократно усиленное эхо собственных шагов и им была предоставлена возможность спокойно обменяться парой слов, то сейчас этот путь по сыпучей и вязкой дороге стал предельно изнурительным и изматывающим, не оставляя сил даже на обыкновенный разговор.

И только когда впереди замаячил долгожданный просвет, дорога под ногами вновь обрела твердое основание – каблуки

их изрядно потрепанной обуви опять звонко и уверенно застучали по железным ступенькам туннеля. Однако эхо не усиливалось, наоборот, с приближением конца трубы – уменьшалось, переходя из стонущего, завывающего звука в глухие безобидные хлопки.

Неожиданно ровный свод туннеля оборвался и перешел в мрачную пещеру, заваленную чуть ли не доверху гладкими овальными камнями и огромными обломками острых скал.

Раздирая в кровь руки, цепляясь за расщелины, выступы, им, наверное, минут десять пришлось блуждать в лабиринте всевозможных ходов, лазов, заторов, подвергая себя ежесекундному риску быть раздавленными или замурованными заживо.

Наконец, ход расширился и принял более округлую форму. А когда сквозь приваленный наполовину просвет показались белые барашки далеких облаков, а внизу – скучающая стайка тоненьких березок, их шаги совсем приглушились, а бледноватый электрический свет, тускло освещавший их спины, несколько раз моргнул и погас.

Но это уже не имело никакого значения: ободранные, грязные, усталые до изнеможения, но – счастливые, воодушевленные от вновь обретенной свободы, молодые люди, наконец, выкарабкались наружу. Придерживая друг друга за руки, они осторожно выпрямились и огляделись, жмурясь от яркого жгучего солнца, улыбаясь ему.

Недавние пленники находились у подножья огромной, раздробленной у основания в мелкий щебень скалы, по всей вероятности – бывшей каменоломни. Открывшаяся перед ними картина представляла собой обширную грязно-зеленую долину, зажатую в тиски двумя рядами зубчатых гор – и все это живописное, как на картинке, пространство зигзагообразно пересекалось небольшой, сверкающей на солнце речушкой.

Жилых строений да и вообще каких-либо маломальских признаков нахождения где-нибудь поблизости людей – не наблюдалось. Однако, приглядевшись повнимательнее, они заметили возле реки извилистую сероватую ниточку уходящей за горизонт дороги.

Беглец взял Галинку за руку и они принялись осторожно спускаться вниз, в долину. А когда очутились там и минут через десять подошли к дороге, то вдруг растерялись, не зная в какую сторону податься. Однако, растерянность эта продолжалась недолго. Неожиданно послышался нарастающий

гул тяжело работающего мотора. Молодые люди секунду-другую потоптались на месте, но затем, преодолевая страх, растерянность, все же зашагали навстречу маячившей вдалеке, в серых клубах пыли, красноватой точке. И вскоре увидели приближающийся к ним красочно разрисованный автобус.

Через минуту, простужено чихнув и тяжело качнувшись на ухабине, он подкатил к ним вплотную и, выпятив вперед тупую морду с живописным плакатом вверху: «Идите с нами – и вы получите все!», остановился, сердито газанув и окатив незнакомцев смесью горячего газа и тугой сероватой пыли.

– Вы с кем? – проворковала одна из многочисленных мордашек, высунувшихся из округлых окошек автобуса. А встретив уставшие, непонимающие взоры путников, придирчиво осмотрела их и, вдруг мило улыбнувшись, удовлетворенно заключила: – А-а, понятно, вы – из Отрешенных, близкая к нам платформа... Садитесь!

Беглец с Галинкой быстро закарабкались в переполненный автобус, кое-как втиснулись в проход, основательно заваленный многочисленными транспарантами, лозунгами, картинами, а также – ящиками из-под водки, пива, напитков, и под пьяное улюлюканье, истерический смех, лающие песни разношерстных пассажиров стремительно покатали дальше, навстречу пугающей неизвестности.

Примерно четверть часа спустя, исколесив не один километр вилянием среди небольших островков обгорелых кочек, ершистых кустов голубики и заиндевелою пылью сухостоя, подобрав по дороге, наверное, еще с десятков путников, казалось, в немислимых одеяниях, – от костюма Евы в кирзовых сапогах до рясы священнослужителя с маршальскими погонами, – они, наконец, въехали в огромные деревянные ворота с интригующей надписью на карнизе: «Из ада – в рай!».

Автобус остановился – и вся эта взбалмошная ватага выплеснула наружу. Беглец и Галинка не успели даже глазом моргнуть, как очутились в бурлящем, переполненном страстями людском водовороте. Отовсюду слышались ликующие возгласы, торжественные речи, умопомрачительные призывы и истерические здравицы в честь какого-то спасителя-мессии, и казалось, что никто никого не слушает, а лишь сам себе говорит – говорит убежденно, запальчиво, рьяно, взхлеб, – однако, как это ни странно, все, кажется, были довольны и удовлетворены таким необычным исходом.

Беглец оглянулся, увидел растерянно озирающуюся Галинку, подскочил к ней, схватил за руку, чтобы не потерялась, и в этот момент неожиданно заметил скромную, изрядно потрепанную вывеску на противоположной стороне улицы. Невзрачным, совсем обыденным шрифтом там было выведено: «Булочная».

Голод они почувствовали сразу, голод страшный, всезахватывающий голод, который, как им казалось, пронзил каждую частичку, каждую клеточку их уставшего, вконец измученного тела.

Не сговариваясь и не обращая ни на кого внимания, они быстро перебежали улицу и словно на крыльях понеслись к этому манящему, завораживающему воображение месту.

Осторожно, через силу сдерживая себя, беглец приоткрыл по-старинному звякнувшую дверь и они вошли, вернее, ввалились внутрь магазина, где их сразу же обдал с ног до головы одурманивающий запах свежеспеченного хлеба.

Голова у парня закружилась, но он устоял и даже успел подхватить качнувшуюся было девушку.

Они замерли у порога, не в силах пройти вперед, пошевелиться, боясь ненароком упасть – прямо здесь, на этот чистый, только что вымытый пол, упасть с радостью, облегчением, упасть без оглядки, надолго, ибо сил подняться уже не будет, а будет лишь одно желание – дышать и дышать этим вязким, живительным воздухом, наслаждаться им и уже ни о чем не думать, ни к чему не стремиться.

Наконец, беглец через силу решился, и, придерживая Галинку за руку, шагнул вперед, к прилавку.

Из-за полок, ломящихся от румяных калачей и булок, выглянул тщедушный мужичок с водянистыми хитро бегающими глазками и основательной коричневато-красной лысиной на макушке.

Он профессиональным оком ощупал вошедших, растянул в улыбке тонкие бледноватые губы, привычным жестом поправил фартук и елеинным голосом полюбопытствовал:

– Чего изволите, молодые люди?

Беглец был просто не в силах оторвать глаз от полок, и поэтому даже не посмотрел на продавца, сбивчиво пробормотав:

– Нам... нам две булочки.

– Каких именно? – уважительно дернулась лысина.

И в этот момент парень услышал испуганный окрик Га-линки. Беглец живо обернулся к девушке – и увидел ее неестественно расширенные глаза. Они были устремлены на продавца.

Парень резко развернулся и – обомлел. За прилавком стоял Следователь.

– Вы?! – только и сумел он выдать.

– Не понял, – часто заморгал лысый и вновь повторил тем же услужливым голосом: – Так каких вам сдоб: этих или этих?.. – И изящным выпадом руки коснулся двух обворожительных ароматных кучек хлеба.

Однако, в следующий миг беглец уже взял себя в руки. Он понял: перед ним всего лишь двойник. Один из многих. И на этот раз господин случай свел их, опять свел, уже здесь, в этой Республике – снова непонятной, снова загадочной, вернее – Странной, как называют ее там, за столбами. Действительно странной, если здесь этот человек был всего лишь продавцом. Простым, обыкновенным продавцом! Но вот каким он был здесь человеком?..

Беглец посмотрел на девушку – та тоже, кажется, все поняла и уже, по-видимому, была не так напугана.

Тогда он снова обратился к продавцу:

– Извините нас, это от волнения, усталости, на улице шум, галдеж... Вы не дадите нам две булочки?.. – И через силу про-ронил: – ...в долг?

Тот вскинул брови, но... вдруг согласился, кивнув:

– Да, конечно... – И неожиданно глянув куда-то вглубь помещения, затряс головой и поспешно спросил: – А когда вернете?.. – Однако, все же потянулся к полкам, быстро взял две небольших булочки и воровато сунул их парню.

– Спасибо! – обрадовано выкрикнул беглец и, хватая еще совсем горячий хлеб, запальчиво пообещал: – А вернем завтра, обязательно!..

– Никаких завтра! – вдруг раздался сзади властный женский голос.

Все трое враз повернули головы – и уперлись в злобные старушечьи глаза. Возле полок стояла невесть откуда взявшаяся пожилая женщина и, подперев по-мужски крепкими, мощными руками свои массивные, оплывшие жиром бока, сверлила их презрительным взглядом.

– Ты до каких пор будешь разбазаривать мое добро, облезлая нехристь?! – набросилась она на лысого, испуганно

скрючившегося чуть ли не пополам. – Совсем с ума спятил?! – И круто развернувшись к беглецу, охрипло рявкнула: – А ну-ка вертай сюда хлеб, бродяга бездомный! – Со злостью вырвала булки из рук онемевшего парня и, скривив губы, вытаращилась на молодых людей.

Галинка и беглец остолбенели. Но не от грубости и бесцеремонности старухи – от ее удивительно знакомых, а для девушки еще и бесконечно дорогих глаз.

– Бабушка!.. – наконец вырвалось у Галинки. Сбрасывая с себя оцепенение, преодолевая через силу вдруг увеличившуюся вдвое усталость, она протянула руку к старухе и сквозь слезы воскликнула, точнее, простонала: – Родная!.. Вы не узнаете меня?! Я же ваша внучка!! – И заплакала беззвучно.

– Чево-о?! – взревела старая, устремляя бешеный взор на девушку. – А ну убирайся отсюдава подобру-поздорову, грязная попрошайка!.. Поди же – внучка сыскалась, а?! – И скрипуче заржала, могуче колыхая своими обвислыми грудями по обтянутому замусоленным фартуком животу.

Беглец принялся потихоньку подталкивать Галинку к дверям. Но она сопротивлялась, сопротивлялась вопреки всему – виденному, слышанному, даже – рассудку. Как маленькая, совсем еще несмышленная девочка она, казалось, полностью подчинялась сейчас одному – своему сердцу.

Продолжая тянуться к старухе, кусая до крови спекшиеся губы, Галинка тихо плакала и беспрерывно повторяла – надрывно, шепотом:

– Бабушка, милая, бабушка, родная!..

Не обращая никакого внимания на беснующиеся толпы людей, они понуро плелись по центральной площади города. Время шло к вечеру, и кое-где уже загорелись огни. Однако, народу на улице не поубавилось. Все вокруг продолжало клочкотать с какой-то неистовой, безумной силой, словно все до единого вдруг сошли с ума или враз, не сговариваясь, а просто по мановению свыше, напились какого-то дикого, вернее, дьявольского напитка. И две слегка покачивающиеся фигурки, конечно, не сумели гармонично вписаться в эту кипящую страстями массу. Они были чужими здесь, они были изгоями в этом мире – мире Странных, как, собственно, и в остальных ему подобных, и поэтому не могли долго оставаться незамеченными.

Двое дюжих молодцов черных майках с белыми крестами на кровавом фоне пятиконечной звезды во всю грудь остановили бесцельно шатающихся незнакомцев и, играя тяжелыми стальными цепями на запястьях, пьяно прохрипели:

– А это что за видики?.. Почему не поддерживаете нашу манифестацию?

Путники непонимающе уставились на парней, но сказать ничего не успели, лишь беглец в последний момент среагировал, машинально выкинув руку навстречу летящей со свистом цепи. Но это его не спасло – спасло это Галинку.

И последнее, что уловило потухающее сознание парня, была пылающая огнем лавина, стремительно соскользнувшая с неба на его лицо, и – дальше, к валявшемуся под ногами небольшому живописному холсту, чтобы в последний миг, в последнем издыхании, – перед тем, как окончательно рухнуть на него, казалось, небрежно-точным мазком гениального художника, – подхватить беглеца, разорвать его молодое, отчаянно сопротивляющееся смерти тело на части, и хлынув замертво вниз, пробить этим чудовищным взрывом еще недавно яростно пульсирующей жизни туннель во Времени этого безбрежного Пространства и навсегда остаться там, на картине...

6

Обильные струи дождя непрерывно омывали символические свадебные кольца, установленные на стремительно мчавшейся по широкому ровному шоссе роскошной импортной машине. «Дворники» работали на повышенном режиме, но – не успевали. И поэтому сидящие в салоне люди не сразу увидели забрезжий вдалеке силуэт приближающегося города.

– С ума сошла погода, – хмуро заметил щупленький человек, сидящий рядом с водителем – молодым симпатичным парнем в строгом черном костюме. – Третий день льет... – Он скривил тонкие бледные губы, морозно передернул маленькими пологими плечами и осторожно, будто убирая мокрую липкую грязь, провел ладонью по идеально чистой, зеркальной лысине.

– Кажется, утихает, – отозвался водитель, – так что к регистрации успеем.

– Смотри мне! – послышался сзади наигранно-строгий голос пожилой женщины. – Опоздай только!.. – Она покосилась на парня своими не по годам молодыми глазами. – Что это за

свадьба без документов о регистрации? Если б в церквушке, у батюшки, повенчались – тогда другое дело! А так – непорядок!.. – И повернувшись к рядом сидящей девушке в серебристо-белой фате, сказала: – Верно говорю, Галинка?

– Не беспокойтесь, бабушка, – счастливо улыбаясь, ответила та, – если уж сам жених за рулем – не опоздаем! – Наклонила свою сияющую головку к старухе, положила ей на плечо и ласково проворковала: – И к батюшке в церковь обязательно успеем...

– Причем здесь жених? – дурашливо возмущился лысый. – Главное – конь! – И неподдельно гордым видом обвел роскошный салон своими влажными, слезливыми глазами. – Если бы не моя универсальная ассоциация, то смог бы наш уважаемый жених так выгодно и скоро сменить свои старенькие «Жигули» на этот элегантный «Мерседес», а?

– Что правда, то правда, – уважительно согласился парень, поворачиваясь к лысому.

– Ты, беглец, смотри на дорогу! – строго зыкнула сзади старуха. – А то, не приведи Господь, снова, как и прошлый ее хозяин, превратишь эту «буржуйскую» машину в ту рухлядь, что по дешевке купил...

– Беглец? – удивился лысый. – Почему вы так зовете его? – Он обернулся и заинтересованно уставился на женщин.

– Да так уж прижилось... – смущенно заулыбалась невеста.

– Это как же? – не унимался лысый. – От тебя убегал, что ли? – И впился требовательным прокурорским взором в девушку.

– Да нет, Господь с тобой... – поспешила на помощь старуха, махнув корявой рукой. – Они же с первого класса вместе, на одной парте сидели. А тут – переезд. Вот и удрал наш бедолага в тот город, в который Галинка вместе с родителями уехала. Насилу вернули...

– И сколько тебе было? – лысый повернулся к жениху.

– Взрослый уже, – вполне серьезно ответил парень и уточнил: – Десять лет!

Все громко рассмеялись. Дорога повернула налево, и в этот момент машина несколько раз фыркнула, чихнула и – заглохла. Парень не растерялся и по инерции съехал на обочину.

– Вот тебе и ассоциация, – ядовито подвела итог бабка и, сердито зыркнув в сторону лысого, выругалась: – Черти полосатые, подсунули парню рухлядь!..

К счастью ливень прекратился, и все четверо, разминая занемевшие от долгой езды ноги, вылезли из душного салона на свежий прохладный воздух. Беглец быстро скинул пиджак, поднял капот и живо принялся что-то колдовать у мотора.

Неожиданно тяжелые свинцовые тучи раздвинулись – и в образовавшуюся брешь озорно выглянуло солнце. Все вокруг сразу же заблестело, заискрилось, заиграло.

Выставляя навстречу ласковым лучам возбужденное от переполненного счастья лицо, Галинка отошла от автомобиля и блаженно прикрыла глаза; затем легко крутанулась в танце, широко расставляя руки и звонко стуча каблучками об асфальт, перепрыгнула небольшую лужу, разделявшую обочину дороги от кромки мягкой зеленой травы с реденькими ершистыми кустами, нагнулась, сорвала закрывшуюся от дождя ромашку и вдруг удивленно ойкнула.

– Смотрите, что я нашла! – Она подняла из кустов небольшой прямоугольный щиток с внушительными ободками по краям, стряхнула с него грязь, старательно обтерла о траву и – увидела красочно разрисованный холст, обрамленный в массивную позолоченную рамку, по-видимому, старой работы.

– А ну-ка, разреши... – Лысый перепрыгнул лужу, взял у нее картину, выпятил нижнюю губу. – Симпатичная рамка, – сказал он, смахивая с нее комочки грязи. – Под старину, сейчас это модно. У нас в прокуратуре такая висит...

– Да выбросьте вы эту гадость! – сердито обронила подошедшая к ним сзади старуха. – Кто-то выкинул, а вы руки мараете!.. – И потянулась было к картине, намереваясь немедленно исполнить задуманное.

Но Галинка опередила бабку, выхватив находку у лысого.

– Нет! – решительно мотнула головой она. – Пусть останется... – Девушку заинтересовала не рамка, а изображение на холсте. Разорванный на части, но, казалось, все же не покоренный кем-то или чем-то человек даже в своей предсмертной агонии по-прежнему стремился к какой-то своей, особенной, неподвластной разуму цели...

– М-да, что-то в ней есть, да – есть, – тоном профессионала заметил лысый.

– Жуть, да и только, – мрачно заключила старуха.

Неожиданно послышался простуженный кашель двигателя, а следом – резкая, надрывная прогазовка и, наконец, умиротворенный деловой рокот.

Парень быстро собрал ключи, звонко хлопнул капотом и весело объявил:

– Экипаж готов, извольте оседлать коня!.. – Но видя, что невеста и ее спутники почти не среагировали на это долгожданное сообщение, не спеша подошел к ним и, вытирая о замусоленную тряпку руки, равнодушным тоном любопытствовал: – Что за сокровище вы тут откопали, а?

– Смотри! – восторженно метнула взгляд на жениха Галинка и протянула ему полотно.

– Неплохая работа, – поджав губы, буркнул парень; взял картину двумя чистыми пальцами, повертел ее перед носом и... вдруг почувствовал в груди какое-то незнакомое, щемящее чувство, казалось, чьей-то далекой, непонятной утраты; поморщился, вздохнул, тряхнул головой и торопливо бросил: – В будущем хозяйстве сгодится! – Осторожно поднял глаза на невесту, улыбнулся – однако ответной улыбки не последовало; на секунду замешкался и суетливо проговорил: – Ну ладно, ладно, надо ехать – а то опоздаем... – И с непонятной для себя злостью швырнул грязную тряпку в лужу.

Он живо прошагал к машине, открыл багажник, небрежно бросил туда картину, помог Галинке усесться в салоне, подождал, пока устроятся там остальные, потом сел сам, немного помедлил, унимая невесту откуда взявшийся озноб во всем теле, и резко, будто преодолевая себя, врубил скорость.

Дождик вновь принялся накрапывать, словно и прекращался для того, чтобы позволить беглецу как можно быстрее отремонтировать неожиданно сломавшуюся машину. А может, она и ломалась лишь для того, чтобы они нашли эту загадочную картину и забрали ее с собой?..

...Сверкающий новенькой краской «Мерседес», хлеща на ветру разноцветными свадебными украшениями, стремительно мчался навстречу неунывающему от ненастья городу, навстречу счастью двух любящих сердец, а в багажнике машины, на гладких картонных коробках из-под шампанского, сиротливо покачивалась уменьшенная копия картины великого сюрреалиста прошедшей эпохи Сальвадора Дали «Предчувствие гражданской войны», исполненная при таинственных обстоятельствах неизвестным мастером еще задолго до появления своего знаменитого оригинала...

Центр – 5
 Архив Недр Времени
 Сектор «Б»
 Экокуратору Олегу Оору.
 Строго конфиденциально!

Глубокоуважаемый друг! В пору своей бурной юности, в одном из разведывательных рейсов по транс-пятой спирали метagalактического пояса, мне довелось слышать из уст одного старого проходчика одну, на мой взгляд, маловероятную историю. В ней говорилось об утере контрольной экспедицией на одном из малоразвитых этажей нашего пояса хронопольа резидентского шифроблока биопространственной развертки Высшей Категории Материализации. Предполагается, что внешне шифроблок был гиперзасекречен, однако имел вполне материальную основу.

Можете ли Вы, дорогой коллега, сообщить мне, есть, хотя бы, малая толика правды в этой, на мой взгляд, странной легенде?

Вы вправе задать мне вопрос: зачем мне это? Отвечаю. Всю сознательную жизнь я увлекался коллекционированием необычных слухов, домыслов, легенд о нашей с вами славной Гравислужбе. Однако, на это всегда не хватало времени. Сейчас же, уйдя на отдых, я имею его более чем достаточно. Вот и решил систематизировать свой уже довольно-таки обширный каталог. А заодно – включить туда данную историю. Разумеется, если в ней окажется хоть крохотная часть реальных фактов.

Допуск Совета Проходчиков прилагаю.

Заранее благодарен: Бэр Вогонский,
 экс-проходчик,
 летчик-гравитатор
 Галактик-Класса.

12-го числа 1-го месяца 4-го сезона
 242-го витка Объединенной Эры Разума.

****

тихий океан
 Восьмая – искусственная
 Код: 39765 – сб

Курортная
Экс-проходчику Недр Времени
Бэру Вогонскому.
Лично в руки!

Добрых и теплых Вам звезд, уважаемый командор!

На Ваш запрос отвечаю. Утеря шифроблока, как это ни странно, действительно имела место около двухсот витков тому назад. Случилось это, предположительно, при катастрофе на одном из крайних порогов сигмы-времени во время вхождения в зону Ретровселенной начального цикла Техцивилизаций. Однако, голографическими данными этого уникального прибора, а также сведениями о возможном его использовании какими-либо формами Разума на соседствующих хроноэтажах – не располагаем. В блоке Памяти Прошлых Эпох всех без исключения временных течений нет ни мифологических, ни исторических отметок, конкретно или, хотя бы, косвенно указывающих на его дальнейшую судьбу.

По всей вероятности, он был случайно раскомплектован биоавтоматом-контролером Секретного Посольства на одном из многочисленных перекрестков временных полей и, наверное, исчез в хронопещерах навечно.

Опасения же разблокировки его в виде псевдобиологических образований или аннигиляции парадоксальных токов Времени практически не имеют под собой основания. За исключением разве что целенаправленной пси-волны обширной категории гуманоидов, резко, в течение абсолютно короткого времени, изменивших общепринятую форму социального устройства, что даже теоретически маловероятно для самых крайних сообществ – от преддиктаторских до последемократических.

Рад Вам услужить.

Здоровья и успехов: доктор Олег Оор,
зкзокуратор Архива.
14-го числа 1-го месяца 4-го сезона
242-го витка Объединенной Эры Разума.

А. ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Слеза

Взревели мощные двигатели самолета и машина задрожала, ища выход всей своей затаенной силе. Джон, летчик-истребитель морской авиации Соединенных Штатов, должен совершить сегодня свой пятый боевой вылет за три последних дня с начала военной операции. Вот уже неделю над Балканами стоит безоблачная, ясная погода, и самолеты НАТО без усталости бомбят сербские города, не давая сербам ни минуты передышки.

Истребитель дернулся, снятый с тормозов, и стремительно помчался по узкой ленточке взлетной полосы авианосца, весело задрал нос, резко набирая высоту. Перегрузка до боли вдавила пилота в мягкое кресло. Он убрал шасси, проверил работу систем самолета, доложил, что все в порядке. Взлетев на двенадцать тысяч футов повернул истребитель на восток и включил автопилот. Весь полет проходит по строгому плану, разработанному в штабе командования, плану, в котором все действия рассчитаны чуть ли не по секундам. Сейчас он идет в составе ударной группы, но позже отделится и в одиночку полетит бомбить приказанные цели. Вдали на горизонте появилась тоненькая полоска берега и стала медленно, словно нехотя, приближаться. Пока самолет летит над морем, можно немного расслабиться.

Джону нравилась Европа, он любил Балканы. Может потому, что своей природой они чем-то напоминали родной край, север Америки. Джон все чаще и чаще вспоминал городок, где родился, где прошло его детство и юность, где он оставил свою первую девушку и поехал поступать в военноморское училище. Городок, затерявшийся в лесах недалеко от границы с Канадой, с его тихими пустынными улочками, дешевыми забегаловками и одним кинотеатром, в котором Джон проводил вечера, мечтая о военной карьере летчика-истреби-

теля, вставал перед глазами всякий раз, как летчик отправлялся в полет. Каждый боевой вылет таит в себе опасность быть сбитым, погибнуть или попасть в плен, никогда не вернуться обратно. Всегда в такие минуты память возвращает человека в прошлое, в самое счастливое и радостное время, что было когда-то в жизни.

Как давно это было... В двадцати километрах от города располагалась военная авиабаза войск ПВО. Ночью и днем в небе проносились крылатые машины, наполняя окрестности ревом мощных реактивных двигателей, выписывали в воздухе различные фигуры. Наверное это и послужило увлечению самолетами, дало пищу фантазиям, а позже и принятию решения навсегда связать свою жизнь с авиацией. Разве знал он тогда, что станет заложником военной машины Пентагона, маленьким «винтиком» громадного монстра, именуемого Военные Силы Америки. Нет, тоща он мечтал лишь о том, как на своем истребителе будет рассекал океан прозрачного воздуха и как бы играясь, сбивать один за другим самолеты противника, посягнувшего на честь и свободу родной страны.

На индикаторе бортового радара появились отметки самолетов, собранные в красивую фигуру «кончики пальцев». Так, теперь надо добавить газа и догнать свою группу. Все пространство вокруг машины заполнено летящими в разных направлениях штурмовиками, бомбардировщиками, истребителями. Они круглосуточно снуют над Боснией, парами и группами совершают удары по разным сербским объектам. Да, ребята работают на износ. Только посадил самолет, отдохнул несколько часов, и снова в класс, готовиться к следующему вылету. Ни сна, ни отдыха нормального. Джон закрыл глаза и доверился навигационной аппаратуре истребителя: автопилот ведет машину по курсу, а если какой-нибудь самолет подлетит слишком близко к Джону, то предупредит пилота об опасности громким гудком.

Детство Джона прошло в постоянном страхе заживо сгореть в ядерном взрыве, постоянной угрозы атомной войны с СССР. Впрочем, этот страх был почти у всех его сверстников, всеобщая истерия. В школе им рассказывали про Советский Союз, но Джон не верил, что в этой стране живут дикие, голодные люди, одетые в медвежьи шкуры, строящие коммунизм и готовые в любой момент обрушить все свои ядерные боеголовки на его родину, из-за своей лютой ненависти к капиталистам и политики диктаторского правительства. Его дед

по материнской линии был эмигрантом, бывшим советским подданным. Джон с мамой частенько приезжал в Грейт-Фолс навестить старика, и особенно нравилось ему слушать длинные рассказы деда о прожитых годах в далекой русской стране. Вообще-то дед был чудаковат немного, повесил в углу комнаты православные иконы и все молился Богу перед ними. У Джона был один бог – небо, и ни в какого другого он верить не собирался. Тем более, что никто из его друзей и родных, кроме деда, не были верующими. Это позже, в переделках, в ситуациях, когда время замедляет свой бег и решается судьба, он невольно молил Бога о спасении, ведь правда, что летчик ближе всего к небесам? Дед рассказывал о могучем государстве, где каждый человек грамотен, где в магазинах обилие товаров и никто не голодает. Все это шло в разрез с тем, что говорили в школе и по телевизору о стране советов. Дед презирал коммунистов, но не был в обиде на правительство, которому попал в немилость за свое вероисповедание и убеждения. Он всегда всем прощал обиды. Дед любил страну, которую покинул по воле судьбы, и в его доме Джон часто слышал русскую речь, когда к старику приезжали в гости старые друзья, такие же эмигранты, как и он. Джон ему верил. Может потому, что ни в детстве, ни после он не встречал в жизни человека с такой светлой и чистой душой. Разное представление о русских всегда довлело на психику Джона. С одной стороны славяне – злые, агрессивные варвары, непримиримые враги Америки, с другой – добрые, миролюбивые люди, не желающие никому зла. И это раздвоение особенно проявилось в училище, на нескончаемых занятиях по психологической устойчивости.

В военно-морское училище Джон попал без чьей-либо помощи. Проблемы были из-за русского предка. Это только по телевизору да в прессе Америки кричат о правах человека и отсутствии национализма в «свободной» стране. На самом деле индейцу легче попасть в военную авиацию, чем человеку, имеющему в роду славянского предка. Всю эту мерзость Джон прочувствовал на своей шкуре, когда поступал в училище. Но он просто не мог представить, что не будет летчиком и поэтому все-таки добился своего. Училище располагалось в городе Аннаполис и готовило офицеров ВМС, в звании энсайн, которые затем, при желании, отправлялись в учебные авиакрылья продолжать дальнейшее обучение на пилотов, штурманов, операторов. Это была прямая дорога в небо. В

училище вся романтическая дурь быстро вылетела из головы, и наступили тяжелые армейские будни, заполненные учебой, физподготовкой, лекциями и занятиями. На лекциях постоянно вдалбливалась в голову идеология, так настойчиво, что никто не мог сомневаться в правоте этих утверждений: «Великий американский дух свободы и демократии должен витать во всех странах мира, в странах, где народ поработен диктаторским режимом. Мы установим новый порядок во всем мире и создадим американскую мировую империю. Страны «золотого миллиарда» станут нашими придатками, а все страны «третьего мира» – сырьевыми колониями. Это необходимо для упрочения мира во всем мире. Новые условия безопасности требуют смещения стратегии США в сторону предотвращения военных конфликтов, силовое вмешательство необходимо для спасения большей части гражданского населения от голодной смерти, последствий применения противоборствующими сторонами оружия. Когда весь мир будет подчинен Америке, то не будет больше ни войн, ни конфликтов, незачем будет воевать. Мы создаем общепланетарное государство со столицей в городе Вашингтон, и никто не сможет нам помешать в миротворческой работе. Непокорные страны, в скором времени, должны принять наш порядок. Мы применим любые средства давления на них, и в том числе, нашу многомиллионную армию. Военным силам отводится главенствующая роль в деле укрепления мира и безопасности». А может ли быть иначе?

Самолет летел уже над землей. Под крылом проносились деревушки, поля, леса, и ниточки рек, причудливо петляющие меж заросшими деревьями холмами. Истребитель догнал ударную группу, состоящую из шести истребителей-бомбардировщиков и четырех штурмовиков. Около Сараево группа должна разделиться и каждая машина полетит к своей цели. Две пары штурмовиков пойдут бомбить сербские кварталы в городе, остальные машины разлетятся и парами уйдут в различные стороны. Не ему решать кто, куда и с кем летит, но оставшись без ведомого Джон чувствовал себя, как не в своей тарелке. Он настолько привык к Майклу, своему напарнику, что невольно оглядывался назад, ожидая увидеть идущий следом истребитель друга.

В одиночку опасно летать: второй дублирует при атаке на цель, смотрит за точностью попадания бомб, прикрывает в случае чего, да и вместе веселей как-то. В Ираке его чуть не

сбили, спас ведущий. Тогда еще «зеленого» Джона отправили набирать опыт сразу после экзаменов, из седьмой эскадрильи первого учебного авиакрыла в боевое авиакрыло, базировавшееся на авианосце в Персидском заливе. В учебке ему дали всего один месяц освоить боевой истребитель-штурмовик, и сразу в бой. Война подходила к концу, и тактические истребители летали над страной, охотясь за мобильными пусковыми установками баллистических ракет. Единственное надежное средство борьбы с ракетами – уничтожить ее еще до запуска, на земле. Нашумевшие зенитные ракеты «Патриот» сбивали чуть больше половины летящих иракских ракет, а сбитые падали на жилые кварталы. Командование поставило задачу в кратчайшие сроки уничтожить все оставшиеся пусковые установки. Круглосуточно сотни боевых самолетов искали ускользающие тени. Спутник фиксировал запуск ракеты по тепловому следу, оставляемому ее двигателем, в разведцентре обрабатывалась информация считанная со спутника, сразу же передавались координаты цели прямо на борт истребителей, и в этот район отправлялись ближайšie машины. На этот раз приказ пришел именно ему, Джону, и его напарнику, когда они возвращались на авианосец, уничтожив пять иракских целей. В обязанности Джона, пока еще ведомого в паре, входила подсветка целей лазером для бомб с лазерным наведением, которые сбрасывал ведущий. Но теперь предстояло атаковать ему, так как ведущий уже истратил весь свой боекомплект. У Джона оставались две бомбы, раздумывать нечего, надо хватать удачу за хвост. Когда еще выпадет шанс отличиться перед командованием? Развернув машины, они устремились к цели и через несколько минут были в нужном квадрате. К тому времени иракское ПВО было полностью подавлено, ничто не угрожало самолетам, летящим выше шести или десяти футов над землей. Из-за низкой облачности пришлось лететь низко над землей, визуальнo и по инфравизору ища пусковую установку. Джон обратил внимание на облако пыли, тянущееся над землей. Подлетев ближе, он увидел тяжелый тягач, сообщил ведущему. Сделав несколько кругов, определил цель как пусковую установку баллистической ракеты и указал ее бортовому компьютеру. Ведущий включил подсветку и Джон, сделав боевой разворот, пошел в атаку. Никогда он не атаковал с такой низкой высоты, запросто могут срезать из зенитки или пустить вслед ракету. Но сейчас выбирать не приходилось, облака мешали лазеру, отраженному от цели,

попасть на головку наведения бомбы. Вдруг сверкнули огнем невесть откуда взявшиеся зенитные пулеметы, и вокруг пикирующей машины поползли трассеры пуль. Головка бомбы все не могла захватить цель. Пули, словно стая пчел, подбирались все ближе и ближе к нему. Но тут ведущий орлом спикировал с неба на иракцев, стреляя из пушки. Сразу огонь перешел на него, а Джон выпустил бомбу и ушел вверх, отделавшись раздробленным закрылком. Ведущий, как всегда, вылез сухим из воды и они довольные, покружив над уничтоженной целью, полетели обратно.

Славное тогда время было, героическое. Джон воевал за Америку, за ее интересы и интересы порабощенного народа Кувейта. Капеллан, военный священник, говорил о каком-то освобождении народа Ирака от диктатора, эдакого «злодея» Хусейна. Но как можно воевать за освобождение народа, убивая при этом тысячи мирных жителей, уничтожая инфраструктуру страны, разрушая жилые дома, храмы, больницы, школы? Джон не мог успокоиться, этот вопрос волновал его. Все-таки в нем есть славянская кровь, а славяне, как говорил дед, не терпят несправедливости. Но и особо не распространялся о своих суждениях сослуживцам. Да и некому было поведать. Никто в эскадрильи целью этой войны не интересовался, парни просто свою работу делали, ту единственную, что умеют делать, чему они учились столько лет. У них была одна радость – небо, и им было плевать на всякие там сомнения и рассуждения политиков и сенаторов. Впрочем, любые сомнения если и появлялись, то быстро рассеивались красноречивыми разговорами о долге родине и хорошими деньгами. Джон за уничтоженную пусковую установку получил крупную премию, боевую награду и заметку командования о скором повышении в звании.

После «Бури в пустыне» наступили обычные будни, с еженедельными полетами, тренировками и подготовкой. Он успел жениться и вот уже прошло два года, как стал отцом симпатичной дочурки. Приказ об отправке в Боснию пришел три месяца назад, когда Джон с женой и дочкой гостили у дедушки. Нужно было заменить заболевшего капитана, но почему именно им, Джон понять не мог. Ведь столько парней с его эскадрильи просили направить их в зону конфликта. Он знал, что в составе сил быстрого реагирования «зеленых» не держат, силы целиком состоят из ветеранов войн. Есть те, кто воевал еще во Вьетнаме, это в основном, командующий со-

став. Есть, кто дрался в Ливии. Но, конечно, большинство – ветераны иракской войны, имеющие за плечами по несколько десятков боевых вылетов. Скорее всего потому и решили перевести Джона в Адриатику. Пришлось прервать отпуск и срочно лететь в Филадельфию, на базу, а оттуда, через Италию, на авианосец. Ребята здесь успели сделать уже по сотне вылетов над Боснией, и с нетерпением ждали приказа о начале военной операции. Какому летчику не хочется похвастаться, применить свои знания и умение во славу родной страны? За день до «часа X», время начала первого удара, всех пилотов собрали в актовом зале авианосца и полковник выступал перед аудиторией, рассказывая о целях предстоящей акции: «С декабря 1994 года наша авиация, совместно с авиацией наших союзников по альянсу, проводила в жизнь «Вариант 1» урегулирования боснийского конфликта. Мы поддерживали с воздуха персонал Организации Объединенных Наций, когда ему угрожала опасность со стороны агрессивных сербов. Теперь пришло время воплотить в жизнь «Вариант 3». Наши самолеты будут уничтожать гражданские и военные объекты на всей территории Боснии, технику и тяжелую артиллерию вокруг зон безопасности и за их пределами. Мы поддержим с воздуха наступления мусульман и хорватов на земли, занятые сербами. НАТО принадлежит важная роль в мирном урегулировании кризиса, а силовое вмешательство даст в результате скорейшее прекращение конфликта. Только полный разгром сербской армии силами мусульман и хорватов при всесторонней поддержке нашими вооруженными силами может решить эту проблему, угрожающую безопасности во всем Восточно-европейском регионе. Согласно «Меморандуму о взаимопонимании» между ООН и НАТО мы проведем в жизнь тщательно подготовленные планы боевых действий против сербов и установим прочный, нерушимый мир в бывшей Югославии. Эта операция является генеральной репетицией перед нанесением основного удара по России. При нашей помощи в этой стране прошли реформы и пал коммунистический режим, но угроза развязывания Россией ядерной войны по-прежнему остается. Сейчас мы держим под контролем ядерный потенциал этой страны. Но есть возможность прихода к власти ультраправых партий. Тогда мы будем вынуждены ввести силы быстрого реагирования для предотвращения попадания атомного оружия в руки террористов. Продвижение НАТО на восток наша главная стратегическая задача и я уверен, что

вы, летчики военно-морской авиации, справитесь с ней и оправдаете доверие Соединенных Штатов Америки и мирового сообщества...». Полковник распинался целый час, не забывая упоминать о «миротворческой» роли боевой операции.

Чем ближе группа подлетала к Сараево, тем чаще то тут, то там врезались в небо толстые столбы густого, черного дыма. Казалось, будто они подпирают небо, как гигантские колонны, построенные неведомым создателем. Впрочем, их строители и архитекторы были хорошо известны. Архитекторы – натовские генералы, а строители простые солдаты. Джон посматривал на часы, через несколько минут он отделится от остальных и полетит к своей первой цели, водонапорной башне в маленькой деревушке. Зачем уничтожать систему водопровода? Он задал этот вопрос майору, когда готовился к вылету. И получил, как всегда, готовый, четкий ответ о том, что согласно «Варианту 3» наши самолеты уничтожают стратегические цели «двойного назначения», то есть они служат не только гражданскому населению, но и армии. Про все эти варианты военных действий много раз твердили им на подготовке, еще год назад, и командование решило постепенно воплотить их все в жизнь. С приказом не спорят. Надо, так надо. Но абсурдность всей этой операции, в которую втянут Джон, не давала ему покоя ни ночью, ни днем. Прав был дед, когда говорил, что нечего тебе делать в Боснии, не твое это дело. Может и не умер бы он, если бы Джона не перебросили сюда. Дед был категорически против вмешательства НАТО в конфликт на Балканах и очень сильно переживал трагедию сербского народа. Последний разговор с дедом Джон запомнит на всю жизнь. Старик говорил и геноциде, который рано или поздно устроит Америка сербам, о том, что приказ о переброске Джона в Европу пришел неспроста, и внук полетит убивать его братьев по крови и по вере. Это был самый сильный удар по сердцу старика. Он болел уже три года, а последнее время был совсем плох. Слова деда ножом ударили и по сердцу Джона, окончательно запутавшегося в ситуации: «Кто поможет сербам в их трагедии, когда все мировое сообщество обернулось против этого маленького народа? И немудрено это, ведь во все века стремились обратить славян рабами, стереть с лица земли их государства, уничтожить культуру и веру Православную. Но стояла Русь и берегла братьев своих от нашествий диких варваров. Шакалами вгрызались они в ее плоть, не поодиночке, а всей стаей своей кровавой. Запомни,

Джон, человек не по паспорту русский, но по душе своей. И не важно, украинец он или белорус, удмурт или башкир. Русь многонациональная страна, и всем народам в ней найдется место. Душа у русского человека такая же великая, как и вся Земля Святорусская. Но мало сейчас в России осталось Русских душою, все больше сволочи плодится. Иначе отвернулась бы она от братьев своих и закрыла глаза на творимое преступление? И комариный писк протестов ее не слышит никто, ибо нет больше былой славы и нет к ней уважения, и нет русского «вето» в Совете Безопасности. Кто теперь поможет сербам? Где русская непобедимая армия, почему она не спасает братьев своих, как бывало в старину? А ведь могли еще раньше ввести войска, установить мир и покончить с делом территорий. И не посмели бы больше хорваты да мусульмане наступать на исконно сербские земли, сжигать деревни, вырезать стариков, женщин да детей. И показали бы кулак вашим натовским генералам, ибо трусы они есть и нападают только на слабых и беззащитных. Нападают, зная, что не придется держать ответ за убийства, зная полную свою безнаказанность. Нападают всей сворой своей, имея мощь военную, немереную. Но нет сейчас на Руси правителя, служащего ей и ее интересам, и нет Русских в окружении его, и упущено время для решительных действий. Сейчас же Запад только и ждет от России акций для оправдания нанесения удара по ней, пускает слюни, предвкушая новую кровь. И некому помочь убиваемым сербам, лишь на Бога упование, да на Матерь Божью, покровительницу всей земли славянской».

Летчик повернул истребитель и, оторвавшись от группы, снова включил автопилот. Через несколько минут он подлетит на рубеж пуска ракеты. На этот раз Джон выбрал для первой цели ракету «Мейверик» с телевизионной системой наведения. Старые добрые ракеты были на вооружении морской авиации уже более двадцати лет и отлично зарекомендовали себя. Главное условие успешного применения этой ракеты – чистое небо и отличная безоблачная погода. Самолет проткнул огромное облако дыма. На экране радара высветилась наземная цель. Джон поставил на пуск «Мейверик». На правом индикаторе включился вид с телекамеры ракеты, а на лобовом стекле квадратная рамка, указатель места, где находится водонапорная башня. Джон приготовился к атаке, и когда квадрат превратился в белый ромб, означающий, что ракета нашла цель, нажал на пуск. Истребитель дернулся, освобо-

дившись от смертоносного груза, и ракета пошла вперед, ослепляя при этом летчика. Он следил через индикатор за изображением, передаваемым с глаза телекамеры «Мейверика» и видел, как все ближе и ближе приближается ракета к башенке, одиноко стоящей на вершине холма. Вот сверкнула вспышка взрыва и экран погас. Джон покружил над развороченной конструкцией и доложил в центр, что цель уничтожена. Можно идти дальше.

Ближе и ближе подлетал пилот ко второй цели. Что за здание в центре города он должен был разрушить, Джон так и не узнал. Когда он это спросил у майора, планировавшего этот вылет, то получил в ответ замечание о том, что он слишком много задает вопросов. Перед вылетом все пилоты долго сидят в специальном классе, где через терминал можно попасть в базу данных единой стратегической системы и узнать все о предстоящих объектах удара, посмотреть их фотоснимки. Доступ имеется к изображениям местности, полученным со спутника или самолета-разведчика. Можно посмотреть карты любого масштаба территории, над которой предстоит лететь. Но на этот раз в информации о второй цели Джону было отказано. В бортовой компьютер истребителя уже были введены координаты этого объекта, и летчик задал только маршрут для автопилота и вид первой цели. Джон был любопытен по своей натуре, но похоже, он так и не узнает, что за здание сейчас разрушит. Просто сбросит бомбу с лазерным наведением, с такой высоты подсветка лазером делается прямо с самолета-носителя, и улетит обратно, на свой авианосец. На индикаторе бортовой радиолокационной станции высветилась вторая цель, скоро он будет у города. Похоже, этот город в глубине сербской территории еще не подвергался бомбежкам, ни одного столба дыма не поднималось над ним. Ну что ж, он будет первым. Джон поставил на пуск бомбу, поймал беленький шестиугольник в рамку и сбавил скорость, подлетая ближе к цели. Вот тут и сверкнуло солнце, отразившись от золотых куполов местной православной церкви, и ослепило Джона своим ярким светом. Этот свет проникал, казалось, в самую душу воина, в само сердце, обжигая его огнем. Остановилось время и пелена застлала глаза, а когда рассеялась, то увидел Джон, что стремительно падает вниз его самолет, падает прямо на здание, которое приказано уничтожить. Резко взяв штурвал на себя, он вывернул истребитель из глубокого пике и успел рассмотреть свою вторую цель. В это было трудно

поверить, но это было правдой. Здание, на которое он чуть было не сбросил бомбу, было не чем иным, как обыкновенным детским садиком. Маленькое двухэтажное здание, окруженное нехитрыми детскими приспособлениями для игр, верандами, качелями. Джон делал круг за кругом над городом и все больше и больше понимал, что означает скупая формулировка «цели двойного назначения». Школы, где учатся будущие воины, больницы и госпитали, где лечатся наряду с солдатами и мирные жители, предприятия, которые дают продукцию и тем и другим, дети, которые вырастут, и будут мстить за смерть отцов и матерей своих. Двухтысячегунтовая бомба, если бы упала на здание, то оставила бы от него огромную воронку, разметав взрывной волной все близлежащие дома. Джон прилетел сюда воевать с солдатами, а не с ребятами. Да, прав был дед, Джону здесь делать нечего. И не будет он брать на свою душу грех ради кровавых игрищ политиканов. Рука нащупала сектор газа и летчик включил форсаж, повернув свой самолет на запад. Он летел прочь от этого места, прочь из этой страны, с ее загадочным славянским народом. Джон летел туда, где стоит его дом и где его родина, там ему место, а не здесь. Джон знал, что за невыполнение приказа его ждет арест, перевод обратно на авиабазу в Филадельфию, может даже увольнение из армии. Но он не думал сейчас об этом, он сделал свой Выбор. В его сердце горел маленький огонек, оставленный золотым сиянием, и теперь он будет разгораться сильнее и сильнее, и не даст пропасть во мраке темной и злой ночи. Солнце убегало на запад и летчик летел вслед за ним. В ярких, ослепляющих лучах предстал перед Человеком лик Божьей Матери с младенцем на руках, и по щеке ее катилась слеза...

Ник. ЮРКОВ

Танец на трупах

Посвящается Владиславу
Панфилову, автору повести «Сны
человеческие».

I

– Вот она – Земля. – Прошуршал в темноте глухой голос.

Сквозь темно-красные, рассеивающие свет стенки была видна огромная посеревшая планета. Внутри звездолета медленно передвигались расплывчатые черные тени.

– Да, последняя планетка, – отозвался другой, еще более мрачный голос – Последняя. – И тень в другом конце корабля шевельнулась.

Воцарилась гнетущая тишина, пока Земля со скоростью черепахи поворачивалась на экранах корабля.

– Когда прилетает Главный? – Вновь проговорил первый голос.

– Кто же его знает... Говорил, через шесть месяцев.

– Да, придется спешить... Славная будет работенка. – Первый голос немного помолчал и спросил. – Как там остальные?

– Ждут. Готовы на все сто. Да и я, пожалуй, тоже соскучился по работе. Быстрее бы начать.

– Жаль, что Россию нельзя трогать до поры... – Голос шумно вздохнул. Из другого угла донеслось.

– Да, и Иерусалим тоже, но это только до поры. Главный без нас не управится. – В интонации его появилось удовлетворение. – Так что, подождем.

Тени продолжали шевелиться и трепетать, пока на мониторах вновь не появилась Земля. Раздался хриплый кашель, и первый голос произнес.

– Ну вот, пора. – Черная тень медленно двинулась к пульту корабля. – Садимся, – и он защелкал клавишами.

Звездолет метнулся к Земле, готовясь прикоснуться к ней горячим дыханием раскрасневшихся дюоз.

II

– Ой, Никки, посмотри, вон еще звезда падает! – Воскликнула Ирина, глядя на небо. Оно было усеяно блестящими каплями далеких светил. А по самому центру скользнула крупная звезда, оставляя за собой по-летнему теплый желтоватый свет. – Как хорошо!.. Я тоже хочу быть звездой и падать, падать, падать. – Она закружилась, раскинув руки. – А ты? Ты хочешь?

Парень слушал ее милую болтовню и умиротворенно смотрел на звезды. Он взял ее ладошки в свои руки и явно наслаждался покоем.

– Ты меня не слушаешь! – Капризно перебила она его мысли.

– Excusez – moi, mademoiselle¹. – Сказал Ник шутливо. – Ты же знаешь, малышка, я очень устал. Дай мне немного прийти в себя. – Он немного помолчал. – Лучше посмотрела бы на небо. Красиво, да? Я уже недели две не видел звездного неба.

– Да, красиво. Вот бы полететь туда, во Вселенную!.. С тобой хочу полететь... – Ирина положила голову ему на плечо. – Ник, о чем ты думаешь? – спросила она через секунду.

Он немного помолчал.

– Да так, мне до чертиков надоела моя примитивная работа, моя жизнь и вообще этот мир. Эх, если бы не ты, я бы не знал, что делать. А так хочется приключений, битв, любви... Эх, мне скучно, детка.

– Ну уж любви тебе должно хватать. А вообще-то я тебя понимаю. Мне, конечно, легче, – я девушка. А тебе... – она прижалась к нему. – Кстати, ты слышал последние новости?

– Новости? Нет, я с этой работой есть забывал, а новости уже недели две, наверное, не смотрел. А что?

– Ну, ты многое потерял: в мире такое творится, а ты заперся у себя, как затворник!

– А в чем дело-то? – Ник с нетерпением стал ее слушать.

---

¹ Извините, девушка. (франц.)

– Определенно я, конечно, ничего не знаю, но по телевизору передают такое, что ахнешь! Люди в мире мрут, как мухи. За две недели уже миллиард человек погребено. А еще...

– Ты что, шутишь!? – Воскликнул Ник. – Миллиард человек... – Это же невероятно!

– Ничего я не шучу... – Обиделась Ирина. – Новости надо слушать.

– В мире чрезвычайное положение ввели... кажется, неделю назад...

– Ты знаешь, что Англии, Испании и Франции уже нет? А в Америке 150 миллионов жмуриков! А Австралия – пустыня! – она окончательно вышла из себя.

– Так что же ты раньше молчала? – спросил пораженный Ник.

– А я забыла. Во-первых. А, во-вторых, меня это не очень волнует. Мне нужен только ты, вот! – она показала ему язык и обиженно отвернулась.

– И тебе не страшно?

– Когда я с тобой, мне ничего не страшно. – Она бросилась ему на шею. – Ты ведь у меня сильный. – Девушка дотронулась до его исполинской груди.

– Да, и умный. Ну ладно, рассказывай дальше. Отчего люди мрут-то? – Ник поддержал ее шуточный тон, но на самом деле ему было не до шуток.

– Да я не знаю. Говорят, что их что-то убивает, но никто толком не знает что. И, вообще, не приставай больше ко мне, в новостях завтра все узнаешь. Давай лучше займемся делом... – Ирина обняла его, и парень, позабыв о всех мирских волнениях, нашел ее губы.

Они и в самом деле, «занялись делом».

III

Листья мертвенно шевелились, освещенные фиолетово-белым светом уличного фонаря. Небо к утру потускнело и охладилось, созвездия съехали вниз, и Ник с трудом узнавал их. Мир вокруг него был величественен и тих, как будто и не происходило в нем ничего странного. Немного продрогнув, Ник вошел в калитку, больше похожую на дверь сейфа, и в два прыжка поднялся по каменной лестнице.

Зайдя в дом, он первым делом включил телевизор и отыскал новости. Русские телеканалы с утра не работали, были

лишь «CNN» и какой-то «Japan Information's Chanel». Ник, немного знавший английский, оставил «CNN» и стал понемногу разбирать быструю речь комментатора.

– ...В Европе «Линия Уничтожения» продвинулась за последние сутки на 500 километров. Погибло более миллиона человек. Последний город Франции – Страсбург полностью уничтожен. «Линия» переступила границу Германии и погребла под собой города: Франкфурт, Штутгарт и Ульм. Наш корреспондент ведет прямой репортаж непосредственно с места событий.

Ник увидел человека в сером костюме, очень бледного и взволнованного. За его спиной лежал немецкий городок. А за городом – Ник не мог поверить – зловонное, ржавое болото, простиравшееся на сотни километров. От яркого солнца с болота поднимались испарения. На рыхлых кочках лежали десятки, нет – сотни людей. Некоторые из них были разорваны пополам. Вывалившиеся и тоже разорванные внутренности были облеплены зелеными жирными мухами, они перелетали с трупа на труп и от жары казались вялыми и полуживыми.

Некоторые изрублены так, что были совершенно не похожи на людей, лишь жалкие кучки костей, мышц и мозгов.

Журналист что-то потерянно бормотал в микрофон, но в камеру больше не попадал. Она металась по болоту, показывая все ужасы Линии Уничтожения.

Ник был потрясен. Впервые он видел столько трупов, и каких трупов! Да, действительно, Линия Уничтожения.

Вдруг на экране все пропало, лишь всполохи огня заметались в объективе, но вскоре и огонь пропал. Но тренированный глаз Ника за сотую долю уловил огненно-красный шар, спускающийся к земле...

Диктор наконец-то включил изображение, и Ник понял, что тот в нервном шоке. Да, вскоре начнется всеобщая паника. Парень задумчиво выключил телевизор и принял холодный душ.

– Об этом надо поразмыслить. – Сказал он своему отражению в зеркале.

Выйдя из ванной, он налил себе коньяку и, усевшись в кресле, принялся анализировать факты и события.

«Столько трупов, столько трупов!.. И этот странный шар».

Он взял кипу газет, накопившихся за время его работы в лаборатории, и стал внимательно их изучать.

«Так... в США 58 процентов территории превращены в руины. Индия... так, в Индии 300 миллионов трупов. Остальные страны тоже не в порядке. А Россия, а Россия... так-с – гляди-ка, в России ни трупов, ни разрушений. Странно».

«Мне кажется, что это дело для меня. – Сказал он про себя. – А теперь отдохнуть и начать действовать... – А во сне подумал: – только как?»

Ник проснулся с ощущением, что на него кто-то пристально смотрит. Он приоткрыл глаза и увидел Ирину, склонившуюся над креслом. Она была в простеньком платье и в темных очках, в стеклах которых играли искорки ее глаз.

– Ага, спишь, бездельник! Ну как, все узнал? – Она прыгнула ему на колени и обняла.

– Привет, а чего ты так рано? – Он поцеловал ее и, поднявшись, прошел в ванную. Открыв кран, он шумно стал умываться.

– Я же не такая соня, как ты! – она села в его кресло.

– Ты чего? Рано ведь еще. – Ник вытерся и вышел из ванной.

– Ничего не рано. Уже шестнад-цать ча-сов. – Ирина потянулась к бару. – Тебе коньяку?

– Как обычно. – Ник взял у нее рюмку и согнал с кресла, но потом все-таки смиловистился и пустил на колени.

– Куда мы сегодня пойдем? – Она отодвинулась от него.

– Никуда. У меня тут появилось кое-какое дело. В общем, мы с тобой должны расстаться...

– Надолго? – Она огорченно вздохнула.

– Да, малышка. Возможно даже навсегда. Я, девочка моя, должен остановить это,.. эту Линию Уничтожения... – Он искал слова.

– Конечно, милый. Иди, я подожду тебя... – Она грустно вздохнула. Ник знал, что в серьезные моменты она все понимала, становилась мудрой и сильной. – Я знаю, ты можешь погибнуть, но я буду ждать тебя и верить, что ты вернешься победителем, моим героем. Когда и куда ты хочешь уехать?

– Завтра, малышка. Давай сегодня останемся дома и проведем эту ночь вдвоем? Мне с утра завтра добираться до Москвы, а оттуда в Европу. А эта ночь будет нашим прощанием. – Ник задвинул шторы. – Вот только одному уезжать неохота. Но ты же знаешь, что никто кроме меня с этим делом не справится...

– Ты хочешь один остановить то, что не остановила даже миллионная армия, да? – Ирина посмотрела в его глаза.

– Ага, но ты ведь знаешь меня. В мире сейчас правит паника. Люди не могут собраться и противостоять тому, что происходит, а я – спокоен. Я попробую разобраться во всем.

– Конечно, любимый. Я в тебя верю. Ты ведь один такой,.. такой великий, что ли.

– Да, но я думаю, что не один. Помнишь, я рассказывал тебе о человеке...

– О каком? – перебила его Ирина. – О Валерке? Как его там... Гнездове, да?

– Да, малышка, как ты вовремя вспомнила. – Ник улыбнулся. – Но я сейчас не о нем. Хотя и он тоже имеет отношение к этой теме, но об этом потом.

А сейчас я хочу тебе рассказать об одном человеке, его зовут Владислав Панфилов. Ах, девочка, как он пишет! Как он мыслит! Без ложной скромности скажу, что так же, как и я. А если мыслит, то, наверное, и живет так же. Отсюда я сделал вывод, что он аналогичен мне во многих отношениях, как брат, можно сказать.

Вот бы найти его, братишку, но видно не успею. Может быть даже никогда не увижу...

– Ну, не говори так. Ты вернешься, а тогда мы вместе будем искать его и найдем, найдем, милый. – Девушка поцеловала его. – Ладно?

Ник улыбнулся, он всегда удивлялся ей. Ирина могла быть такой разной, что он часто не понимал, говорит она правда серьезно, или шутит.

– Ладно. – Он покрепче обнял ее. – А Валерка Гнездов тоже, как Влад и как я, но он немного сентиментальный. Конечно, не в прямом смысле, а – как бы это... – в духовном, что ли.

Но и Валерку я потерял, как ты знаешь, потому теперь один еду на битву. Хотя на битву ли?

– Даже если и нет, ты все равно победишь, – оптимистично уверила она его. – Да ведь?

– Ага, – парень поднял ее и понес в спальню, где им предстояло провести ночь. Возможно, их последнюю ночь...

IV

Утром они попрощались, и Ник вышел из дому. На оригинальной ограде висела не менее оригинальная табличка с надписью: «улица Коммунистическая № 8». Ник посмотрел на дом, в котором он провел семь лет своей жизни и к которому привык. Но уже минутой спустя шел к автобусной остановке.

Прибыв в небольшой провинциальный городок, в котором он часто бывал, парень напрямик направился на вокзал. В зале ожидания была куча народу и Ник, выбрав себе место в углу, присел, ожидая поезд на Москву. Из Усмани в столицу было попасть гораздо легче, чем в Липецк, областной центр, в который входил Усманский район со всеми своими селами и деревнями, в том числе и легендарным селом Октябрьским, где проживал парень.

Привязав сумку к руке, он задремал, пока скучный голос диктора не прогнусавил:

– Скорый поезд Воронеж–Москва прибывает на 2-ой путь первой платформы. Повторяю...

Ник встал и побрел к выходу. Найдя свой поезд, он устало взобрался и сразу же лег на обтянутую желтым дерматином полку.

Три часа поезд плелся, громыхая колесами, пока в окнах не закачалась белокаменная столица. Ник проверил вещи и документы, готовясь выйти.

Поезд, заскрипев тормозами, вздохнул и остановился. Ник легко спрыгнул на мокрый крупный гравий и, перепрыгивая рельсы, направился к рядам такси.

Целый день он носился по Москве, заверяя визу и загранпаспорт, пока, наконец, вечером не сел в поезд, отправляющийся в Варшаву.

– Так, купе № 4. – Ник нашел нужную дверь и, отодвинув ее, протиснулся внутрь. Купе была шикарным. Отделанное под орех, оно успокаивало взгляд и даже как будто согревало. Две черные, обтянутые натуральной кожей полки свидетельствовали, что купе двухместное.

На одной из полок сидел одетый в белое человек. Он задумчиво смотрел в окно. Когда вошел Ник, незнакомец вздрогнул и обернулся.

– Здравствуйте! Примите попутчика? – Ник широко и приветливо улыбнулся, ставя сумку в багажный отсек. На-

строение у него было отличное. Разве не о таких приключениях он мечтал всю жизнь?

Незнакомец тоже улыбнулся, но как-то неуверенно, словно был не здесь, а где-то в другом месте.

– Проходите... – Пробормотал он и снова повернулся к окну.

Ник присел на мягкую полку и стал осматриваться. У незнакомца было немного вещей, почти столько же, сколько и у него самого. На столике стоял коньяк. Еще какая-то книжка. От нечего делать парень внимательно пригляделся и удивился – называлась книга: «Сны человеческие», а автор-то был ни кто иной, как Владислав Панфилов. Вот уж не думал Ник, что кто-то кроме него может знать его и его произведения.

– Извините, хоть это и не тактично с моей стороны, но, скажите, Вам нравится эта повесть?

Незнакомец, не ожидавший такого вопроса, опять вздрогнул и, запинаясь, ответил.

– Ах, это? Да, знаете ли... А Вы, если не секрет, откуда знаете?

– О «Снах...»? Ну-у, сколько раз я ее читал! Отличная вещь! – Ник пытался разговорить спутника.

– Вам действительно нравится, э-э..?

– Ник, Ник Юрков.

– Да, Вам действительно нравится повесть, Ник? – спросил незнакомец уже с интересом.

– Конечно, извините, не знаю, как Вас зовут.

– Меня, Влад. Очень рад с Вами познакомиться. – Они пожали руки, хотя Ник несколько насторожился, какая-то догадка вертелась у него в голове, но он боялся в нее верить.

– Может выпьем за встречу? – Влад указал на бутылку.

– Можно, но потом попробуем и моего. – Ник достал из сумки неизменный французский «Наполеон».

Они выпили, и когда поезд тронулся, немного поговорив, легли спать. Через полчаса Ник услышал шорох и чуть приоткрыл глаза. Привыкнув к полутьме, он увидел, как Влад что-то достает из сумки. Ник не шевелился, ожидая, что будет дальше. Влад подошел к столику и, нагнувшись, стал откручивать крышку электронагревателя, находившегося под ним. Сделав это, Влад взял предмет, который он достал из сумки, и осторожно засунул его в полую часть нагревателя.

Ник, наконец, все понял и, привстав, тихо сказал:

– Ну, здравствуй, Влад! Вот я тебя и нашел.

Влад испуганно обернулся и, выхватив блестящую полоску стали, вскочил.

– Опустим меч, Влад. Сейчас я тебе все расскажу. Успокойся, братишка... – Когда тот сел, Ник продолжил. – Да, я не оговорился, мы с тобой духовные братья. Уже одно то, что мы с тобой здесь, в этом вагоне, доказывает это, ведь я не искал тебя специально, лишь знал, что ты есть мой брат.

А ты думал, что ты один в этом мире? Когда-то я тоже так думал, пока не встретил девушку, похожую на меня, а еще позже узнал, что есть ты, как две капли похожий на нас с ней.

И если ты еще не убедился в том, что мы идентичны мыслями и делами, то я скажу тебе: ты мудрый, как и я, добр, как я, стремишься к подвигам, приключениям, к свету, как и я, ведь так?

Влад задумчиво кивнул.

– Ты хочешь сделать мир чище и добрей, а сейчас, в одиночку, избавить его от великой опасности, которая погубила уже половину всех стран. А я еду за этим же. – Ник убеждал его, приводил еще множество примеров, пока тот не выдохнул.

– Ник., я знал, я... я верил, что есть мои единомышленники, мои братья на Земле... – Я рад... я счастлив! – Они обнялись – эти два богатыря, едущие спасать мир.

– Да, братишка, я тоже чувствовал это, когда встретил тебя и Ирину, Валерку... Я и сейчас чувствую и радость, и счастье. Вот, значит, как судьба решила. А я уже отчаялся найти тебя.

– Валерка и Ирина?

– Да, тоже твои брат и сестра. Валерку я, как и тебя, потерял, а жаль – хороший боец. А малышку оставил дома.

– Да-а, в один день найти двух братьев и сестренку – это что-то. Давай выпьем!

Они наполнили стаканы коричневой жидкостью и, произнеся тост: «За встречу!», одним махом осушили их.

Потом Ник рассказывал ему об Ирине, о Валерке, о себе, а в окне поезда проносились маленькие станции, освещенные тускло-фиолетовыми фонарями. Поезд приближался к украинской границе.

Влад и Ник засиделись и не заметили, как пролетело три часа.

– Ну что ж, давай-ка уберем мечи в тайник, а то в Польше таможенники – сущие звери.

– Мечи?

– Да, а ты думал, что я сунусь в это пекло совсем без оружия? Кстати, не везешь ли ты другой какой контрабанды, а не то придется сражаться не только с неизвестностью, но и с таможенниками?

– Да ну! Покажи свой меч?

Ник расстегнул сумку и достал тяжеленный, изукрашенный платиной и камнями клинок. Влад взял его бережно, взвесил на руке, проверил балансировку и восхищенно выдохнул.

– Вот это да! Меч богов! Где ты его достал?!

– Самодельный. – Ник явно был горд своим оружием. – Я работаю в институте лазеров, и месяц занимал печь, пока не изготовил все четыре.

– Четыре?! Так у тебя четыре таких красавца?

– Угу. Если хочешь, я подарю тебе один. Правда, выбрать тебе сейчас не удастся, я взял лишь один запасной. Так что... – парень достал из сумки еще один меч и вручил обрадованному Владу. – Я же не знал, что встречу тебя. – Но оправдывался он зря – меч ничуть не уступал его собственному, в чем Влад и убедил его, описав вокруг себя сверкающую сталью восьмерку.

– Класс! Как по мне сделан. Спасибо тебе, брат. Они пожали друг другу руки, и Влад с сожалением положил все три клинка в их импровизированный тайник. Поезд упорно тянул их в ту сторону, откуда приближалась «Линия».

В окнах проносились стайки белых березовых рощ, перемежающиеся с черными полями. Ник посмотрел в окно и сказал.

– Давай немного подумаем парень, а то скоро Варшава, а там думать будет некогда.

Влад закрутил последний винт и, наполнив стакан, сел на свою полку.

– Теперь пусть поищут, собаки. – Немного помолчав, он добавил. – Хорошо. Что мы имеем на этот момент?

– Очень мало сведений и очень много слухов. Люди болтают разное, но я думаю, что это не какое-нибудь стихийное бедствие – это осознанное уничтожение людей кем-то или чем-то. У меня есть кой-какие факты, на основе которых я сделал некоторые выводы.

Во-первых, уничтожение ведется вне России. Почему – не знаю.

Во-вторых, – последовательно, то есть уничтожается территория, а в остальных странах все тихо, потом часовой перерыв и уничтожается другая территория. Я думал над этим и пришел к выводу, что, если в уничтожении виновны какие-то силы, то эта сила одна единственная.

В-третьих, я полагаю, что стена огня лишь прикрытие, ведь тела..., трупы абсолютно необгорелые после его прекращения, Это своего рода силовое поле. – Ник помолчал. – Ну вот, пожалуй, все, что мне удалось разузнать. А что у тебя?

– У меня тоже кое-что есть. – Влад достал смятый листок и, разворачивая его, продолжил. – Мне повезло – я встретил очевидца.

– Очевидца?! Вот это класс. Вот это уже кое-что. Продолжай?

– Ну так вот, я встретил очевидца. Он в то время был в Неаполе, отдыхал, когда до них дошла весть о продвижении «Линии». Тогда-то он и решил убраться из Италии обратно на родину – в Россию. Но не успел. В пути-то его и застал очередной скачок «Линии».

Дальше его слова во многом подтверждают твои выводы.

Он говорил, что: «Стена огня прошла сквозь меня и машину и, не причинив вреда, пронеслась далеко вперед». После этого, по его словам, с неба стал спускаться огромный огненный шар. И вот тут-то началось самое странное и страшное. Из шара стали появляться... кто бы ты думал?

– Инопланетяне! – догадался Ник.

– Может быть и так, но посмотри, на кого они были похожи. – Влад протянул листок, который держал в руке. – Это я нарисовал со слов этого самого очевидца.

– Неужели черти?!

– А то кто же! Люди, конечно, в панику, а черти начали косить их, как сухую коноплю.

– А что же они не сопротивлялись, или хотя бы не убежали к «Линии»?!

– Некоторые пытались сопротивляться, но черти были неуязвимы, – пули их не брали. А некоторые – на машины и к «Линии», но, подъехав, они со всего размаху врезались в нее. Похоже на силовое поле.

– А как же твой очевидец выбрался?

– Он, видя неудачи своих предшественников, на малых оборотах к «Линии» подъехал и стал потихоньку двигаться вперед, но ничего не получилось. Тогда он выбрался из маши-

ны и попробовал прорваться пешком. Но выйти снова не удалось, лишь голова и руки прошли сквозь стену огня, хотя, как он говорит, это был и не огонь вовсе. Очевидец мой оказался сообразительным и, раздевшись, вырвался за границу «Линии Уничтожения», едва не попав на нож к тройке чертей.

– Почему же он не рассказал никому?

– Не Знаю. Может подумал, что его сочтут за сумасшедшего. До этого случая он был другим – мы работали вместе, – а потом стал диким, неразговорчивым, странным каким-то..., но это неважно.

– А почему рассказал тебе?

– Я узнал откуда он приехал, долго за ним наблюдал и постепенно вытянул все эти сведения.

– Да-а, нам повезло, – протянул Ник. – Информации предостаточно.

– Но мы не знаем главного – как убивать эту нечисть. – Влад удрученно покачал головой.

– Да, для этого нам придется найти подопытный экземпляр черта.

– Да уж.

Во время разговора они и не заметили, как выпили уже две бутылки коньяка. В голове приятно разливался туман.

– Ну что, Влад, на боковую? – Ник стукнул ногтем по бутылке. – Отличная штука, но мало.

– Но мало. – Сказал Влад в один с ним голос. Они оба улыбнулись и стали готовиться ко сну. Но поспать им не удалось. Через час дверь отодвинулась, и туда протиснулась взлохмаченная голова с рыжими космами волос, торчащими из-под каски защитного цвета.

– Извиняйте, украинска таможня, – протянула она. А затем в купе вошел и сам ее обладатель.

– Черт, совсем забыл про этих. Суверенные. – Сказал Ник по-французски.

– Хорошо, что успели, а то бы сейчас привязались, уроды. – Проговорил Влад в тон ему.

– Tu parle France?¹ – Ник удивился.

– Oui, Nick². – Ответил Влад, но тут в разговор вмешался таможенник.

– Извеняйте, господа, ваши документы?

---

¹ Ты говоришь по-французски? (франц.)

² Да, Ник. (франц.)

Ник и Влад отдали ему документы и стали переговариваться на французском.

– Извольте произвести досмотр? Запрещенное везете?

– Нет, мсье, – ответил Ник, а Влад улыбнулся. Они вышли из купе, пока таможенник копался в их вещах. Не найдя ничего, он вышел и отдал им паспорта и визы.

– Извиняйте. Доброго здоровья! – И отодвинул дверь в соседнее купе. Ник с Владом вернулись на свое место.

– Вот, собака, разбудил, – недовольно пробормотал Влад.

– Ну нет! Я спать буду. – Сказал Ник и растянулся на полке. Влад тоже лег и с открытыми глазами пролежал полчаса, но все-таки бессонная ночь дала о себе знать, и он провалился в черноту.

Оба очнулись от толчка. Поезд остановился и зашипел. Ник выглянул в окно и увидел деревеньку, с захудалой станцией.

– Еще наш родной СНГ.

– А Польша когда? – Влад зевнул. Ник посмотрел на часы и сказал.

– Через полчаса граница.

Они пошли умываться, бриться и чистить зубы – провозились до самой границы. Пройдя таможду, парни снова обговорили план действий. Решили после прибытия в Польшу двигаться прямо к «Линии» и попытаться захватить черта, хотя бы одного, чтобы выведать у него информацию.

В общем, план был тот же, что и вчера, но только они теперь утвердили его на трезвые головы.

В окнах уже проносились чужие поля и рощи. Чужая земля недружелюбно поливала поезд крупными каплями дождя. Поезд же, посерев и съезжившись, продолжал нестись вперед, везя в себе двух исполинов-богатырей, бросивших вызов самому Дьяволу.

V

Они вышли в Варшаве, предварительно забрав мечи из тайника. Вокзал был битком набит народом. Здесь были, казалось, люди со всей Европы: немцы, французы, испанцы – все пытались уехать подальше от того кошмара, который творился в их странах. Ник и Влад с трудом протискивались сквозь разношерстную толпу, пытаясь выбраться из людской массы.

Покинув вокзал, парни стали искать гостиницу. Пройдя пешком почти полгорода, они, наконец, увидели ее.

Забронировав два номера, парни вновь отправились в город, чтобы разузнать что-нибудь новенькое о своем деле и скоротать время.

В городе, как и на вокзале, царило столпотворение. Везде сновали машины, груженные домашним скарбом; кричали торговцы; проповедники вещали о скором конце света. (И были во многом правы.)

Раньше спокойная и чистая Варшава превратилась в гигантский муравейник на задворках истории и времени.

– Вот, черти! – Воскликнул Влад на каждом шагу. Ник в это время купил газету и внимательно ее изучал.

– Ну что, теперь нам не придется далеко ехать. «Линия» завтра уже пересечет границу Польши. Так что завтра с утра – и в путь.

– Что там еще пишут? – Влад смотрел в окно такси, изучая город.

– Да так, «Линия» немного «успокоилась» – за последние три дня лишь около миллиона трупов.

– Интересно, как это они узнают количество трупов, ведь за «Линию» никто добровольно не ходил?

– А кто их знает, приблизительно, наверное.

В Варшаве был закат. Красные и оранжевые блики играли на древних камнях города, лаская его огрубевшую на ветре и солнце кожу. В вышине метались птицы, черкая по небу своими тонкими иглами крыльев. Древние здания выдыхали гул времен из своих черных стен.

Все было красным, утомляющим глаза. Даже Солнце, разбухнув, из бело-желтого превратилось в ярко-красное, висело в метре от земли. А потом, как города, как целые страны, постепенно исчезло, будто и его поглотила линия – «Линия Уничтожения».

Выспавшись, Влад вскочил, пробежался по номеру, сделал разминку и умылся. После чего пошел к Нику – тот жил в соседнем номере. Войдя в коридор, он увидел, как его напарник собирает вещи.

– Решил пораньше все сделать, – объяснил тот.

– Есть будешь? Я заказал завтрак в номер, пошли – Влад хлопнул его по плечу.

Позавтракали они хорошо, не зная, скоро ли им придется еще есть. И пошли снаряжаться. Ник взял паек на трое суток, веревку, нож и 2 фляги – одна с водой, другая – с коньяком. Облачившись в кожаную куртку и штаны и, прицепив к поясу меч, он был полностью готов и вышел в коридор.

Из противоположной двери вышел Влад, и они, посмотрев друг на друга, рассмеялись.

– Ну, прям близнецы! – Сказал Влад, показывая на свое снаряжение и, помолчав, добавил, – пойдём?

– Да, давай-ка присядем на дорожку. – Они опустились прямо на пол, и через минуту Ник сказал. – Ну, с Богом!..

И по коридору загромыхали тяжелые кованные ботинки.

VI

Холодный дождь хлестал по лицам, по куртками и мечам идущих. Ботинки до основания увязали в глинистой почве, запутывались в вывороченных корнях. Но два человека упорно передвигались вперед. Им было хорошо и радостно от ощущения своей силы, от желания сделать подвиг, от этого холодного дождя. Мощные, стремительные – они играли с погодой, играли с ветром и с самой планетой. Их дыхание было в такт падающим каплям, их шаги были в ритм с громом.

До «Линии» осталось около двух километров, и через полчаса они должны были достигнуть ее. Но оказалось, что сама «Линия» спешила к ним. Влад заметил стремительно надвигающуюся стену огня и выхватил меч. Он тускло блеснул на дожде, как глубинная рыба. Ник одновременно с Владом рванул свой клинок из ножен, и через минуту «Линия» настигла их.

– Вперед! – Крикнул Ник, и они рванули к шару, спускающемуся в низину в ста метрах от них. Шар не успел еще коснуться земли, а Влад и Ник уже были рядом с ним, но они не останавливались и продолжали бежать в сторону от шара, к болотам, где еще совсем недавно были сверхгорода: Берлин, Париж и Лондон.

Когда корабль сел, в его стенке образовалось отверстие, через которое вылазили черти, или, вернее, существа очень на них похожие. В трехпалых лапах у них блестели топоры, тесаки, мечи и еще всевозможное вооружение. Вея масса существ

устремилась к близлежащим деревьям, но семеро чертей, увидев убегающих воинов, бросились за ними.

А те бежали изо всех сил, изредка оглядываясь, чтобы посмотреть, продолжают ли черти свое преследование. Добежав до линии болота, Влад остановился. Ник крикнул ему, поворачиваясь к чертям.

– Рисуи пиктограмму! Я подержу их, а потом ты подержишь, пока я буду пробовать один маневр.

Пока Влад ковырял дерн, преследователи приблизились и с визгом набросились на Ника. Тот ожесточенно рубил, отбивал, отбегал и наступал, ожидая, когда Влад закончит.

Черти рубились неважно, но с силой, и казались неуязвимыми. Если Ник протыкал их, то они, постояв немного в стороне, вновь набрасывались на него. Но намного эффективнее было отрубать им головы или руки, тогда черти отбегали к отрубленным частям и, приникнув, начинали постепенно срастаться с ними.

Однажды Ник разрубил одного из них пополам и отбросил обе части в разные стороны. Они пытались соединиться, но он не давал им это сделать, и через пять минут черт издох.

В это время Влад начертил полутораметровую пиктограмму и ринулся на помощь Нику. Тот, отступая, крикнул.

– Руби их пополам и не давай соединяться! Помогает.

А сам стал наступать на самого крупного черта, отесняя его к пиктограмме. Черт был вооружен палицей и часто осушал руки парню, но тот, размахнувшись, выбил палицу и погнал его в центр пиктограммы.

Черт понял, что попал в ловушку и пытался вырваться, но Ник четко произнес.

– Именем Бога, ты наш пленник! – И наложил на пиктограмму крест. Черт мгновенно успокоился и сник. А парень бросился к Владу, который уже уложил двоих выродков. Бешеным натиском он выбил из лап оставшихся все оружие, и вдвоем они быстро покосили их, а потом минут десять гоняли по болоту, отфутболивая куски в разные стороны.

– Я выдохся с непривычки, – бросил запыхавшийся Ник и упал на траву. Дождь, вначале мешавший битве, теперь охлаждал разгоряченное тело.

– А я, думаешь, нет? – Сказал Влад и упал рядом. – А что с чертом?

– Сидит, как связанный. Хорошо я придумал с пиктограммой, а? – Ник с удовольствием подставлял лицо под струи дождя.

– Отлично, но вдруг сейчас сюда набегит полтораэта, а то и больше чертей? – Влад тоже нежилась под дождем.

– Нет. Я думаю, что где-то через час, а то и больше.

– Меньше... – Донеслось до них. Черт хотел молчать, но пиктограмма не давала этого сделать. – Через сорок минут перекличка.

– Перекличка? – В один голос спросили Влад и Ник; они приподнялись.

– Да, у нас военный флаер. Дисциплина очень строгая, если семерых не досчитаются, начнутся поиски.

– Так вы инопланетяне? – Спросил Влад, а Ник рассматривал пленника. Впервые он видел черта так близко и в спокойной обстановке.

У него была круглая, большая голова, увенчанная серыми рогами. Физиономия была тоже серая с бугром, похожим на пятак, с пороссячьими глазками и тонкогубой пастью. Рыжая шерсть клоками висела на жирном теле, а ноги заканчивались двумя мягкими, покрытыми лишаями и экземами пальцами, похожими на копыта. Голос был глухой, но какой-то скрипучий, похожий на грохот цепей.

Он помолчал, обдумывая этот вопрос, а потом все же сказал.

– Скорее нет, чем да. Вы знаете, что такое квазар, огненное пространство во Вселенной? Так вот, мы прибыли оттуда, – вы называете это адом.

– Так, значит, вы настоящие черти? – Задал Ник очередной вопрос.

– Да. Но не в том представлении, какое имеее вы – земляне. Ад – это не место, где мучаются вечно грешные люди, их души, это место, где временно обитают эти люди. Как его иногда называют, ад – это чистилище – вот верное определение. И оттуда «выходят» очищенные души, энергосубстанции, чтобы окончательно очиститься на Земле, иногда – не на Земле, на других планетах. Но если этого не происходит, они вновь поступают к нам. А мы не мучители, а своего рода надсмотрщики...

– Надсмотрщики? А почему же вы здесь, почему уничтожаете столько людей? – Влад говорил спокойно, но зло.

Черт опять стал бороться с пиктограммой, зажимая пасть лапами, но силы ее были мощнее, и он сдался.

– Это все Главный... Он уже второй раз пытается стать выше Бога. В первый раз ему это не удалось, и в наказание Творец послал его в материальный мир, очищать от отрицательной энергии людей...

– Кто такой Главный? – Перебил его Влад.

– Это... Вы называете его Сатаной. И сейчас он, Главный, очень силен. Он втайне от Бога уничтожил все планеты с мощными астральными полями и саккумулировал в себе всю их энергию. Из таких планет осталась лишь одна Земля. Здесь около одного процента астральной энергии Вселенной. Нам известно, что в России и Иерусалиме больше всего этой энергии. Но Главный сам хочет взять их, особенно Россию, а мы довольствуемся малым: Европой, Азией, Америкой и остальными регионами.

Черт замолчал, а Ник посмотрел на часы, оставалась еще достаточно времени, и он спросил.

– Что будет с Землей, когда на ней не останется людей?

– Здесь будет болото, одно болото – и ничего больше. А если Главный выиграет борьбу с Богом, Земля станет местом обитания всевозможных организмов, которые сотворит новый Бог – Бог зла.

Черт злорадно рассмеялся, но Влад врезал ему тяжеленным промокшим ботинком в челюсть, и он заткнулся.

– Это мы еще посмотрим, кто выиграет. – Влад хотел было врезать ему еще раз, но Ник его удержал.

– Подожди. Значит, Главный сейчас в состоянии победить Бога?

– Да.

– Но почему же Бог не нанес ему удара, когда тот лишь набирал силу?

– Вот этого-то Главный и не знает, и боится этого. Потому он спешит.

– Боится, значит? Это хорошо... – Влад задумчиво ковырял мечом землю. – Значит, у Господа есть что-то в запасе на его счет.

– Трудновато нам будет, Влад, когда прилетит Главный. Да еще этих надо повывести. – Ник кивнул на черта. – Давай будем быстрее с ним разбираться, а то сейчас тут будет вся их свора. – Он пнул пленника.

– Ну-ка, парень, выдай нам статистику. Сколько вас здесь, сколько вообще на Земле и сколько во Вселенной?

В шаре нас было сто семьдесят, а теперь не знаю сколько. Может еще кто погиб, кроме тех шестерых, – он указал на своих сотоварищей. – А вообще это первый случай гибели чертей на Земле. Были случаи, когда они погибали на других планетах, но очень мало. – Черт почесал в затылке. – А всего на Землю прибыло около трех тысяч, кстати, по-моему это все черти, имеющиеся во Вселенной.

– Да-а, три тысячи, – задумчиво проговорил Влад. – Значит, шар – это не звездолет? Вы разделились и уничтожаете людей по всему миру?

– Да. У нас много шаров. Флаеров, – уточнил он.

– Куда вы деваете собранную энергию? – Вопросы стали перескакивать с одной темы на другую.

– На главный аккумулятор, он находится на звездолете.

– А звездолет?

– На территории бывшей Англии. В городе Бирмингеме.

– Как можно уничтожить звездолет?

– Я не знаю. Я не знаком с технической стороной.

– Хорошо, а теперь главный вопрос. Как вас можно уничтожить?

– Вы уже это делали, – пленник пытался уйти от ответа, но парень терпеливо уточнил:

– Как сделать вас уязвимыми для нашего оружия?

– Ладно, – прохрипел он, как будто пять цепей лязгнули одновременно. – Астральное поле серебра уничтожает нашу астральную энергию, и мы перестаем регенерировать. Чтобы нас уничтожить, вам нужно сделать лишь серебряный меч. Или хотя бы подержать ваши в «святой воде». Но в воде если подержать, то действие поля быстро проходит...

– Значит, вот почему вы боитесь серебряных крестов. – Влад радостно потер руки. – Ну что, сделаем ему харакири?

– Нет, мы ведь с тобой благородные воины. Мы его отпустим, но сначала обезопасим себя. Эй, как сделать, чтобы ты ничего не рассказал своим о нас? – Ник обернулся к пленнику.

– Несколько вариантов, но лучше и проще нарисовать пиктограмму где-нибудь в центре груди, (там у нас, да и у вас тоже, сосредоточена энергия). При попытке что-то сказать о вас, я потеряю всю энергию и даже погибну.

Ник так и сделал, после чего спросил, глядя на часы.

– Когда прилетает Главный?

– Через пять месяцев и неделю, но это не точно – может и раньше, а может и позже.

– Хорошо, выходи. – Ник притоптал мокрую землю в правом углу пиктограммы, и пленник выскочил из поля ее действия и помчался изо всех сил в сторону шара.

– Ха, как ломанулся. – Влад смотрел на убегающего. – Ну, это удача, что нам попался такой разговорчивый черт. Теперь будет легче их уничтожить.

– Да. – Ник поднял свой рюкзак и подошел к нему. – Пошли. Идем искать церковь, Влад. Надо «закалить» наши мечи. В городке есть, наверное, какой-нибудь костел. – Он брезгливо перешагнул через трупы чертей, которые уже стали разлагаться, Влад поспешил за ним.

Они побрели к деревне, разбрызгивая лужи; когда парни приблизились к крайним домам, Влад заметил, что шар поднялся в воздух, – значит, их не искали. Похоже, их тут нет, пошли. – Они протиснулись в узенькую обшарпанную дверь костела, а шар с огромной скоростью метнулся в сторону Англии и исчез из вида.

В церквушке царил полумрак. Затхлый запах икон и старинных книг перебивался запахом ладана, разносимого сквозняком, бьющим из оконца под самой крышей. Внутри было не очень много вещей: алтарь, несколько икон, свечи и, самое главное, – огромный чан со святой водой.

– Ну вот, то, что искали. – Влад, заглянув в чан, опустил туда меч. – Пусть полежит. А пока что давай перекусим.

Они вышли из церкви и расположились на траве. Быстро расправившись с сухим пайком, они решили отдохнуть. Сказывалось, что они не спали вторые сутки.

К вечеру они покинули разрушенную деревушку и направились к «Линии».

– Лучше и быстрее будет, если мы найдем целую машину, иначе придется тащиться через всю Европу. – Ник немного прихрамывал. – Да и времени нет.

– Конечно, лучше, но у меня есть другой план. – Влад поправил рюкзак.

– План?

– Да. Можно попытаться захватить шар. Наверное, сегодня ночью он будет недалеко отсюда. Помнишь городок под Варшавой? так вот там.

– Ну нет, братишка, мы не сможем вдвоем справиться с полуторастами чертей. Да они нас просто задавят. – Ник с сомнением покачал головой.

Почему с полуторастами? Ведь почти все уйдут в город, а мы попробуем взять шар врасплох. – Они приближались к границе «Линии».

– Все равно опасно. Мы ведь не знаем ни его устройства, ни как им управлять... Слишком рискованно. Лучше давай доедем на машине. Два-три часа – и уже в Германии, а там до Англии рукой подать. – Ник убежденно взмахнул рукой.

– А может, попробуем? Кто его знает, какой там у них звездолет, вдруг туда ничто, кроме шара попасть не может, только время потеряем. – Влад все еще не сдавался. А Ник задумался, наконец он решил, что его доводы вполне логичны.

– Ладно, пойдем к городку. Там решим.

VII

Костер полыхал, как полотно на ветру, обдавая жаром то одного, то другого человека. Деревья вокруг были черны, как непроходимый теневой барьер, а внизу, под холмом, мигали редкие огоньки городка. Наверное, многие уехали подальше от приближающегося ужаса, но кто-то все же остался и теперь не спал.

На границах «Линии» пока было спокойно – шара еще не было видно.

По их расчетам он должен был прилететь через несколько минут, а пока они ждали его, развлекаясь разговорами.

Ник достал из внутреннего кармана тусклоблеснувший прямоугольник пластика и с улыбкой принялся рассматривать его.

– Что это? – Влад осторожно взял разноцветную пластину.

– Это? Это моя малышка – я тебе рассказывал.

– Да, я помню. Ирина – сестренка. – Влад поднес фотографию ближе к свету.

У Ирины были темные, воздушные волосы, при свете костра казавшиеся медными, такие же темные, но с зеленым, глаза смеялись. Тонкое, нежное лицо, четко очерченное пушистым воротничком, было, наоборот, грустным, несколько озабоченным, но все равно прекрасным. Одетая она была в короткую шубку и, смеясь, рассыпала вокруг себя блестящий, пушистый снег.

Влад долго рассматривал фотографию, а потом произнес.

– Да-а-а... Вот это да!

– Что, нравится? Еще бы, – Ник взял у него карточку и, посмотрев на нее еще мгновение, убрал. – Ну что, давай собираться, вон они, – он указал на еле видную вспыхивающую и гаснущую звезду.

Через пять минут «Линия» стала продвигаться. Сначала медленно, неуверенно, но потом – метнулась далеко вперед.

Шар, покачиваясь, грузно осел в песок. Из него высыпало гораздо меньше чертей, чем они предполагали. И разбежались кто куда.

– Пошли. – Ник и Влад зашагали к аппарату. Когда они приблизились, Ник неуверенно сказал.

– Нет, все равно опасно. Я пойду один. Все разведая, а потом позову тебя.

– Хорошо, но только пойду я. – Влад, видя, что тот собирается решительно возразить, поспешно добавил. – Тебе нельзя оставлять ее одну, – он хлопнул его по карману, где лежала фотография Ирины. – Хорошо? Ну, давай, до встречи, ведь нельзя прощаться. Жди меня, брат. – Они обнялись, и Влад быстро побежал вверх по трапу, стуча железными шипами ботинок.

Его не было очень долго. Нику даже показалось, что прошло около двух часов. Но на самом деле Влада не было лишь 15 минут. Он хотел было уже сам идти в шар, как внутри аппарата раздался визгливый вой сирены, и трап, затянувшись внутрь, исчез из вида. В ту же секунду парня отбросило от шара метров на семь. «Силовое поле», – мелькнуло в сознании, подернутом возрастающим шоком. Он было пытался встать, но двигатели шара взрыли раскаленной плазмой землю вокруг себя, засыпав ее метровым покрывалом мусора.

Ник пытался вдохнуть, или хотя бы выдохнуть, но в ноздри набивалась земля, и он постепенно потерял сознание.

Двигатели же и спасли его. Шар, метнувшись вверх, струями плазмы разбил все холмы, созданные своим взлетом.

Нику обожгло руку, и он, прокашлявшись, встал и побрел к городу. Это было неразумно с его стороны, учитывая, что там находились черти, но сейчас он ничего не мог сообразить и шел все вперед. Но провидение спасло его. От боли в обожженной руке он вновь потерял сознание около какого-то небольшого и грязного ручья.

Через четверть часа недалеко от ручья промчалось несколько десятков чертей. Они искали шар, но его нигде не было. Ник все еще был без сознания.

Когда стемнело, он резко очнулся и скатился в ручей. Зловонная вода была какой-то темной и жирными каплями стекала с его одежды.

– L'angre¹, – прохрипел он, выбираясь на холм. Внизу уже не горели огни, город был полностью разрушен. Кое-где дымилась развалины, а на площади – Ник не видел четко, но догадывался – разворошенные кучи трупов.

Он с трудом спустился вниз – страшно болела распухшая и посиневшая рука – и побрел по улице. Ни одной целой машины, он шел так полчаса, час, пока не перестал ощущать – ни где находится, ни зачем он здесь. Лишь иногда мозг отмечал то, что видел: «статуя, кажется, каким-то воином», «дом странный, с балконом на первом этаже, или это не балкон», «гараж, целый, с машиной»..., «снова дом».

Он прошел метров двадцать, когда понял – машина. Машина. Ник повернул обратно и ввалился в гараж. Машина, «новенький Ягуар», была целая и в отличном состоянии. Полные баки обещали доехать хоть до Германии. Парень заполз на водительское место и мгновенно уснул. Раненая рука и психологический шок дали о себе знать.

Он был единственным человеком, да, наверное, и живым существом, в этом городе и лунные тени пытались не будить его, обходя стороной. Солнце тоже решило пощадить воина и в положенное время чуть задержалось в своих облачных одеялах.

VIII

Он с трудом открыл дверь, и зеленая жижа полилась в шикарный салон автомобиля. «Ягуар», так хорошо прошедший весь путь, теперь беспомощно тонул, когда они были почти у цели. Парню даже стало жаль машину, с которой он за эти двое суток свыкся, он с сожалением похлопал ее по темно-синему боку и, прощаясь, пошел к разрушенному гиганту – Бирмингему. В центре его высился чужак.

---

¹ L'angre – здесь: проклятье.

Чужак – звездолет начал первое действие трагедии именно отсюда. Он, своим огромным черным телом, сел прямо на дома, магазины, церкви, сминая их, как картон. И теперь приземисто нависал над остальным городом, перемигиваясь тусклыми огнями с подлетающими к нему то и дело шарами.

Издали чужак напоминал жабу, высеченную в скале из черного мрамора, но по мере того, как парень приближался к нему, жаба превращалась постепенно в огромный невиданный замок – крепость. Непреступную крепость, как казалось сначала Нику, но потом он увидел множество узких люков, раскрытых настежь. «Скорее всего вентиляционная система, – подумал он. – Кто его знает, куда она меня заведет. Стоит осмотреться и подождать».

Он устроился в соседнем здании с выбитыми стеклами и без части крыши. Наблюдал несколько часов, все запоминая.

Выбрав момент, когда все гнезда, куда стыковались шары, были пусты, он потихоньку стал подбираться к одному низко-расположенному люку.

Заглянув внутрь, он чуть отпрянул – из люка несло затхлостью, сыростью и, кажется, серой. Но парень все же подтянулся и залез внутрь. Пол – или что-то в этом роде – находился на полтора метра ниже отверстия, и Ник благополучно ступил на корабль.

Он побрел вперед, в полной темноте шаря по стенам. Пол был неровный, засыпанный какой-то дрянью. Коридор все время петлял, соединялся с новыми рукавами и ходами из ржавого металла, пока не привел его к еще более ржавой решетке. Два удара – и она, вылетев вперед, упала далеко вниз. Ник пригнулся и посмотрел вниз. Там было какое-то длинное помещение, наверное, коридор. Но пол его находился метрах в пяти от места, где находился воин. Он немного подумал и бесшумно прыгнул. Но приземление было очень болезненным. Ник попытался сгруппироваться, но больная рука помешала ему это сделать. Но и сама рука страшно заныла.

– Проклятье, – не сдержался парень. Он встал и огляделся. Да, действительно, коридор. Стены голые, как в тюрьме, тусклые лампы. Он пошел вперед, взяв меч в левую руку. Так, боеспособность снижалась.

Парень дошел до поворота и, не ожидая ничего плохого, заглянул в следующий коридор. И тут же отпрянул – там находились штук десять чертей. Они, по-видимому, знали что он на корабле, потому что сразу же направились в его сторону.

Ник сделал вид, что убегает, стуча ботинками по железному полу, а сам стал за угол и приготовился.

Как только первые два черта появились из-за поворота, парень со злостью рубанул по ним всей длиной меча.

– Это вам за Влада, – он разнес им головы, и оттуда вывалились мозги, какие-то странные, словно пластмассовые.

Остальные, видя, что происходит, встали в оборону. Один из них, невидимый из-за спин своих собратьев, метнул маленький кинжал, и он вонзился в незащищенную раненую руку.

– Проклятье, – прошипел Ник и, вытащив нож из раны, с силой метнул его в толпу нечисти. Там раздался визг, и ряды немного качнулись. Воин бешеным натиском ворвался в центр толпы и уложил еще одного. Но остальные, видимо, были искусными бойцами, и Ник ретировался обратно, получив несколько порезов и один ощутимый удар в грудь.

Черты тоже не захотели отсиживаться в обороне и попытались окружить парня, но парень этот зацепил одного и пропорол ему живот. Внутренности повалились на пол, и биться стало неудобно, – они чавкали под ногами, опутывали и скользили. Нику стало до отвращения противно, и он отступил.

И тут же поплатился – один из чертей бросил в него тяжелый тесак, но плотная куртка с нашитыми на ней пластинами выдержала – парень лишь отшатнулся и вывалился в узкий дверной проем. Это место, куда он попал, оказалось посадочной площадкой для шара.

В дверях он уложил еще двоих, неосторожно высунувшихся вслед за ним.

Чертей осталось только четверо, но у парня силы были на исходе. Пот застилал глаза, кровь сочилась из многочисленных порезов и из израненной руки. Вдобавок, когда он разрубил одного черта, тот вновь регенерировал. «Черт возьми, действие поля закончилось!», – Ник лихорадочно соображал, что делать дальше. «Вода! Влад тогда набирал флягу со святой водой. Где же она?», – он заскочил на какое-то возвышение и принялся пробовать содержимое своих фляжек. «Ага, вот!»

Парень принялся обливать меч, но тут один из чертей подскочил к нему и, выбив оружие из рук, попытался нанести роковой удар, но Ник с силой врезал ему по шее. Черт отлетел на несколько метров. Через минуту он поднялся, но рухнул

вновь. Ник уже успел поднять меч. Оставшиеся трое чертей попытались окружить его, но неудачно. Двое из них остались лежать со вскрытыми черепами.

Теперь битва шла один на один, если не считать того, что парень обессилел окончательно. Он едва-едва держал меч в левой руке, а правая была искромсана в клочья.

В глазах у него помутилось, и Ник решил использовать последний свой прием. Черт, почувствовав слабость воина, ринулся в атаку, чем и предначертал свою гибель. Парень, уже без сил, падая в сторону, полосонул мечом по животу «нечистого», а тот, явно не ожидавший этого, опешил и не смог защититься, как и у предыдущих его собратьев внутренности устлали пол этого мрачного корабля.

А Ник еще минут двадцать лежал на металлическом настиле, хватая ртом воздух и жмурясь от невыносимой боли в многочисленных ранах. Когда силы его немного восстановились, он пошарил на боку – коньяк был на месте. Отхлебнув немного из фляжки, он почувствовал себя несколько увереннее. «Нужно идти в центр управления, если таковой здесь имеется, – подумал Ник. – Не дай Бог, если там еще есть черти, тогда я погиб».

Он, шатаясь, побрел по коридору, где полчаса назад кипела битва, а сейчас он видел там лишь безобразные расчлененные трупы, да лужи крови, наверное и его собственной.

Он петлял по коридорам целый час, а то и больше, забредая в какие-то отсеки и лаборатории. Но центра нигде не встретил.

– Черт, где же он есть, центр этот паршивый!? – Вскричал он в отчаянье.

– Если вы имеете ввиду центр управления звездолета «Черный ястреб», то он находится в 25 метрах от вас. Вот карта, – провещал голос из ниоткуда, и на стене зажглась карта.

– Кто ты? – Спросил парень удивленно.

– Я искусственный интеллект этого звездолета, построенного расой Градоров, ныне не существующей. Их, как и Землю, вскоре уничтожили черти.

– Значит, звездолет построили не черти. Да, на них похоже.

– А вы пройдите в рубку управления. Там будет удобнее, да и подлечить вас нужно.

– Ладно, – Ник поплелся в рубку, уверенный, что это очередная ловушка чертей, но ему необходимо было отдохнуть. Голос направлял его.

Наконец, парень вошел в помещение центра управления.

– Сядьте, пожалуйста, в это кресло. – Сказал голос, а «это кресло» повернулось к нему с удобной стороны. Ник сел и зашипел от боли – рука зацепила за подлокотник.

– Не волнуйтесь, сейчас я вылечу ее. – Вокруг руки из ниоткуда, из воздуха, за клубился туман. Нику стало гораздо легче, но туман не исчезал, а более и более окутывал его, парень не сопротивлялся, веки его отяжелели и Ник впервые за трое или четверо суток уснул.

* * *

Когда он проснулся, в центре царила полутьма. Парень не помнил происшедшего накануне.

– Где я? – спросил он удивленно.

– В центре управления звездолета «Черный ястреб». – Понимающе проговорил голос из ниоткуда.

– А-а, ты искусственный интеллект. – Вспомнил парень и потянулся.

Увидев, что его тело цело и не болит, он вновь удивился.

– Ого!

– Вы о том, что я произвел полную регенерацию вашего тела? – Спросил голос.

– Да, ты молодец! Почему ты помогаешь мне?

– Я не очень симпатизирую чертям – они уничтожили моих создателей. Потому я помогаю вам, ведь вы боретесь против них.

– Вполне логично. Так, значит, ты все знаешь об этом корабле? – Спросил он неожиданно.

– Конечно, я ведь для того и был создан, чтобы все знать о «Ястребе».

– Ну тоща закрой все входы в него.

– К сожалению, я только могу сказать вам, как это сделать. Я просто голос – искусственный интеллект. Приспособлений для управления кораблем у меня нет. – Голос сказал, что нужно нажать.

Когда парень управился со сложной системой, искусственный интеллект проинформировал:

– Все входы в «Черный ястреб» заблокированы. Какие еще будут указания?

– У тебя есть доступ к шарам? – Ник удобно расположился в кресле.

– Да. С корабля управляются все флаера, но черти об этом не знают.

– Хорошо. Знаешь, как уничтожить шары? – Ник внутренне напрягся, ведь от ответа зависело, возможно, будущее его планеты.

– Знаю. Вот эти два рубильника вверх, потом комбинацию вот этих двух клавиш, и главный энергетический рубильник вниз до упора. – Ник произвел все эти операции, но главный рубильник не включил. – Скажешь, когда все черти будут в шарах. – Он стал ждать сигнала.

– Все, все черти во флаерах. – Проговорил голос через 15 минут.

– Tres bien¹. – Он повернул рубильник.

– Если можно, нажмите вот эту клавишу. – Попросил голос, и белесый туман за клубился над черной, исцарапанной кнопкой. Парень нажал. И... ничего не произошло.

– Не вышло? – Спросил он.

– Отнюдь, смотрите. На стене появилось множество изображений. На всех участках планеты были шары. Ник ужаснулся – сколько их! Но вот почти одновременно флаеры один за другим стали взрываться. Тысячи осколков с чужой планеты усыпали землю. Но все-таки один шар остался цел.

– Что это? Почему он не взорвался? – Спросил Ник радостно. Дело было сделано – что такое сотня или две чертей по сравнению с тремя тысячами.

– Не знаю. Управление с корабля почему-то отключено... Наверное, они нашли модуль и ликвидировали его. – Голос замолчал, наверное что-то обдумывал. – Я связался с флаером через передатчик. Никто не отвечает. Я чувствую странное поле... Биополе! Оно очень схоже с вашим, но вокруг него сотни биоастрополей. Наверное, черти... Но это странное... что же это может быть?

– Влад, Влад! – Догадался вдруг Ник. – Это же мой братишка. – Влад. Он, наверное, в плен к ним попал. Но он жив!.. Жив ведь?

– Не хочу вас обнадеживать, но все возможно. Хотя, зная повадки чертей, я могу предполагать самое худшее. То, что там его биополе, не говорит еще ни о чем. Астральное и био-

---

¹ Очень хорошо. (франц.)

поле сохраняются вечно, и может быть, что он уже не жив. – Голос постарался быть объективным, но в нем явно чувствовалось желание, чтобы парень был живой, пусть даже в плену.

– Все равно вызывай его еще. – Ник не хотел верить в худшее.

Прошло полчаса, но никто во флаере не отвечал.

– Не знаю в чем дело. Не могут же они там спать. Может, отвечать не хотят... – Голос обращался сам к себе.

– Ну, дружище, у меня уже не хватает терпения. Я пойду его искать, наверное еще вернусь сюда, если не убьют. – Парень поднялся.

– Не спешите, у меня есть запасной флаер. Летите на нем. Идемте в отсек. Я сейчас научу вас им пользоваться. – Они направились в другой конец корабля.

Голос по пути объяснял начальные знания о шаре, и Ник уже многое понял, когда они пришли к узкой двери.

– Здесь отсек с флаером. Проходите сразу в шар. Я покажу вам клавиши управления.

Они вошли в аппарат, и Ник занял кресло в центре управления. Голос показывал ему операции с клавишами, парень точно исполнял их, и створки, толщиной метра два, медленно разъехались на потолке, открывая пространство для вылета флаера.

– Я буду постоянно на связи. Если что, подскажу, что делать. – Говорил голос. – Ну, с Богом!

Шар медленно взмыл в небо и, мигнув на прощание прожекторами, покинул город древней Англии.

IX

Над посеревшим лесом, излучающим тихую усталость, кружили стаи ворон и грачей. Они летали без крика, как-то тяжело и грузно, будто только что объелись желтых зерен пшеницы.

В лесу утонул маленький польский городок, с разрушенными домиками. Где-то здесь расстались неделю или две назад братья, взявшиеся спасти мир. Откуда-то отсюда отправился один из братьев в древний Бирмингем, чтобы найти звездолет своих врагов и избавиться от него, а возможно, и от них самих.

Но теперь город ждал еще каких-то событий – он их предчувствовал. На улицах его плавали клубы тумана, обтекая собой истлевшие сырые кости и черепа. Он ждал...

И вот, с запада, над лесом летел шар. Он двигался уверенно и быстро. А с другой стороны показался другой шар. Они стали сближаться с огромной скоростью. Каждый преследовал свою цель, но никто не мог знать – какую.

Один из шаров остановился и стал ждать собрата. А тот вдруг выстрелил по нему из всех своих орудий. И шар, покачнувшись, рухнул вниз, ломая деревья, как спички...

Шар-агрессор, повисев мгновение, метнулся в сторону России и исчез.

Ник был в шаре, когда показались знакомые ему места. В этом городе он когда-то взял «Ягуар», чтобы попасть в Англию. А вон та поляна была когда-то местом, где сел тот проклятый шар, поглотивший Влада.

Он рассматривал окрестности и было в душе его как-то тепло от чувства возвращения, чувства победы.

Ник, впереди 4-тый флаер, – прервал его мысли голос. – Приготовься. Я буду контактировать с ним. Возьми вот этакий предмет – он на пульте. – На экране показался серый предмет, похожий на странный пистолет. – Это аннигилятор астральной энергии. Настроен на чертей. Им ты сможешь быстро их уничтожить. Ладно, я отключаюсь.

– Merci bien!¹ – Ник напрягся перед встречей с пленителями его брата и взял в руки аннигилятор.

Но встречи не произошло. Внезапные яркие вспышки раскололи шар пополам и Ник, теряя сознание, упал в образовавшиеся трещины...

Он очнулся в уже знакомом ему зловонном ручье. Ужасно болели ноги, но были, кажется, без переломов. Он поднялся и пошел в сторону городка. Двигаться было трудно, он то и дело останавливался и отдыхал.

Сзади кто-то отодвинул осторожно ветку. Ник бросился на землю – и вовремя. Огромный тесак пронесся над ним и воткнулся в дерево по самую рукоятку.

Парень развернулся и, нажав на курок аннигилятора, который он держал в руке, уничтожил огромного, метров двух

---

¹ Большое спасибо! (франц.)

ростом, черта с седой шерстью. «Старый чертяка», – подумал Ник зло. Двинулся дальше и набрел на какой-то неопрятный лагерь. «Неужели черти?», – удивился он, увидев разбросанные куски, обросшие шерстью.

Вокруг было полно трупов. И все – черти. На них уже слетелись вороны и, гаркая, с визгом прыгали на обезображенных телах. Они отбирали друг у друга куски мышц, глаз и прочую добычу. Ник наблюдал за их замысловатыми прыжками и действиями, похожими на танец. «Танец на трупах. – Подумал парень. – Значит, мой шар сослужил мне последнюю свою службу».

Шар, оказывается, упал прямо на лагерь чертей и подавил всех дьяволят. Об этом свидетельствовали обломки флаера, разбросанные повсюду. «А я уже и забыл об этих. Еще с ними пришлось бы сражаться».

Он проверил близлежащий лес и не обнаружил ничего, кроме трупов.

Все черти были мертвы.

«Значит, мне здесь больше делать нечего. Возвращаюсь на Родину!»

Он зашагал на восток, где уже более 15 веков лежала загадочная Русь.

Он шел победителем, оправдав свое имя¹, шел к той, которая ждала его, шел к земле, которую спас.

---

¹ Ник – победитель (греч.)

Следы смоеет дождь

Сверкнула молния, и в ее мертвенном свете на долю секунды стали видны грязный переулок, дома, такие же серые и безликие, как призраки прошлого, ручьи дождевой воды, с шумом текущие по тротуару, и струи грозового ливня, толстые и тяжелые, словно вязальные спицы. Вспышка выхватила из темноты фигуру человека, куда-то спешащего под дождем. Он торопился, подскользнулся, оступался и чуть не упал. Все его внимание уходило на то, чтобы сохранить равновесие, и поэтому он не заметил, как одна из теней, что таились по углам домов и за мусорными баками, разделилась на две и шагнула ему навстречу. Не заметил он и лезвия ножа, блеснувшего во вспышке молнии, и с привычной точностью ударившего слева направо наискось снизу вверх. Долю секунды можно было подумать, что этот удар оставил царапину, не более, но только долю секунды. Кровь тонкой струей брызнула из перерезанной артерии, смешавшись, стекая по одежде убийцы с каплями дождя. Боли жертва не почувствовала. И лишь только удивление отразилось на ее лице, когда тело осело на тротуар. Жизнь покинула то, что недавно было человеком, и удар грома заглушил последний хрип. Убийца, казалось, никуда не спешил. Он стоял и смотрел на дело своих рук. Полыхнувший разряд молнии осветил его фигуру в плаще, в шляпе, надвинутой на лоб, тень от которой скрывала его глаза, но не улыбку, застывшую на губах, и руки, левую в кармане плаща, и правую, опущенную вниз, с ножом, зажатым в ней, и стекающие с него капли крови, размытые дождем.

Через минуту место драмы снова осветилось, но кроме тела с перерезанным горлом и выражением удивления на несчастливо повернутом в сторону бледном лице, там больше никого не было. Убийца исчез, как и появился, снова слившись с тенями, которые умеют хранить тайны так же хорошо,

как холодный асфальт и ночь, бывшие единственными свидетелями случившегося.

Тело обнаружили утром. Мальчишка-посыльный, решивший сократить путь, чуть не наехал на него на велосипеде, неожиданно вывернув из-за угла.

* * *

Уже отсверкали вспышки фотографов, отъехали машины прессы и скорой помощи, забравшей тело, разбрелась толпа любопытных, а лейтенант Мартин Руехкрехкер все еще стоял на мокром асфальте переулка и с усталым безразличием думал, что скажет комиссар. Впрочем, он уже почти наизусть знал все его слова в свой адрес. Было время запомнить. Потому что уже восьмое тело находили в самых разных местах города, где Мартин служил в полиции, с абсолютно одинаковыми ранами на шее, нанесенными острым как бритва ножом, и каждый раз – после грозовой ночи, которая уничтожала все следы. Так уж случилось, что первое тело нашли на участке Мартина, и расследование было поручено ему. Но до сих пор он не имел ни единой зацепки. Дождь смывал все. Оставалось только холодное тело с бессмысленным взглядом, который не мог ни чем помочь лейтенанту. Свидетелей не было. Да и понятно – кто еще будет болтаться по улице темной грозовой ночью, кроме одиноких запоздалых прохожих... и их убийцы.

Связи между жертвами не было никакой. Однажды это была запоздалая проститутка, другой раз – бизнесмен, зашедший на совещании. Седьмым был даже старик-нищий, которого выкинули из ночлежки за неуплату. А третьим – голубой, поругавшийся с дружкой. Убийца не смотрел, кто перед ним, он просто наносил удар и исчезал. Было ясно одно – все убийства происходили грозовой ночью. Однажды гроза была две ночи подряд – и два подряд тела нашли лежащими в грязных лужах.

Но комиссару, шефу Руехкрехкера, и газетчикам, этого было мало. По их мнению, если преступление не раскрыто, в этом виноват детектив, и никто иной.

От этих горьких мыслей лейтенант вздохнул и отправился на поиски.

Целый день розыска ничего не дал. Следствие, уже в который раз, словно уперлось в глухую стену. Нигде ничего. Солнце уже село за горизонт, когда уставший, как собака, лейтенант вернулся в участок. Едва он успел сесть за стол, как

завонил телефон. Он взял трубку, уже зная, кто это и не ошибся – голос комиссара спросил:

– Это вы, Руехкреккер? Ну как, сильно заняты? Если нет, то я жду вас у себя дома. Чем быстрее, тем лучше.

И в трубке раздались короткие гудки.

Машина лейтенанта никак не желала заводиться. Должно быть, тоже устала за день. Мартин плюнул на нее, и не став ждать такси, пошел пешком – шеф жил почти рядом.

Комиссар, судя по его халату и тапочкам, уже собирался спать, когда в дверь позвонил Мартин. Он жил один. Даже не дав лейтенанту раздеться, он провел его в кабинет и уселся за стол, не предложив сесть и ему, явно давая этим понять, что разговор не затянется. Мартин стоял перед столом и не осмеливался поднять на шефа глаза. На нем был мокрый плащ, а шляпу с провисшими полями он держал в руках. По дороге он попал под дождь и промок до нитки – гроза возвращалась на город. За окном потемнело еще сильнее, и громыхнул пока еще далекий гром. Комиссар включил лампу и спросил:

– Ну, что вы выяснили по этому делу? Хоть подозрения у вас есть? Или теории, наконец?

– Ничего, – глухо ответил Мартин, не поднимая глаз.

– Ах, вот как! Ничего! И это все, что вы сделали за полгода? Да-да, я знаю все ваши отговорки – ночь, гроза, и так далее! Но так не бывает, чтобы никого и ничего! Слышите? Не бывает! На меня давят мэры, пресса, общественность, а все, что вы можете сказать, это – «ничего!» Мне это надоело. Я забираю у вас это дело и передаю другому. Вы отстранены! Приказ получите завтра. Свободны!

– Но, сэр... – попытался возразить Мартин.

– Никаких «но»! Дверь вон там. И да, вот еще что. Забудьте о повышении. Вам и лейтенанта слишком много. Все. Уходите.

И комиссар взял со стола газету, давая понять, что разговор окончен. Мартин молча надел шляпу и направился к двери. Но тут яркая вспышка молнии осветила все углы кабинета и белым пламенем отразилась в глазах лейтенанта. Внезапно он повернулся и двумя точно рассчитанными движениями вплотную приблизился к столу, одновременно сунув правую руку в карман. Его глаза скрывались в тени шляпы, а весь его облик как-то неуловимо изменился. Комиссар ничего не заметил.

– Ну, что еще? – спросил он, не отрываясь от газеты.

Мартин промолчал. Его рука появилась из кармана с небольшим предметом, зажатым в ней. Щелчок – и на свет появилось хищное лезвие ножа, который тут же прочертил в воздухе блестящую дугу слева направо наискось снизу вверх, рассекая на своем пути надвое газету и горло комиссара. Тот так ничего и не успел понять. Он удивленно глядел на газету, так чисто разделенную пополам, словно ее разрезали ножницами, и на появившиеся на ней бурые пятна, которые становились все больше и больше. Он поднял глаза на лейтенанта и хотел возмутиться его дерзостью, но на это, как и ни на что другое времени у него уже не осталось. Жизнь утекала из него вместе с кровью, которая залила стол с лежащими на нем бумагами, новый халат комиссара и плащ лейтенанта, и не в первый раз последний хрип был заглушен ударом грома. Лейтенант стоял и смотрел на то, что секунду назад было комиссаром полиции и его начальником, а теперь ни тем, ни другим. Впрочем, и человек, стоящий перед столом, уже не был лейтенантом Мартином Руехкреккером. На тело, залитое кровью, смотрели глаза маньяка, того самого убийцы, который вот уже полгода наводил ужас на город и за которым все это время безуспешно охотился Мартин. Лейтенант исчез, был уничтожен той самой вспышкой молнии, что застала его при выходе из кабинета и словно бы накоротко замкнула цепи в его мозгу. Так было всегда, все шесть месяцев, с того дня, как Мартин попал под грозу и получил разряд молнии, уложивший его на месяц в больницу. Первая же гроза после выписки выволокла его на улицу, словно магнитом, сразу же, как только первая вспышка молнии отразилась в его глазах. Это произошло ночью, и вот первый случайный прохожий остался лежать в луже грязной воды, смешанной с его кровью, а Мартин отправился домой, и все это время, что он был кем-то другим, ни в малой мере не отразилось в его памяти. Мартин жил один, и некому было спрашивать его о том, куда он ходит ночами, да еще в грозу. Соседи, если и видели, то не удивлялись – они знали, что он детектив. А кровь смывалась дождем. Лейтенант даже не знал, что куда-то ходит, и все это время ловил сам себя. Что до ножа, то это был подарок напарника Мартина, который давным-давно отобрал его у бандита. Два года назад напарник был убит в перестрелке, и в память о нем Мартин не расставался с подарком нигде.

Убийца постоял еще какое-то время, а затем вышел, аккуратно закрыв за собой дверь. Никто его не видел. Гроза и ночь снова помогли ему. А кровь, как всегда, смывает дождь.

Исповедь

С некоторых пор я сплю только днем. Потому что ночью приходят они. Все двадцать – четырнадцать человек караула, и шесть спецназовцев. Все двадцать, которых я убил. Все двадцать, которые теперь появляются неизвестно откуда и когда, и стоят в дальнем конце комнаты, и смотрят, и чего-то ждут. Они приходят такими, какими я видел их в последний раз – в окровавленной одежде, с продырявленными навывлет пулями телами и ждут. Чего? Если бы знать. Может, тогда мне было бы легче. Они стоят молча, даже когда я пытаюсь с ними заговорить. Наверное, считают, что разговаривать со мной, их убийцей, ниже их достоинства. А может, привидения умеют разговаривать только через медиума? Но искать его и выяснять я не собираюсь. Мне хватает и того, что они здесь. А если они еще и заговорят, то я вообще сойду с ума. Может, они этого и добиваются. Чтобы я свихнулся и прыгнул с крыши? Или перерезал вены в теплой ванне? Или застрелился из того самого пистолета начальника караула, который я тогда два раза разрядил ему, лежащему на полу с простреленным животом, в голову? И который потом я протащил с собой на дембель? Скорее всего. Но не дождутся! Пусть себе приходят, не дождутся! Я буду спать днем, а ночью смотреть на них, и поглядим тогда, кто кого! Конечно, я могу закрыть глаза и не видеть их. Но тогда подлой холодной змеей подкрадывается страх – а вдруг им надоело ждать, и они подкрались, чтобы придушить, пока глаза у тебя закрыты? Открываю глаза – они все там же. Стоят. Смотрят. И ждут. Неизвестно чего. Но глаза закрывать больше уже не хочется. Так хоть увижу, когда что-то изменится, и успею подготовиться. Хотя к чему? И как? Молитву прочесть? Пробовал уже. Не помогает. Да и не помню я их. А если бы и помнил – что толку? Даже я признаю, что они имеют право там стоять, а уж Господь и подавно признает. Ведь я их убил. Да еще и свалил на другого. Вон он стоит, третий слева. И хоть мне и не видно, но я знаю, что в затылке у него торчит заточенный электрод. Еще бы мне не знать – ведь это я его воткнул. Мало того – я его и заточил. И

загнул, чтобы удобнее было втыкать. Все было очень просто – я велел ему сесть за стол и позвонить генералу, который пытался уговорить меня отпустить заложников и сдать, но так и не уговорил. А когда он сел и взял трубку, я воткнул ему мое изделие за правое ухо. Потом повесил на него автомат. И рожки с патронами. И пистолет за пояс сунул. Взял трубку и взволнованным голосом сказал, что я, единственный оставшийся в живых заложник, только что убил психопата. Ворвавшиеся спецназовцы застали такую картину – я у стены, с поднятыми руками, как я объяснил потом, чтобы не шлепнули ненароком, и труп солдата с автоматом на шее и лицом, лежащим на залитом кровью столе. И заточкой в затылке. В роте я был самым безобидным «духом», и никому даже не пришло в голову заподозрить меня в чем-то большем, чем самозащита. Даже когда пистолет начальника караула так и не нашли. Тот, что был у «психопата» за поясом, принадлежал командиру спецназовцев. Вон он, впереди всех стоит. На груди и шее здоровенные дыры от пуль. Выходные. Я стрелял ему в спину. Как и трем другим, что стоят рядом. Всего их тогда пришло шестеро. Двое остались на улице. Хотели отвязать тех двух, что я прикрутил к ограде. Четверо вошли осторожно, чтобы не разбудить меня. Они думали, я спал. Как же! Я знал, что они придут. Так пусть играют по моим правилам. Я потушил в комнате, где телефоны, свет и посадил тело одного из солдат за стол, сделав вид, будто он спит сидя. На плечи ему я накинул плащ, чтобы кровь не блестела в лунном свете. Получилось очень похоже. Немного поговорил с генералом, а потом нарочно не выключил телефон. И чуть погодя засопел в трубку, словно младенец у груди матери. Потом сбросил трубку со стола, как будто во сне, а сам спрятался в люк у самой двери, под пол. Места хватило как раз. Спецназы не знали про него – они никогда не были в этой караулке раньше. Они, видите ли, элита. На постах они не стоят. Тем более, на таких.

Я ждал недолго – они пришли. Осторожно, переступая через веревки, натянутые мной по всей караулке. Еще в начале всего, расстреляв весь караул и захватив пятерых в заложники, двух из них я привязал к ограде на улице, а к скамейке, что стояла напротив, жестко приделал два автомата на боевом взводе, наведя стволы на привязанных. Трех Других привязал к кровати, сначала подвинув ее к двери комнаты отдыха. Привязал так, что они сидели на полу, опираясь спинами о край сетки. Перевернул табуретку и прибил ее гвоздями к полу

прямо напротив них. А к ее ножкам привязал еще два автомата. Ко всем четырем спусковым крючкам я привязал бечевку, и так напутал ее по всей караулке, что и сам забыл, где какая. Но стоило задеть любую – и все автоматы гавкнули бы разом. Попади мне в голову снайперская пуля, я упал бы прямо на паутину бечевок, и уже мертвый убил бы всех пятерых. Так я и сказал генералу. Он поверил. И не пытался пристрелить меня. Но зато послал спецназ. Дурак. Сам виноват в их смерти. Почему теперь они пришли ко мне? Шли бы к нему. Уж он то точно застрелился бы. А может, уже?

Тогда, ночью, они сначала отвязали веревки от крючков. Не хотели рисковать. А потом пошли брать меня, при этом повернувшись ко мне спиной. Лучшей мишени трудно было представить. Я взял с собой два автомата, и стрелял из обоих. Стрелял, пока не кончились патроны. Первым умер капитан. Удары пуль отшвырнули его к стене. Пистолет выпал из его руки и выстрелил в потолок. Из остальных только один успел повернуться и даже нажать на спуск, но пуля уже попала ему между глаз, и вся его очередь ушла в стену над моей головой. Я бросил разряженные автоматы, схватил автомат спецназовца, залег на пороге и открыл огонь. Одиночными. Еще двое остались на асфальте, а одному я прострелил плечо, но его утащили. В ответ они не стреляли – боялись задеть тех, что внутри. И отступили. Так и не отвязав двоих от ограды.

Потом я говорил с генералом. По телефону.

Те двое, что остались на асфальте были только ранены. Я перебил им ноги. Они шевелились и пытались ползти, тыкаясь в разные стороны, как слепые котятка.

Генерал сказал:

– Разреши их забрать. Они же ни в чем не виноваты. Сейчас ведь кровью истекут!

– Тебе их жалко? – ответил я – Ну ладно. Давай так. Я позволю их забрать, но вместо них ляжешь ты. Согласен? Чего молчишь? Куда девалось твое сострадание? А?

– Ладно, я им помогу. Бескорыстно.

Я подошел к окну. Как сейчас помню – двое лежали на асфальте почти рядом, а вокруг расплывалось темное пятно, становившееся все больше и больше, и блестящее в свете Луны. Я прицелился в голову тому, что был слева и выстрелил. Одиночным. Пуля ушла выше. Со второй попытки его лысая голова треснула, словно арбуз, уроненный на бетон, брызнув в разные стороны своим содержимым. По другому я

дал очередь. Бронежилет ему не помог – пуля попала в спину, ниже края жилета, прошла насквозь и вышла из головы, захватив с собой верхнюю часть черепа вместе с фуражкой, которая отлетела метра на два и осталась стоять, как тарелка с кашей. Веселенький этот натюрмортик до сих пор стоит у меня перед глазами. Я снова и снова вижу, как в замедленной съемке – вот я стреляю, затвор отходит назад, пороховые газы выталкивают пулю, и она уходит к лежащему, чтобы разбить ему голову.

Вон они двое, стоят в углу. За своим командиром. Мне даже интересно, как они стоят, ведь ноги-то перебиты? Однажды я даже спросил у них. Не ответили, конечно.

Мне их не жаль, и совесть меня не мучает. Разве только они и есть совесть? Но все они заслуживали смерти. «Дедушки» – за то, что обращались с «духами» как с животными. «Духи» – за то, что терпели. Я тоже заслуживал. Заслуживал, но только до той поры, пока мое терпение не лопнуло. Мы как раз вернулись с постов, пять человек, не считая разводящего, который и скомандовал: «Оружие к разрядке!». Все, кроме меня, отстегнули магазины. Я еще на посту передернул затвор, а теперь опустил предохранитель. Стоял я крайним. Оставалось только повернуться и нажать на спуск. Что я и сделал. По-моему, они не успели даже удивиться, а уж испугаться тем более, как уже были мертвы. Разводящего я оставил напоследок. На десерт. Вы и представить себе не можете, какое это удовольствие – убить своего мучителя. С каким же наслаждением я влил ему три пули в живот, вспоминая при этом, как он испытывал на мне свои кулаки, не давал спать и заставлял ходить гусиным шагом, пока я не падал. Наверное, он забыл, если долго тянуть даже самую крепкую резину, она обязательно рано или поздно лопнет. А между тем мое терпение не было резиновым. Скорее, бумажным. Вот и дотянул.

Из всех этих уродов, что теперь стоят рядом, мне немного жаль, пожалуй, только начальника караула, лейтенанта. Ничего был мужик. Если бы он не выскочил первым мне навстречу из комнаты с телефонами, то, возможно, остался бы жив. Правда, недолго. Но все-таки. А так получил очередь в живот. Его помощник, сержант, порядочная сволочь, и как оказалось, трус, ничего не пытался сделать, хотя мог бы. Он просто прижался к стене, подняв руки перед лицом, на котором застыла гримаса страха, и дрожал, а на его штанах расплывалось мокрое пятно. Я даже на курок нажимал брезгливо. Таких надо

вешать, смерть от пули для них слишком почетна. Но мне было некогда с ним возиться, и поэтому его мозги растеклись по стене. Четверо «дедушек», спавших в комнате отдыха, хотя им полагалось сидеть наготове, как тому «духу», что прижался теперь к стене, выскочили из комнаты, ничего не понимая спросонья. И наткнулись на труп лейтенанта, босыми ногами наступив в кровь, что текла из его тела. Вы бы видели выражение их лиц, когда они разглядели меня, стоящего за телом, с автоматом, нацеленным им в животы! Ради этой минуты стоило рисковать жизнью. Я улыбался тогда, глядя на этих четырех баранов с поднятыми руками и дрожащими коленками, как улыбаюсь сейчас, глядя на то, что от них осталось, на их тени. Тогда меня так и подмыливало нажать на спуск, а потом чуть повести стволом вправо и влево. Но тут я подумал, что убить их всегда успею, а как заложники они мне еще пригодятся.

Троих я поставил на колени, оглушил прикладом по башке и оставил валяться, а остальных повел на улицу, подталкивая стволом в спину. Я помнил, что за оградой стоит еще один часовой. Просто так его теперь не возьмешь. Я выпихнул «дедов» из двери, а сам залег на пороге. Так и есть, вон он, лежит у калитки и лунный свет отражается на стволе автомата, нацеленного на дверь. Но увидев этих двух с поднятыми руками, он на мгновение растерялся, и этого хватило, чтобы короткая очередь из моего автомата разнесла ему голову. Я привязал их к ограде, предварительно оглушив, прикрутил колючей проволокой, чтобы не дергались. Забрал патроны часового и направился в караулку, когда прогрохотала длинная очередь и пули выбили комья земли у моих ног. Это стрелял часовой из будки поста номер два, из которой был виден угол караулки. Я упал, тщательно прицелился в ярко-зеленую будку и дал очередь в ответ. Потом хотел еще, но получился только один выстрел – кончились патроны. Как потом оказалось, именно он и попал в цель – прямо часовому в горло, а все остальные превратили крышу будки в решето. Мне везло. Теперь он тоже здесь стоит. Весь бушлат залит кровью, а на месте кадыка дыра размером с яблоко. И помощник начальника караула тоже здесь. Во лбу дырка, и на затылке наверняка тоже, но мне не видно. А штаны у него почему-то сухие. Должно быть в чистилище высушил.

Сам начальник рядом. Он был еще жив, когда я закончил натягивать бечевки. К тому времени телефон связи с частью гудел без передышки. Я ответил.

– Кто говорит? – послышался голос генерала. Я его едва узнал – связь была паршивая.

– Новый начальник караула, – нахально ответил я, постукивая по столу пистолетом, который вынул из кобуры лейтенанта.

– А где старый? – спросил генерал.

– Рядом, но говорить не может. Это ему очень трудно с пятью дырками в животе. А его помощнику – без мозгов.

– Это что, шутка? – грозно спросил тот же голос.

– Что вы, как можно? – ответил я, и два раза выстрелил в голову лейтенанту.

Так он сейчас и стоит, смотря на меня одним глазом. На месте другого дыра, как и на месте носа. А четверо «дедов», взятых мной в заложники, приходят босиком, в штанах и тельняшках, продырявленных как дуршлаг, и с колючей проволокой на запястьях. Я убил их сразу после того, как легли шесть спецназовцев. Просто дернул за веревочки, и автоматы грохотали, пока не кончились патроны. Пятого заложника, «духа», я попросил позвонить генералу.

Вот я и вернулся к тому, с чего начал. До сих пор никто, кроме меня, да этих привидений не знает, что там случилось на самом деле. Но скоро узнают все. Потому что рано или поздно мне надоест лежать каждую ночь с открытыми глазами, а когда это произойдет, я присоединюсь к ним, к моим бывшим однополчанам. Ведь пистолет, который когда-то принадлежал одному из них, теперь лежит у меня под подушкой. В нем осталось шесть патронов, но мне хватит и одного. А эту запись я положу на тумбочку, когда решу, что пора. И что-то мне подсказывает, что это будет скоро.

**Внимание педагогам, библиотекарям,
школьным работникам, родителям,
желающим, чтобы их дети росли
духовно и интеллектуально развитыми,
а также всем, кто любит историю!**

**Выписывайте толстый научно-популярный
и литературно-художественный журнал**

"ИСТОРИЯ"

**Подписка на 1997 год – с 1 сентября
Индекс в Каталоге "Роспечати"
"Газеты, журналы" – 71505**

**Журнал "История" - незаменимое пособие
для учащихся и преподавателей!**

В. Потапов "О тех, кого уже не ждут"
Фантастический роман, и др.

